РУССКІЕ СБОРНИКИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРОВЪ

Э. Д. ГРИММА и К. Н. СОКОЛОВА

КНИГА ПЕРВАЯ.

СОФІЯ
РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ редакціи I

На рубежѣ III

1. **К. Н. Соколовъ.** Единая Россія 1
2. **Э. Д. Гриммъ.** Сумерки боговъ 17
3. **Хр. Силяновъ.** Болгарія и стремленія Россіи къ проливамъ . 39
4. **Ю. Рапопортъ.** Украинцы 68
5. Изъ письма русскаго бѣженца 84

ОБЗОРЫ.

1. **К. С.** Международная жизнь 89
2. * * * Совѣтская Россія и Европа 99
3. **П. М. Богаевскій.** Балканскій Ближневосточный Институтъ . 109

ПРИДВОРНАЯ ТИПОГРАФІЯ, АКЦІОНЕРН. О-ВО
СОФІЯ — 1920

РУССКІЕ СБОРНИКИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРОВЪ
Э. Д. ГРИММА и К. Н. СОКОЛОВА

КНИГА ПЕРВАЯ

РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СОФІЯ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр

Отъ редакціи I

На рубежѣ III

1. **К. Н. Соколовъ**. Единая Россія 1
2. **Э. Д. Гриммъ**. Сумерки боговъ 17
3. **Хр. Силяновъ.** Болгарія и стремленія Россіи къ проливамъ . 39
4. **Ю. Рапопортъ**. Украинцы 68
5. Изъ письма русскаго бѣженца 84

ОБЗОРЫ.

1. **К. С.** Международная жизнь 89
2. * * * Совѣтская Россія и Европа 99
3. **П. М. Богаевскій.** Балканскій Ближневосточный Институтъ . 109

Отъ редакціи.

Выпуская въ свѣтъ первую книгу „Русскихъ Сборниковъ", за которой приблизительно въ мѣсячный срокъ должна послѣдовать вторая, редакція считаетъ необходимымъ въ нѣсколькихъ словахъ опредѣлить задачи новаго изданія.

События, пережитыя въ Россіи со времени революціи 1917 года и, въ особенности, съ момента большевистскаго переворота, совершенно заново поставили передъ русскимъ народомъ многіе вопросы, затрагивающіе различныя стороны его жизни, отъ хозяйственной до религіозной включительно. То или иное рѣшеніе этихъ вопросовъ русскою общественно-политической мыслью, котрая сейчасъ въ значительной степени формируется заграницей, неизбѣжно будетъ имѣть огромное вліяніе на грядущія судьбы Россіи. Принять посильное участіе въ ихъ обсужденіи есть патріотическій долгъ каждаго сознательнаго русскаго гражданина.

Въ теченіе ряда лѣтъ русская интеллигентская мысль вдохновлялась, прежде всего, борьбой съ самодержавнымъ строемъ, въ которомъ она видѣла одно изъ главныхъ препятствій на пути широкаго и свободнаго развитія нашего народа. Въ увлеченіи этой борьбой, она нерѣдко, однако забывала объ общихъ и обязательныхъ условіяхъ народно-государственнаго бытія и подвергала часто осужденію то, что отнюдь не будучи органически связано съ абсолютизмомъ, произтекало изъ самыхъ нѣдръ народной жизни. Она легко впадала поэтомъ въ безжизненную теоретичность, въ оппозиціонную рутину и трафаретъ. Въ Россіи нашихъ дней совершается огромной важности столкновеніе теоріи съ практикой; въ результатѣ революціонныхъ потрясеній на сцену выступилъ самъ народъ, и многія привычныя и близкія русской интеллигенціи сужденія и представленія требуютъ коренного пересмотра.

Редакціи „Русскихъ Сборниковъ“ одинаково чужды соціалистическая идеологія, такъ называемой „революціонной демократіи“ и „реставраціонная“ идеологія неисправимыхъ приверженцевъ стараго порядка. За этими двумя исключеніями, „Русскіе Сборники“ дадутъ на своихъ страницахъ мѣсто всякому искреннему и свѣжему слову. Какъ бы сочувственно ни относилась къ намъ иностранная среда, въ которую насъ забросили судьба или собственный выборъ, всѣ помыслы русскихъ изгнанниковъ принадлежатъ, конечно, Россіи. „Русскіе Сборники“ будутъ посвящены, прежде всего русской жизни. Но редакція намѣрена посильно откликаться и на очередныя проблемы иностранной жизни, безъ яснаго пониманія которой — немыслимо планомѣрное русское культурное и политическое строительство.

Трудныя условія организаціи русскаго изданія заграницей дѣлаютъ неизбѣжными, особенно на первое время, нѣкоторые пробѣлы и извѣстную случайность матеріала. Редакція приложитъ всѣ усилія къ постепенному устраненію этихъ недостатковъ.

На рубежѣ.

Крымская катастрофа ударила больно по сердцу всѣхъ русскихъ людей, признававшихъ возможность и необходимость вооруженной борьбы съ большевиками. Ею заканчивается тотъ періодъ борьбы съ большевизмомъ, который ведетъ свое начало отъ воззванія генерала Алексѣева 2 декабря 1917 года объ образованіи Добровольческой Арміи.

Работа большевиковъ по разложенію старой русской арміи, безпрерывная проповѣдь гражданской войны, наконецъ октябрьскій переворотъ, за которымъ уже вырисовывался Брестъ-Литовскій миръ съ нѣмцами, исполнили широкіе слои русскаго общества отвращенія къ людямъ „пломбированнаго вагона". Много разочарованій принесла въ собой русская революція съ первыхъ же своихъ шаговъ всѣмъ тѣмъ, кто былъ готовъ принять ее какъ неизбѣжный или даже радостный фактъ русской жизни. Однако, не только безволіе перваго состава Временнаго Правительства, но и претенціозная истерія А. Ф. Керенскаго блѣднѣли передъ высокомѣрнымъ фанатизмомъ Ленина и Троцкаго.

Мартовская революція была несомнѣнно дѣломъ общерусскаго національнаго сознанія. Искать ея объясненія въ одной лишь войнѣ значило бы закрывать глаза, какъ на фактъ долгаго наростанія революціонной волны, такъ и на послѣдующій размахъ революціонныхъ событій, представляющихъ неслыханной силы сдвигъ всей русской жизни. Но, сначала полу-ленинство „революціонной демократіи", потомъ большевизмъ мало по малу превратили обще-національную революцію въ классовую пугачевщину подъ знаменемъ интернаціонала. Передъ лицомъ этой пугачевщины русскіе люди, помнившіе свое родство съ прежней русской жизнью, чувствовали себя безсильными. Ихъ было сравнительно такъ немного, слова ихъ оказывались настолько далекими отъ пониманія массъ,

что у нихъ опускались руки. Но то, что совершалось вокругъ нихъ, было такъ отвратительно съ національной точки зрѣнія и такъ унизительно для подлиннаго человѣческаго достоинства, что они не могли примириться съ побѣдой своихъ враговъ и мучительно ждали призыва къ организованной борьбѣ съ поразившей Россію болѣзнію.

Призывъ раздался 2 декабря изъ Новочеркасска. Въ этомъ — историческая заслуга М. В. Алексѣева, поднявшаго знамя русской культуры и государственности среди полнаго и, казалось, безнадежнаго развала. То былъ возмущенный протестъ не противъ революціи, какъ таковой, а противъ національнаго предательства и всеобщаго насилія, противъ отрицанія всякаго человѣческаго достоинства и всякой человѣческой свободы. Когда этотъ приказъ издавался, за спиной генерала Алексѣева не было ни физической силы, ни денежныхъ средствъ, ни какой бы то ни было серьезной „контръ-революціонной" организаціи, и не было даже широкаго пониманія начинавшейся россійской трагедіи. Алексѣевъ опирался на одно, основное и крѣпкое чувство, — на глубокую увѣренность въ томъ, что большевизмъ ведетъ Россію къ неслыханнымъ бѣдствіямъ, къ голоду, къ физическому и нравственному вырожденію однихъ, къ одичанію другихъ. И онъ призналъ себя нравственно обязаннымъ поднять свой голосъ противъ грядущаго ужаса и призвать подъ свое знамя — знамя Россіи — всѣхъ тѣхъ русскихъ людей, которые думали, какъ онъ, и какъ онъ, испытывали страстную потребность бороться противъ надвинувшейся національной катастрофы.

Призывъ ген. Алексѣева, къ которому вскорѣ присоединился другой верховный главнокомандующій русскихъ армій, Л. Г. Корниловъ, былъ услышанъ. Къ нимъ потянулись десятки тысячъ русскихъ людей, принесшихъ съ собою вмѣстѣ со своей враждой къ большевикамъ также всѣ свои страсти и всѣ свои человѣческія слабости и всю свою непривычку къ совмѣстной политической дѣятельности. Они собирались на югѣ Россіи не потому, что они были самые „знатные" или самые „богатые" — кто знаетъ Южно-Русское общество, тотъ оцѣнитъ всю глубокую нелѣпость этой легенды — они собирались здѣсь, одни раньше, другіе позднѣе, потому, что они, самые обыкновенные русскіе офицеры и солдаты, меньше другихъ были способны прино-

ровиться къ большевистскому режиму насилія, острѣе другихъ переживали униженіе своего человѣческаго достоинства и сильнѣе были увѣрены въ томъ, что никакое здоровое національное развитіе не можетъ быть основано на „интернаціонализмѣ“, „борьбѣ классовъ“ и „диктатурѣ пролетаріата“.

Три года начавшейся тогда борьбы войдутъ яркой, содержательной страницей въ исторію Россіи.

Во всякомъ движеніи, даже въ такомъ, какъ то, которое было поднято Алексѣевымъ и Корниловымъ, не можетъ не быть тѣневыхъ сторонъ. Всѣ массовыя движенія, отъ крестовыхъ походовъ до разнаго рода освободительныхъ національныхъ войнъ страдаютъ этой роковой болѣзнью. Только тотъ, кто не понимаетъ сложности человѣческой природы и вытекающей изъ нея сложности всякой національной жизни, можетъ преувеличивать значеніе этого общечеловѣческаго недуга. Не въ нихъ, не въ этихъ темныхъ спутникахъ личнаго или коллективнаго существованія, заключается содержаніе и національно-иравственное значеніе южно-русской борьбы. Оно заключается въ самоотверженной смерти многихъ тысячъ простыхъ русскихъ людей, въ ихъ смерти за Россію.

Сейчасъ вѣроятно найдется немало людей, которые подъ вліяніемъ событій будутъ готовы усумниться во всемъ, — въ Россіи, въ себѣ и въ своихъ побужденіяхъ. Ихъ, этихъ сомнѣвающихся было немало уже послѣ крушенія арміи, командованія и правительства ген. Деникина. Самозащита Крыма и личная энергія ген. Врангеля заставили ихъ снова повѣрить въ свою родину. Крымская катастрофа доведетъ ихъ сомнѣнія и ихъ отчаяніе до высшей степени.

Всѣмъ этимъ сомнѣвающимся, страдавшимъ и страдающимъ за общерусское дѣло, хотѣлось бы сказать ободряющія слова. Хотѣлось бы спросить ихъ: развѣ вы забыли, изъ за чего вы уходили изъ „совѣтской“ Россіи, развѣ вашъ уходъ изъ нея былъ, какъ нынѣ говорятъ, результатомъ страха, жажды „реакціи“ и стремленія къ „бѣлому хлѣбу“? Да, разумѣется, всѣ мы не духи безплотные, и всѣ мы чувствовали, одни больше, другіе меньше, удары по нашему благосостоянію. Но развѣ вы уходили на югъ Россіи и вступали, военные и штатскіе, мужчины и женщины, старые и молодые, въ ряды противобольшевистскихъ силъ, думая, что вы пріобрѣтете тамъ „великія и богатыя милости“, „мирное и благоденственное

житіе"? Вѣдь, именно та самая тяжесть жизни, на которую вы сознательно шли, уходя на югъ и порывая со всякой возможностью „устроиться" въ болѣе или менѣе привычной обстановкѣ, — вѣдь, устроились же другіе, въ концѣ концовъ, въ ней, а стало быть могли бы устроиться и вы, если бы захотѣли, — вѣдь, именно эта тяжесть жизни подорвала въ концѣ концовъ энергію многихъ изъ васъ. Теперь къ ней прибавились бѣгство и эмиграція и связанныя съ ними лишенія и униженія, личныя и національныя, и это нерѣдко побуждаетъ нѣкоторыхъ изъ васъ ставить себѣ вопросъ, хорошо ли, правильно ли, наконецъ, разсчетливо ли вы поступили, когда вы ушли „оттуда" и отдали себя другому дѣлу, дѣлу возсозданія Россіи „изъ ничего"? Но достаточно ясно поставить этотъ вопросъ, что бы отвѣтить на него твердымъ рѣшеніемъ не поддаваться приступу малодушія и остаться вѣрными знамени, которому вы по мѣрѣ силъ и способностей служили.

Многихъ смущало еще и то, что вожди Южной Россіи опирались на чужестранную помощь. Только слѣпой и недобросовѣстный человѣкъ можетъ упрекнуть ихъ въ этомъ. Ни одинъ изъ нихъ, ни Корниловъ, ни Алексѣевъ, ни Деникинъ, ни Врангель, ни далекій отъ участниковъ южно-русской трагедіи, но близкій всѣмъ имъ по духу Колчакъ, — никогда не смотрѣли на себя иначе, какъ на равноправныхъ по существу *союзниковъ* другихъ страхъ, гораздо большимъ обязанныхъ за время послѣдней войны Россіи, чѣмъ Россія обязана имъ. Каждый изъ нихъ понималъ, что, говоря о Россіи и отъ ея имени, онъ можетъ быть вынужденъ дѣлать временныя уступки, — кто изъ великихъ русскихъ государей не былъ вынужденъ ихъ дѣлать — но каждый изъ нихъ зналъ, что онъ оставляетъ за собою право своевременно напомнить всему міру о вѣчныхъ и неустранимыхъ правахъ Россіи. . .

Какъ бы ни были велики внѣшнія и внутреннія затрудненія русской жизни и какъ бы боровшіеся съ большевизмомъ русскіе люди ни расходились въ пониманіи той политики, которую надлежало принять южно-русской власти для того, чтобы объединить вокругъ себя населеніе Россіи и возстановить въ ней порядокъ и разумное существованіе, всѣхъ ихъ всегда объединяло одно общее начало: глубокое внутреннее ощущеніе непріемлемости того надругательства надъ человѣческой личностью, ея убѣжденіями и ея вѣрованіями,

того издѣвательства надъ Россіей, ея традиціями и ея національнымъ будущимъ, которыя составляютъ неизмѣнную основу фанатическихъ убѣжденій или корыстной политики большевистскаго, коммунистическаго и интернаціоналистическаго, начальства красной Россіи.

Быть можеть, ихъ, борцовъ южной Россіи, раздѣляли еще больше, чѣмъ вопросы принципіально важные, другіе, гораздо болѣе мелкіе по существу, печальные споры о фронтѣ и тылѣ. Много было въ этихъ спорахъ и сужденіяхъ справедливаго и несправедливаго, вѣрнаго и невѣрнаго. Не пора ли признать, что и тылъ, — не десятки и сотни спекулянтовъ тыла, которыхъ всегда, при всякихъ условіяхъ и во всякой странѣ не мало, — а тылъ въ цѣломъ несъ свои тяготы жизни, тяготы тѣмъ болѣе неблагодарныя, что никто, не исключая и тѣхъ, кто ихъ переносилъ, не признавалъ ихъ равноцѣнными тому, что переносилъ настоящій, подлинный и поистинѣ геройскій фронтъ?

Фронтъ, совокупность активныхъ до полнаго самопожертвованія людей, переносившихъ и холодъ, и голодъ, и болѣзни, и полную неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, какъ для себя, такъ и для своихъ родныхъ и близкихъ, — фронтъ былъ той силой, которой держалась Южная Россія. Въ лицѣ своихъ убѣжденныхъ и просто порядочныхъ людей, тылъ всегда помнилъ объ этомъ и подчинялъ свои настроенія и взгляды фронту, — порой, быть можетъ, даже тогда, когда этого дѣлать не слѣдовало, а надо было возражать, дабы договориться въ интересахъ общаго дѣла на наилучшемъ пониманіи единой и для фронта, и для тыла задачи.

Но развѣ можно было забывать о томъ, что фронтъ — это тѣ которые сражаются и проливаютъ кровь, — кровь не чужую, а свою, — что фронтъ это тѣ, которые кладутъ „животъ свой за други своя“, въ томъ числѣ за тѣхъ, которыхъ никто на фронтѣ не знаетъ, но за которыхъ онъ все же сражается и умираетъ, — онъ холодный, голодный, больной, отнюдь не увѣренный въ томъ, что въ случаѣ побѣды на его долю достанутся какія либо блага, не увѣренный и въ возможности „эвакуаціи“ и личнаго спасенія, разъ только измѣнчивый жребій войны выпадаетъ противъ него.

Крымская трагедія заканчиваетъ великую Южно-русскую трагедію. Мало того, она заканчиваетъ трагедію вооруженной борьбы русскаго общества противъ большевизма.

Дѣло не только въ томъ, что съ Крымской катастрофой оборвалась формальная преемственность національно-русской, антибольшевистской власти. Противъ этой формальной преемственности власти, какъ бы ни было велико ея значеніе, спорили и будутъ, надо полагать, спорить и дальше. И сейчасъ въ предѣлахъ Россіи или внѣ ея могутъ явиться Лжедимитріи, Болотовы, Ляпуновы и разнаго рода призванные и непризванные вожди „казаковъ", которые будутъ объявлять себя „вождями народа", будутъ ссылаться на свои „преемственныя права" и будутъ въ силу этого претендовать на право говорить отъ имени Россіи вообще или, такъ называемой, „демократической Россіи", въ частности. Что бы они, однако, ни говорили, для всѣхъ насъ будетъ ясно, что это не болѣе, чемъ Самозванцы, національное значеніе которыхъ ничтожно. Не принципъ преемства власти побуждалъ десятки тысячъ людей сражаться и умирать вокругъ знаменъ Алексѣева, Корнилова, Колчака, Деникина и Врангеля. Ихъ побуждало къ этому сознаніе, что здѣсь поднятъ подлинный стягъ Россійскаго Государства, что здѣсь можетъ создаться крѣпкое ядро будущей Россіи, возрожденіе которой безъ паденія большевизма не возможно.

Борьба кончилась неудачей. Эту неудачу мы можемъ и должны открыто и безъ ложнаго стыда признать. Всякій, кто впредь будетъ стремиться продолжить или возобновить вооруженную борьбу съ большевизмомъ въ прежнемъ видѣ, пойдетъ по ложному пути.

Слѣдуетъ ли, однако, изъ этого, что мы можемъ, должны или вынуждены сложить оружіе передъ большевизмомъ и признать его побѣду?

Нѣтъ, не слѣдуетъ.

Только теперь мы, русскіе люди заграницей, не принимавшіе и непріемлющіе большевизма, чувствуемъ себя поистинѣ эмигрантами, Быть можетъ, намъ необходимо пройти черезъ это испытаніе и понять полностью, что значатъ меланхолическія слова Данте о „горькомъ хлѣбѣ изгнанія", для того, чтобы закалить себя въ борьбѣ и обрѣсти истинное

чутье русской жизни, которое одно поможетъ намъ одержать верхъ надъ нынѣшними владыками Россіи.

Гибель большевизма — вопросъ времени. Или, быть можетъ, вѣрнѣе, его гибель — вопросъ времени и нашего собственнаго народно-государственнаго чутья и пониманія. Народъ, прошедшій черезъ такое испытаніе, какъ наша революція, либо осужденъ на гибель для вразумленія Европы и другихъ странъ, либо предъ нимъ, когда онъ преодолѣетъ свою собственную революцію, открываются исключительно широкія перспективы жизни и творчества. Кто изъ насъ дерзнетъ усумниться, что, несмотря на всю свою темноту и на всѣ свои грѣхопаденія, народъ Петра Великаго и Пушкина построившій одно изъ наиболѣе культурно содержательныхъ государствъ міра, — а таковымъ было, чтобы ни говорили, старое государство Россійское, — народъ, выдвинувшій въ лицѣ Достоевскаго и Толстого съ исключительной силой и яркостью такія проблемы личной жизни, которыя служатъ содержаніемъ религіозно-философской мысли міра, что этотъ народъ выйдетъ побѣдоносно изъ тяжкаго переживаемаго имъ кризиса и преодолѣетъ ту болѣзнь роста, которая постигла его исполинскую натуру?

Конечная побѣда Россіи надъ большевизмомъ не вызываетъ сомнѣнія. Но это отнюдь не значитъ, что мы, русскіе люди, оказавшіеся эмигрантами, имѣемъ право умыть руки и спокойно ждать наступленія лучшаго будущаго.

Россію, хотя бы потерявшую себя и свое прошлое, — Россію разоренную, голодную и холодную, — Россію, растерянную, но враждебную всему, что носитъ на себѣ какой либо слѣдъ иностраннаго вмѣшательства въ то, что она признаетъ своимъ дѣломъ, — Россію ни покорить, ни завоевать *посторонней нерусской* силой нельзя. Она пойдетъ по тому пути, который она сама сочтетъ для себя наилучшимъ. Наша задача помочь ей въ этомъ дѣлѣ, помочь ей найти самое себя, помочь ей найти въ себѣ снова ту подлинную ея природу, которая позволила ей дѣлать въ теченіе вѣковъ исключительно крупное государственное и культурное дѣло, — дѣло, которое она снова должна взять въ свои руки и которое позволитъ ей опять встать на подобающее ей мѣсто среди народовъ Европы, — той самой Европы, которая ее сейчасъ

презираетъ и подаетъ ея эмигрантамъ отъ щедротъ своихъ „Христа ради".

Большевикамъ выгодно утверждать, что всѣ, нераздѣляющіе ихъ взглядовъ и ихъ пріемовъ управленія, — контръреволюціонеры. Враги большевизма впадаютъ порой въ обратную крайность и готовы отрицать одновременно съ большевизмомъ и революцію, готовы смѣшивать накипь и подлинную, исторически неизбѣжную волну. Это роковая ошибка. Не слѣдуетъ смѣшивать большевизмъ партійныхъ коммунистовъ съ тѣмъ, что массы въ революціонномъ угарѣ нашихъ дней могутъ связывать съ большевизмомъ, противъ котораго въ его реальномъ видѣ уже бунтуютъ ихъ обогащенный опытомъ умъ и ихъ просвѣтленная Христіанствомъ совѣсть.

Было время, когда враги стараго русскаго строя были сильны тѣмъ, что они являлись или казались знаменосцами свободы личности и свободы національнаго развитія Теперь это знамя, позорно втоптанное большевиками въ грязь, должно перейти въ руки ихъ враговъ.

„Симъ побѣдиши".

Единая Россія.

Was du ererbt von deinen Vätern hast,
Erwirb es, um es zu besitzen.

I.

Лозунгъ „Единая Россія“ предполагаетъ—независимо отъ унитарной или федеративной формы государственнаго устройства будущей Россійской Державы—возсоединеніе въ одно государственное цѣлое всѣхъ территорій, входившихъ въ составъ Россіи къ 1 Августа нов. стиля 1914 года, за исключеніемъ этнографической Польши. Судьба польскихъ губерній Россіи предопредѣлена законнымъ актомъ Временнаго Правительства. Будущей обще-русской власти останется только подтвердить отказъ Россіи отъ суверенитета надъ польскими землями, ранѣе ей принадлежавшими, и вступить въ соглашеніе съ польскимъ правительствомъ объ окончательномъ установленіи русско-польской границы. Обязательства, выданныя въ этомъ отношеніи совѣтской властью въ Ригѣ или въ иномъ мѣстѣ, будутъ для законнаго русскаго правительства юридически ничтожны. Такъ же юридически ничтожно, съ русской точки зрѣнія, постановленіе Верховнаго Совѣта отъ 10 Мая 1920 года, которымъ Бессарабія отторгнута отъ Россіи и присоединена къ Румыніи и въ которомъ это грубое насиліе цинически связано, между прочимъ, съ благонравнымъ поведеніемъ румынъ въ дѣлѣ эвакуаціи Венгріи. Россія въ Верховномъ Совѣтѣ представлена не была, отъ Бессарабской губерніи она не отказывалась, и она сохранитъ право оградить свои державные интересы въ этомъ вопросѣ, если возможно, мирнымъ путемъ, если угодно — силой.

Сложнѣе обстоитъ дѣло съ тѣми многочисленными „государственными образованіями“, которыя въ теченіе послѣднихъ лѣтъ возникли вдоль всей западной границы Россіи и въ Закавказьѣ и которыя съ большимъ или меньшимъ азартомъ отстаиваютъ свою независимость не только отъ

совѣтской Москвы, но и отъ всякой вообще русской государственности. Если оставить въ сторонѣ казачьи области, которыя въ лицѣ, по крайней мѣрѣ, правомочныхъ своихъ органовъ никогда не усваивали позиціи сепаратизма, и такъ называемую „Горскую Республику", — „образованіе" скорѣе опереточно-разбойнаго характера, то въ этой группѣ „независимыхъ республикъ" останутся Финляндія, Эстонія, Латвія, Литва, Бѣлоруссія, Украйна, Грузія, Азербейджанъ и Арменія. Юридическая квалификація этихъ территорій довольно пестра. Опредѣленнѣе и тверже всѣхъ положеніе Финляндіи и Арменіи. Финляндія и Армянская республика, значительную часть территоріи которой образуетъ русская Арменія, признаны великими державами, съ оговорками, сдѣланными Соединенными Штатами относительно русско-армянской границы; признаны онѣ и совѣтской властью. Болѣе всего шатко положеніе Бѣлоруссіи, которая не успѣла добиться отъ Европы признанія даже своей фактической самостоятельности. Нынѣ въ своей „красной" разновидности Бѣлоруссія вошла въ систему совѣтской федераціи. Эстонія, Латвія, Литва, Грузія и Азербейджанъ въ разное время были признаны Европой, какъ „фактическія правительства". Изъ ихъ числа Азербейджанъ послѣ утвержденія въ немъ большевистскаго режима поглощенъ совѣтской Россіей. Четыре остальныхъ „государственныхъ образованія" признаны независимыми и совѣтской властью. Независимость Украйны, націоналистической и гетманской, покоилась, въ международно-правовомъ смыслѣ, на Брестъ-Литовскомъ договорѣ. Съ аннулированіемъ его независимость „буржуазной" Украйны не имѣетъ болѣе никакой юридической опоры. Совѣтская же Украйна является составной частью совѣтской Россіи.

Иными словами независимость „государственныхъ образованій", окаймляющихъ почти сплошнымъ поясомъ западную и южную границы Европейской Россіи, санкціонирована либо брестскими соглашеніями, либо актами совѣтской власти, либо рѣшеніями державъ, принятыми безъ участія законнаго русскаго правительства. Брестскіе договоры, даже независимо отъ ихъ аннулированія, были бы юридически безразличны для законной обще-русской власти, какъ подписанные незаконнымъ совѣтскимъ правительствомъ. Акты, исходящіе отъ этого правительства, порочны въ самомъ своемъ источ-

никѣ, и потому юридически ничтожны и всѣ заключенные имъ съ разными окраинными „образованіями“ мирные договоры. Рѣшенія, принятыя державами, безъ участія Россіи, по отношенію къ Финляндіи или Литвѣ, не болѣе правомѣрны, чѣмъ постановленіе Верховнаго Совѣта о судьбѣ Бессарабіи. Юридически поэтому возстановленная обще-русская власть будетъ имѣть совершенно развязанныя руки въ области всѣхъ окраинныхъ вопросовъ. Въ какой бы внѣшней формѣ ни возродилась эта власть — будь то Всероссійская Императорская Корона, или Всероссійское Учредительное Собраніе — она поступитъ формально правомѣрно, если, возстановивъ нарушенное преемство державныхъ прерогативъ Россіи, она снова провозгласитъ суверенитетъ Россійской Державы надъ всѣми территоріями Единой Россіи.

Политически такой, формально безупречный, „жестъ“, вѣроятно, оказался бы, однако, чистымъ донкихотствомъ. Окраинныя „государственныя образованія“ уже цѣлые годы живутъ въ условіяхъ фактической самостоятельности, увлекаясь все больше и больше аттрибутами и суррогатами эфемерной державности и, что еще важнѣе, завязывая самостоятельныя связи съ иностраннымъ финансовымъ и коммерческимъ міромъ. Длительность этого состоянія — очень печальный, съ точки зрѣнія Единой Россіи, фактъ, но этотъ фактъ налицо, и съ нимъ необходимо считаться. Возстановленіе въ Россіи признанной національно-государственной власти задерживается, и все болѣе и болѣе дѣлается несомнѣннымъ, что второе собираніе Руси совершится не мгновенно, не въ порядкѣ „чистой перемѣны декораціи“, а въ формѣ болѣе или менѣе сложнаго соціально-политическаго процесса, въ развитіи котораго юридическія опредѣленія будутъ играть только вспомогательную роль.

2.

При анализѣ обстоятельствъ возникновенія современныхъ большихъ государствъ часто примѣнялись и примѣняются два трафарета, два, если можно такъ выразиться, „Иловайскихъ“ — консервативный и радикальный. Консервативный Иловайскій трактовалъ политическую исторію, какъ рядъ „выступленій“ различныхъ монарховъ и министровъ, воюющихъ, побѣждающихъ, аннексирующихъ, освобождающихъ. Кон-

серватившый Иловайскій приходилъ въ восторгъ отъ этихъ подвиговъ „героевъ“ исторіи и суверенно пренебрегалъ „толпой“, то есть народными движеніями и явленіями массоваго порядка. Въ наши дни въ европейскій политическій обиходъ, съ легкой руки президента Вильсона, вошелъ другой Иловайскій. Радикальный Иловайскій, подобно своему консервативному коллегѣ, разсматриваетъ политическую исторію, какъ цѣпь насилій и преступленій, совершаемыхъ отдѣльными высокопоставленными честолюбцами. Но, во первыхъ, въ отличіе отъ консервативнаго Иловайскаго, настроеннаго оптимистически, Иловайскій радикальный большой пессимистъ и тамъ, гдѣ тотъ торжествуетъ и радуется, онъ негодуетъ и проклинаетъ. Во вторыхъ, радикальный Иловайскій склоненъ дѣлать практическіе выводы изъ своей доктрины только въ отношеніи державъ, побѣжденныхъ въ великой войнѣ. Державы „союзныя и ассоціированныя“ надежно забронированы отъ его разрушительнаго анализа. За то каждую изъ непринадлежащихъ къ этому избранному обществу державъ онъ подвергаетъ тщательному изслѣдованію, требуетъ отъ нея отвѣта, какъ она пріобрѣла ту или другую область и провѣряетъ ея территоріальный составъ съ точки зрѣнія „самоопредѣленія народовъ“.

Конечно, радикальнаго Иловайскаго такъ же легко довести до абсурда, какъ и консервативнаго. Всѣ, безъ единаго исключенія, современныя государства сколочены мечомъ и цементированы кровью. Принявъ однажды „самоопредѣленіе“, надо уже проводить „самоопредѣленіе“ all round и, не ограничиваясь расчлененіемъ Россіи, попробовать расчленить и Соединенное Королевство, и Японію, и другія кажущіяся „монолитными“ державы. Да и относительно Россіи, развѣ не странно останавливаться на ея западныхъ и южныхъ окраинахъ, когда можно вспомнить и о Казанскомъ Царствѣ и о Великомъ Новгородѣ? Въ 1917 году, когда Россіей управляла „революціонная демократія“, полностью усвоившая ученіе о „самоопредѣленіи вплоть до отдѣленія“, по Петрограду распространялись прокламаціи, призывавшія новгородцевъ объединиться, чтобы свергнутъ „иго“ Москвы и Петрограда и снова „зазвонить въ вѣчевой колоколъ“. Если эти прокламаціи писали фанатики, они были послѣдовательнѣе и честнѣе Верховнаго Совѣта. Если это были шутники, они зло высмѣяли радикальнаго Иловайскаго.

Проницательнѣйшій изъ русскихъ историковъ В. О. Ключевскій въ своемъ „курсѣ“ объясняетъ процессъ постепеннаго расширенія русскаго государства двумя стремленіями — къ объединенію русской народности и къ достиженію естественныхъ границъ русской равнины. Эти стремленія были, конечно, свойственны не только московскимъ великимъ князьямъ, но и царямъ и петербу́ргскимъ императорамъ. То были стремленія, глубоко заложенныя въ природѣ мощнаго народнаго организма, который, стихійно расширяясь на западъ — къ Балтикѣ и на югъ — къ теплому морю, работалъ надъ завершеніемъ своего національнаго, государственнаго и экономическаго строительства. Консервативный и радикальный Иловайскіе согласны въ томъ, чтобы видѣть въ этомъ неуклонномъ, массовомъ движеніи дѣло рукъ Ивана IV, Алексѣя Михайловича, Петра I, Екатерины II. Историческая истина заключается въ томъ, что эти и другіе русскіе вѣнценосцы, какъ и ближайшіе ихъ сотрудники, были лишь болѣе или менѣе искусными и удачливыми носителями и проводниками россійской великодержавной идеи, рожденной и взлелѣянной самимъ русскимъ народомъ.

Съ извѣстными поправками и дополненіями, вызываемыми условіями современной экономической и колоніальной политики, формула Ключевскаго пріемлема и для нашихъ дней. Россія 1914 года была политически стройнымъ цѣлымъ, со своимъ внѣшнимъ стилемъ и со своей внутренней логикой. Она создалась такой, а не иной вовсе не благодаря „амбиціи“ или „грабительскому“ инстинкту всероссійскихъ „деспотовъ“. Принадлежность къ этому государству-колоссу каждой изъ его многочисленныхъ областей имѣла свое оправданіе въ коренныхъ особенностяхъ русскаго народнаго организма и въ его жизненныхъ потребностяхъ. Единая Россія была не случайнымъ нагроможденіемъ насильственно связанныхъ территорій, а закономѣрнымъ продуктомъ многихъ политическихъ и экономическихъ факторовъ, наличность которыхъ служитъ главной основой для непоколебимаго убѣжденія въ томъ, что, однажды возродившись, Россія рано или поздно неизбѣжно снова станетъ Единой Россіей.

Россія 1914 года не только не страдала „гипертрофіей имперіализма“, но передъ нею стояли еще двѣ не выполненныхъ національно-государственныхъ задачи, поставленныхъ ей

всѣмъ предшествовавшимъ ея развитіемъ по формулѣ Ключевскаго. Объединеніе русской народности требовало присоединенія Восточной Галиціи къ русской Украйнѣ. Стратегическое обезпеченіе южной русской границы и завершеніе экономическаго строенія Россіи выдвигали на очередь вопросъ о проливахъ. Въ осуществленіи обѣихъ этихъ задачъ заключался національный интересъ Россіи въ міровой войнѣ. Если, благодаря роковому стеченію обстоятельствъ, Россіи суждено возродиться безъ Восточной Галиціи и безъ проливовъ, то это вовсе не значитъ, что она должна навсегда отказаться отъ двухъ національныхъ идеаловъ, завѣщанныхъ ей вѣками ея славной исторіи.

3.

Стихійно расширяясь на западъ и на югъ, Россія встрѣчала на своемъ пути земли съ инороднымъ населеніемъ, входившія ранѣе въ составъ другихъ государствъ, иногда имѣвшія самостоятельное государственное прошлое. Дѣйствуя отъ случая къ случаю добромъ или насиліемъ, она включала эти земли въ свой территоріальный составъ, а населеніе ихъ сопричисляла къ своему народу. Было бы, конечно, очень прискорбно, съ общечеловѣческой точки зрѣнія, если бы было доказано, что Россія не несла присоединяемымъ областямъ ничего, кромѣ гнета и безправія, что созиданіе Единой Россіи совершалось цѣной порабощенія и эксплуатаціи инородческихъ окраинъ. На этотъ счетъ широко распространены самыя мрачныя преданія, которыя поддерживались прежде и русскимъ оппозиціоннымъ общественнымъ мнѣніемъ. Къ счастью, эти преданія очень сильно отклоняются отъ исторической правды. Несмотря на всѣ ошибки окраинной политики русскаго правительства, впадавшей иногда въ крайности „централизма“ и „руссификаціи“, но никогда даже и отдаленно не напоминавшей прусскаго „гакатизма“ или венгерской „мадьяризаціи“, можно смѣло утверждать, что принадлежность къ Россійской Державѣ была для инородческихъ ея окраинъ выгодна экономически, политически и культурно.

Экономическое благосостояніе окраинъ, возраставшее нерѣдко за счетъ оскудѣнія русскаго центра, обусловливалось уже просто фактомъ принадлежности къ великаму государству, которое являлось для нихъ почти безграничнымъ вну-

треннимъ рынкомъ. Русское владычество было экономически полезно окраинамъ еще и потому, что оно надежно обезпечивало ихъ внѣшнюю безопасность, которая создавала обстановку прочнаго мира, необходимую для безпрепятственнаго развитія ихъ производительныхъ силъ. Позволительно спросить, какъ развивалась бы экономически Грузія, если бы между нею и мусульманскимъ Востокомъ не стояла крѣпкая стѣна русскихъ армій, и ужъ, конечно, въ экономическомъ прогрессѣ Финляндіи какую нибудь роль да играла гарантированная ей русской властью свобода отъ военныхъ тяготъ. Наконецъ, русская казна затрачивала на техническое и хозяйственное оборудованіе окраинныхъ областей огромныя средства, и трудно, вѣроятно, даже приблизительно подсчитать тѣ милліоны, которые она вложила хотя бы въ одно только Закавказье. Пышный расцвѣтъ городской жизни, возникновеніе мѣстной промышленности, участіе въ міровомъ оборотѣ — всемъ этимъ окраины были обязаны русской государственности. Если эти юныя „республики“ могли вообще зажить полу-самостоятельной хозяйственной жизнью, то только благодаря запасамъ, накопленнымъ ими подъ сѣнью Россійской Державы.

Только русское владычество дало имъ возможность оформиться и въ національно-политическомъ отношеніи. На западѣ Россія воспріяла въ свое лоно территоріи съ исключительно сложнымъ національнымъ и соціальнымъ строемъ. Въ Финляндіи она нашла обездоленныя финскія массы и шведскую буржуазію, пользовавшуюся политическимъ, соціальнымъ и культурнымъ преобладаніемъ. Въ Эстляндіи, Лифлядіи и Курляндіи въ такомъ же соотношеніи находились эстонцы и латыши, съ одной стороны, и нѣмецкіе „бароны“, съ другой. На Литвѣ противостояли другъ другу литовскіе крестьяне и польскіе „паны“. Вездѣ господство русскихъ „деспотовъ“ оказалось благодѣтельнымъ для этихъ „угнетенныхъ народностей“. Оно ослабило давившее на нихъ иго привилегированныхъ „инородцевъ“ и впервые дало имъ возможность возвыситься до національнаго самосознанія, объединиться и организоваться. Нынѣ столь гордыя національности эстонская и латышская самымъ своимъ существованіемъ обязаны русской государственности. Умиротворяющая роль русской власти въ Закавказьѣ наиболѣе извѣстна и признана. Среди этого пе

страго хаоса вѣчно враждующихъ и взаимно другъ друга „рѣжущихъ“ національностей или племенъ Россія выступала въ качествѣ верховнаго арбитра, поддерживавшаго между ними нѣкоторое равновѣсіе и относительный миръ. О ея историческихъ заслугахъ въ этой области лучше всего прочаго свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что въ 1917 году, въ эпоху всяческихъ „свободъ“ и „самоопредѣленій“, закавказскіе депутаты возбуждали передъ Временнымъ Правительствомъ вопросъ о необходимости возстановить въ той или иной формѣ Кавказское Намѣстничество.

Понятіе русской культуры шире понятія русскаго племени, во всѣхъ его трехъ развѣтвленіяхъ. Создавая на окраинахъ благопріятныя условія для развитія „инородческихъ“ культуръ, Единая Россія въ то же время содѣйствовала интенсивному „обмѣну веществъ“ между этими мѣстными культурами и культурой „русской“, въ тѣсномъ этнографическомъ смыслѣ слова. На почвѣ такого взаимодѣйствія и возникла міровая культура Россіи, которая впитала въ себя многочисленные инородческіе элементы и, благодаря именно этому, отличается такою роскошью красокъ и оттѣнковъ. Обогащаясь при помощи культурныхъ заимствованій у своихъ окраинъ, Россія сторицей вознаграждала ихъ, такъ какъ черезъ нее онѣ пріобщались къ одной изъ наиболѣе мощныхъ міровыхъ культуръ. Длительно отгораживаться, во имя своей провинціальной самобытности, отъ міровой культуры Единой Россіи, значитъ для окраинъ идти на культурное обнищаніе.

Въ началѣ войны Европа имѣла возможность убѣдиться въ томъ, какъ понимали признанные представители русскихъ окраинныхъ областей свои отношенія къ Россіи. „Либеральная“ Австрія была не въ состояніи послѣ объявленія войны созвать рейхсратъ: вѣнское правительство вполнѣ основательно опасалось, что въ парламентѣ съ небывалой еще остротой вскроются національныя противорѣчія, разъѣдавшія организмъ „Лоскутной Имперіи“, и что народное представительство не усилитъ, а ослабитъ власть. „Деспотическая“ Россія могла себѣ позволить это испытаніе. Въ памятномъ іюльскомъ засѣданіи Государственной Думы окраинные депутаты одинъ за другимъ выходили на трибуну, и ихъ національныя жалобы и претензіи не помѣшали имъ громко подтвердить ихъ непоколебимую вѣрность Единой Россіи.

Авторитетность этихъ декларацій будутъ, вѣроятно, оспаривать потому, что онѣ были сдѣланы въ Государственной Думѣ, избранной на основаніи положенія 3 Іюня. Но изъ политической литературы послѣднихъ лѣтъ было бы очень легко привести аналогичныя заявленія, сдѣланныя въ совершенно иной средѣ лицами, національная „благонадежность“ которыхъ выше всякихъ подозрѣній.

Такъ, въ Ноябрѣ 1917 года въ Тифлисѣ, въ засѣданіи грузинскаго національнаго конгресса, вождь грузинскихъ соціалъ-демократовъ, нынѣ глава правительства независимой Грузіи, Ной Жорданія говорилъ:

„Присоединеніе Грузіи къ Россіи не было случайнымъ эпизодомъ или результатомъ чьихъ либо личныхъ желаній. Оно было для насъ исторической необходимостью. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе всего девятнадцатаго вѣка, грузинскій народъ испыталъ много разочарованій, много страданій, но никогда ни одна грузинская политическая партія не высказывалась за отдѣленіе его отъ Россіи. Мы хотѣли оставаться вѣрными оріентаціи на Россію. Мы очень хорошо знали, что отдѣленіе отъ Россіи означало бы для насъ возвращеніе подъ иго Востока . . . Наше положеніе диктуетъ намъ линію нашего поведенія. Наша оріентація остается той же, что оріентація нашихъ отцовъ къ концу восемнадцатаго столѣтія. И въ этомъ отношеніи мы не одиноки. Армяне слѣдуютъ той же оріентаціи, и экономическіе интересы татаръ побуждаютъ ихъ держаться того же политическаго курса, такъ какъ, съ точки зрѣнія экономической и интеллектуальной, Азербейджанъ стоитъ значительно выше сосѣднихъ областей Персіи и Турціи. Такимъ образомъ интересы всѣхъ народовъ Закавказья требуютъ возстановленія центральной государственной власти въ Россіи“.

4.

Слова Ноя Жорданія примѣнимы едва ли не ко всѣмъ окраиннымъ „образованіямъ“. До послѣднихъ лѣтъ въ нихъ почти не было серьезныхъ политическихъ группъ, которыя стояли бы на платформѣ чистаго сепаратизма. Въ огромномъ своемъ большинствѣ окраинныя политическія партіи требовали національной или территоріальной „автономіи“ или, въ самомъ крайнемъ случаѣ, федераціи. Значительное вліяніе,

которое имѣла на эти партіи марксистская доктрина, вообще равнодушная къ національному вопросу, не благопріятствовало сепаратистскимъ настроеніямъ. Но съ началомъ міровой войны на всѣхъ русскихъ окраинахъ стала усиленно работать германская пропаганда, стремившаяся разжечь національныя страсти, расчленить и тѣмъ обезсилить Россію. Революціонный кризисъ 1917 года, сопровождавшійся катастрофическимъ упадкомъ русскаго государственнаго сознанія, устранилъ всѣ преграды на пути разроставшихся центробѣжныхъ теченій. Дѣло докончилъ октябрьскій переворотъ. Утвержденіе въ центральной Россіи большевистскаго режима откинуло въ лагерь сепаратистовъ послѣднихъ сторонниковъ „русской оріентаціи“.

Роль Германіи въ созданіи сепаратистскихъ движеній на русскихъ окраинахъ теперь уже не составляетъ никакого секрета. Неоднократно опубликованные документы неопровержимо доказываютъ, что у германскаго генеральнаго штаба имѣлся, наряду съ собственно стратегическимъ планомъ кампаніи, тщательно разработанный политическій планъ, въ которомъ были предусмотрѣны всѣ детали, отъ подготовки мѣстныхъ возстаній до группировки по наліональностямъ русскихъ военноплѣнныхъ для формированія изъ нихъ кадровъ будущихъ „самостійныхъ“ армій. Крупныя интеллектуальныя силы трудились надъ идеологическимъ обоснованіемъ этой сепаратистской агитаціи. Пауль Рорбахъ спеціализировался на Украйнѣ. Знаменитй натурфилософъ, Вильгельмъ Оствальдъ проповѣдывалъ отторженіе отъ Россіи Прибалтійскихъ провинцій. Многочисленные научные авторитеты дѣйствовали въ томъ же направленіи, то стыдливо говоря объ освобожденіи „угнетенныхъ національностей“ отъ русскаго „рабства“, то откровенно проповѣдуя расширеніе германскихъ границъ на Востокъ. Первое время Германію занимали преимущественно западныя окраины Россіи, но по мѣрѣ того, какъ все шире и шире развертывались перспективы ея мірового единоборства съ Англіей, взоры Германіи устремлялись на юго-востокъ и въ послѣдніе мѣсяцы войны она дарила особеннымъ вниманіемъ русское Закавказье.

Императорская Германія строила свои расчеты въ Россіи главнымъ образомъ на сотрудничествѣ съ крайними политическими теченіями въ средѣ окраинныхъ національностей. Ея

вольными или невольными союзниками, ея сознательными или безсознательными агентами были по преимуществу окраинные радикалы и соціалисты. Революція 1917 года, если бы она осталась вѣрной русскимъ національно-государственнымъ началамъ, могла бы скомпрометировать и сорвать эту противоестественную кооперацію. Но революція превратилась очень скоро въ анархическое, антинаціональное движеніе, которое вмѣсто того, чтобы закрѣпить, въ конецъ расшатало потрясенную войной организацію Единой Россіи. Неврастеническое безволіе революціонныхъ верховъ сошлось съ политической темнотой массъ, классическимъ проявленіемъ которой послужила знаменитая фраза вологодскаго мужика, сказанная по поводу взятія Риги: „Что намъ Рига, ежели мы вологодскіе“. „Вологодскіе“, „калужскіе“, „рязанскіе“, не понимая связи вещей, покидали опостылѣвшій имъ фронтъ, а революціонное правительство безпомощно присутствовало при развалѣ арміи и крушеніи государственнаго аппарата, безъ борьбы капитулируя передъ каждымъ совершившимся фактомъ „самоопредѣленія“. Россія расползалась по швамъ, и центральная власть, утопавшая въ морѣ революціонной словесности и лишенная всякой дѣйственной энергіи, была безсильна задержать этотъ развалъ. Рядомъ съ обанкротившейся, впавшей въ рамолисментъ центральной русской государственностью окраины, съ зародышами мѣстныхъ патріотизмовъ и съ задорной готовностью къ борьбѣ, проникались сознаніемъ собственнаго достоинства и даже нѣкоторымъ высокомѣріемъ. Большевистскій переворотъ побудилъ окраинныя „образованія“ еще больше сжаться и еще рѣшительнѣе отмежеваться отъ пораженной краснымъ недугомъ „русской“ Россіи. Вліяніе большевизма этимъ не ограничилось. Добиваясь для себя „передышки“, во что бы то ни стало, совѣтская власть Брестъ-Литовскимъ миромъ и дополнительными къ нему соглашеніями положила начало и формальному расчлененію Россійской Державы. Она пошла навстрѣчу захватнымъ стремленіямъ центральныхъ монархій и выдала головой западныя окраины Германіи, а Закавказье — Турціи. У окраинныхъ „образованій“ послѣ этого, собственно, не оставалось другого практическаго выхода, какъ искать протектората Германіи, чтобы хотя бы ея штыками отгородиться отъ грозившихъ ихъ существованію опасностей.

Въ 1918 году Германія, казалось, добилась своего: всѣ сепаратистскія движенія на русскихъ окраинахъ оріентировались на нее. „Всѣ новыя политическія образованія въ Россіи простираютъ къ намъ свои руки, предлагая намъ миръ и дружбу", говорилъ въ засѣданіи рейхстага 10 Сентября статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ Гинтце. Германія не считала уже нужнымъ щадить самолюбіе своихъ новыхъ вассаловъ, и въ томъ же засѣданіи рейхстага вице-канцлеръ фонъ-Пайеръ доказывалъ, что всѣ эти новыя государства „слишкомъ малы, чтобы пользоваться полною независимостью". „Впрочемъ, продолжалъ онъ, никакое сосѣднее государство никогда не потерпитъ, чтобы они, по свободному своему усмотрѣнію, кокетничали то направо, то налѣво и занимались политикой за свой страхъ и рискъ". Когда „независимая" Литва увлеклась до того, что позволила себѣ „за свой страхъ и рискъ" выбрать себѣ въ государи принца Урахскаго, она тотчасъ же была призвана къ порядку. — „Независимость Литвы, писала по этому поводу офиціозная газета имперскаго канцлера, была въ свое время признана Германіей только подъ условіемъ, что политическая организація страны будетъ установлена въ соотвѣтствіи съ германскими интересами; это означаетъ, что Литва не имѣетъ права самостоятельно рѣшать вопросы, касающіеся ея престола".

5.

Съ тѣхъ поръ прошло два года. Центральныя державы потерпѣли неслыханный разгромъ, и въ Версали Германія отказалась отъ всѣхъ пріобрѣтеній, которыя она получила по Брестъ-Литовскому миру съ дополнительными къ нему соглашеніями. А русскія окраинныя государства, „слишкомъ малыя, чтобы пользоваться полной независимостью", продолжаютъ вести полу-самостоятельное существованіе. — „Они вынуждены, говорилъ о нихъ въ 1918 году фонъ-Пайеръ, искать гдѣ-нибудь опоры, искать союзовъ". Опираться на Германію стало невозможно, „союзъ" съ разбитой Имперіей Гогенцоллерновъ утратилъ смыслъ. Но, лишившись опоры Германіи, окраинныя „образованія" немедленно нашли новую опору въ политикѣ союзниковъ, которая, позволила имъ и уберечься отъ поглощенія совѣтской Россіей, и остаться въ сторонѣ отъ

патріотической борьбы за возсозданіе русской государственности, ведомой національно-русскими силами.

Капитуляція Германіи въ Ноябрѣ 1918 года вызвала въ русскихъ патріотахъ надежду, что союзныя державы останутся и послѣ побѣды вѣрны идеѣ Единой Россіи, какъ онѣ были ей вѣрны или называли себя ей вѣрными, когда вели въ Москвѣ переговоры о „возстановленіи восточнаго фронта". Русскіе патріоты, бившіеся на смерть съ большевиками подъ знаменами, на которыхъ, между прочимъ, былъ начертанъ и лозунгъ незыблемости союзныхъ договоровъ, ждали, что союзныя державы, рѣшительно связавшись съ національно-русскимъ движеніемъ, поставятъ окраинныхъ сепаратистовъ въ необходимость выбирать между поглощеніемъ ихъ совѣтской властью и присоединеніемъ къ Колчаку, Деникину и Юденичу. Но вмѣсто прямой и ясной политики, въ русскомъ вопросѣ у союзниковъ оказалась трусливая и лицемѣрная политика съ двойнымъ дномъ. Союзники никогда не отрекались цѣликомъ отъ „любви" къ Единой Роскіи, но эта любовь умѣрялась у нихъ „флиртомъ" со всѣми окраинными сепаратизмами, интенсивность котораго то возрастала, то понижалась, въ зависимости отъ удачъ или неудачъ, выпадавшихъ на долю русскихъ армій. Въ теченіе всего почти 1919 года эта двойная игра велась въ Эстоніи и въ Грузіи, въ Одесскомъ районѣ и въ Азербейджанѣ, къ явному ущербу для національно-русскаго дѣла. Примѣрно въ Ноябрѣ прошлаго года, съ момента откровеннаго возвращенія Ллойдъ-Джорджа къ руссофобскимъ традиціямъ лорда Биконсфильда, внутреннее противорѣчіе въ союзной политикѣ стало быстро разрѣшаться въ смыслѣ оріентаціи на сепаратизмъ, и въ началѣ 1920 года союзники окончательно повернулись спиной къ Единой Россіи. Правда, 10 Августа государственный секретарь Соединенныхъ Штатовъ обратился къ итальянскому послу въ Вашингтонѣ съ весьма подробной и краснорѣчивой нотой по русскому вопросу, въ которой съ большой силой отстаивается тезисъ о неприкосновенности „цѣлокупной" Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, Польши и русской Арменіи. Но къ сажалѣнію, этотъ дипломатическій „жестъ" самъ по себѣ, конечно, очень цѣнный для русскаго національнаго сознанія, нѣсколько запоздалъ и носитъ, подобно всѣмъ послѣднимъ выступленіямъ Америки по вопросамъ международной политики, совершенно абстрактный

характеръ. Соединеннымъ Штатамъ и ранѣе, какъ напримѣръ въ случаѣ съ признаніемъ Верховнымъ Совѣтомъ самостоятельности закавказскихъ „образованій“, приходилось отклоняться отъ политики союзниковъ въ русскомъ вопросѣ. Но эти теоретическіе протесты, которые русская политическая мысль не преминетъ использовать въ будущемъ, столь же мало могли повліять на текущую реальную политику, какъ-можетъ исправить послѣдствія прежняго „зигзагообразнаго“ курса теперешнее полное присоединеніе французскаго правительства къ „принципамъ“ американской ноты.

6.

„Заинтересованность“ союзныхъ державъ въ окраинныхъ „образованіяхъ“, съ того момента, какъ германская „опора“ ихъ самостоятельности подмѣнена „опорой“ союзниковъ, успѣла уже принять вполнѣ реальныя формы. Эти „слишкомъ малыя, чтобы пользоватся полною независимостью“ „государства“ обладаютъ сырьемъ, по которому изголодалась Европа, и нуждаются въ капиталахъ, которые еще имѣются въ иностранныхъ „шерстяныхъ чулкахъ“ и банкахъ. На этой почвѣ между окраинными „образованіями“ и европейско-американскимъ міромъ завязались дѣловыя сношенія, которыя развиваются съ большей или меньшей быстротой, но которыя неизмѣнно тяготѣютъ къ созданію изъ русскихъ окраинъ „сферъ вліянія“, экономическаго и политическаго, великихъ державъ. Здѣсь несомнѣнно кроется элементъ самаго серьезнаго противодѣйствія возсозданію Единой Россіи. Для того, чтобы возсоздать ее, надо будетъ не только уничтожить въ центрѣ Россіи режимъ коммунистическаго интернаціонализма и преодолѣть мѣстныя сепаратистскія тенденціи, но и побороть стоящія за ними чужеземныя силы.

Несмотря на это, тотъ, кто однажды постигъ стихійное величіе историческаго процесса, приведшаго къ созданію „бывшей“ Единой Россіи, не усумнится ни на минуту, что русской мощи хватитъ и на такую титаническую работу. Можно держаться толко одного изъ двухъ взглядовъ на грядущія судьбы русскаго народа. Или русскій народъ „обреченъ“ исторіей, и тогда „балканизація“ Россіи дожна неудержимо прогрессировать, и вся восточно-европейская равни-

на должна превратиться въ арену для свободнаго состязанія чужихъ интересовъ и аппетитовъ, или переживаемый Россіей тяжкій кризисъ есть — какъ всѣ мы вѣримъ — кризисъ къ выздоровленію и тогда, оправившись и окрѣпнувъ, русскій народъ снова выйдетъ на свой широкій историческій путь. Мало вѣроятно, чтобы Россія возродилась при этомъ только какъ „русская“ Россія. Едва лишь опредѣлится рѣшительная побѣда въ Россіи національнаго-государственнаго начала, наиболѣе предусмотрительныя изъ окраинныхъ „образованій“ несомнѣнно вернутся къ русской „оріентаціи“ съ тою же поспѣшностью, съ какой въ 1918 году они переставили свои международныя ставки съ германской карты на союзническую. Но даже если это предположеніе не оправдается, „маленькая“, со всѣхъ сторонъ урѣзанная Россія все же будетъ великой державой съ однороднымъ населеніемъ въ 100 милліоновъ человѣкъ, съ неисчерпаемыми рессурсами земельныхъ пространствъ и природныхъ богатствъ. Эта великая держава не уживется въ тѣхъ тѣсныхъ, неестественныхъ границахъ, которыя отмѣрятъ ей зависть иностранныхъ конкурентовъ и притязательность окраинныхъ политиковъ. Гигантскій народный организмъ снова начнетъ расправлять свои богатырскіе члены, и опять совершится неудержимое расширеніе Россіи на западъ, къ Балтикѣ, и на югъ, къ теплому морю. Какъ функція создаетъ себѣ органъ, такъ это расширеніе найдетъ своихъ „героевъ“, но по существу оно опять будетъ движеніемъ массовымъ, народнымъ.

Оно будетъ народнымъ движеніемъ даже въ еще большей степени, чѣмъ прежде, потому что судьбѣ угодно было, чтобы интернаціоналистическая революція окончательно пробудила въ русскомъ народѣ дремавшее въ немъ національное чувство. Только потерявъ Великую Россію, русскіе люди стали писать и произносить эти два слова безъ иронических ковычекъ, только въ „разсѣяніи“, въ состояніи убогаго и унизительнаго бѣженства, или въ изгнаніи, на положеніи презираемыхъ паріевъ европейскаго общества они поняли, что значитъ быть гражданиномъ великой страны. Этого драгоцѣннѣйшаго изъ завоеваній революціи никто уже не отмѣнитъ и не отыметъ. Какова бы ни была форма государственнаго устройства возрожденной Россіи, она будетъ Россіей народной, близкой и дорогой всѣмъ своимъ гражданамъ, которые бу-

дутъ не только радоваться ея удачамъ, но и мучаться ея пораженіями, не только претендовать каждый на свою долю отраженныхъ лучей ея славы, но и нести каждый свою долю отвѣтственности за выпадающія ей испытанія.

Русская политическая мысль являетъ сейчасъ, на первый взглядъ, привычное зрѣлище безнадежнаго разброда. Нѣтъ, какъ будто, даже двухъ русскихъ партій, группъ, кружковъ или газетъ, согласныхъ въ пониманіи путей и пріемовъ собиранія Россіи, ея будущаго внутренняго соціально-политическаго строя, ея желательной международной „оріентаціи". Но утѣшительно уже и то, что сквозь эту сумятицу принципіальныхъ споровъ и личныхъ пререканій, партійной полемики и политическихъ дрязгъ все явственнѣе и сильнѣе прорывается элементарное чувство любви къ отечеству. О любви къ стечеству и народной гордости до недавняго времени у насъ тоже было принято говорить не иначе, какъ съ „оппозиціонной" усмѣшкой. Кажется, теперь мы научились, наконецъ, не стыдиться своей сыновней любви къ Россіи, единой и прекрасной, и убѣдились, что многимъ въ величавомъ размахѣ ея имперскаго строительства намъ можно и должно было гордиться. Это уже большой шагъ впередъ, навстрѣчу лучшему будущему.

К. Соколовъ.

Сумерки боговъ.

Когда Гете, участвовавшій въ походѣ прусской арміи противъ революціонной Франціи, увидѣлъ, какъ прусскія войска послѣ битвы при Вальми (въ 1792 г.) собрались отступать, онъ сказалъ знаменитыя слова: „сегодня и въ этомъ мѣстѣ начинается новая эпоха исторіи."

Тѣ изъ насъ, которые сознательно переживали послѣднюю великую „войну народовъ", давно испытывали чувство, что мы присутствуемъ при еще гораздо болѣе важномъ этапѣ не въ одной только европейской, а въ міровой исторіи. На нашихъ глазахъ была перевернута чрезвычайно важная страница исторіи человѣчества и была раскрыта новая, всего содержанія которой никто изъ насъ, не исключая и самыхъ даровитыхъ и самыхъ знающихъ людей, еще не въ состояніи предугадать.

События, которыя наблюдалъ и правильно оцѣнилъ великій нѣмецкій поэтъ и мыслитель, имѣли, правда, косвенно также міровое значеніе, но непосредственно они относились лишь къ исторіи Европы. Значеніе тѣхъ событій, свидѣтелями которыхъ довелось быть нашему поколѣнію, имѣютъ явно общемірового значеніе. Они окрасятъ собою и внѣшнюю и внутреннюю жизнь всѣхъ народовъ земного шара.

Въ теченіе долгаго ряда поколѣній Европа и, въ частности, западная Европа, стояла безспорно во главѣ хозяйственнаго, культурнаго и политическаго развитія человѣчества. Правда, еще въ концѣ прошлаго, въ началѣ текущаго вѣка совершились событія, служившія въ глазахъ дальновидныхъ наблюдателей признаками грядущаго измѣненія привычнаго положенія вещей. Испано-американская война 1897 г., приведшая къ ликвидаціи послѣднихъ крупныхъ колоніальныхъ владѣній Испаніи въ предѣлахъ Новаго Свѣта (Куба) и Великаго Океана (Филипины), а вслѣдъ за ней японо-русская война 1904—5 г., доказали, что эра безпредѣльнаго господ-

ства Европы въ мірѣ пришла къ концу. У старой и слишкомъ увѣренной въ себѣ Европы появились конкуренты, неожиданно для многихъ накопившіе значительныя военныя силы и не менѣе значительные „имперіалистическіе“ аппетиты.

Громкіе раскаты трубныхъ звуковъ и грохотъ битвъ производятъ обычно особенно сильное впечатлѣніе. Однако нельзя сказать, чтобы названныя событія содѣйствовали отрезвленію европейскихъ народовъ. Они продолжали баюкать себя увѣренностью въ своемъ безусловномъ превосходствѣ надъ прочимъ человѣчествомъ и интересовались по прежнему лишь тѣмъ, что происходило въ ихъ собственной средѣ, — въ предѣлахъ этой маленькой Европы, которая вдобавокъ охотно и пренебрежительно отметала отъ себя „полуазіатскую“ Россію и самодовольно увлекалась тѣмъ, что она со своими 80,000 кв. миль территоріи и со своими 250—275 милліонами населенія справляется со всѣмъ міромъ и руководитъ имъ экономически, политически и культурно.

Когда одни люди говорили о грядущей „желтой“ опасности — въ числѣ ихъ былъ не толко императоръ Вильгельмъ, но и русскій философъ Вл. С. Соловьевъ, — когда другіе люди предрекали, что за желтой опасностью встанетъ другая, не меньшая, а быть можетъ, даже и большая, черная опасность, тогда къ ихъ словамъ относились либо съ недовѣріемъ, либо съ усмѣшкой. „Родъ людской тамъ спитъ глубоко ужъ девятый (или девяностый!) вѣкъ...“

Не велико было количество и тѣхъ людей, которые хотя и отрицали или не понимали полностью грозной культурно-исторической проблемы, при зарожденіи которой присутствуетъ наше поколѣніе, но все же признавали, что хозяйственное могущество Европы стоитъ передъ очень серьезнымъ испытаніемъ. Лишь очень немногіе чуяли, что начавшееся въ Японіи, въ Индіи и неизбѣжное въ Китаѣ развитіе крупной промышленности поставитъ Европу и связанную съ нею цивилизацію рано или поздно лицомъ къ лицу съ культурной проблемой, гораздо болѣе серьезной, чѣмъ та, которая вытекаетъ изъ конкуренціи родственно съ нами связанныхъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и разныхъ другихъ странъ Новаго Свѣта.

Теперь, послѣ недавней великой войны и въ связи съ вызванной ею разрухой европейской жизни, эти вопросы и опасенія пріобрѣли неизмѣримо болѣе острый и отчетливый характеръ.

* * *

Вліяніе войны сказалось въ трехъ направленіяхъ во взаимоотношеніяхъ Европы и прочихъ материковъ.

Прежде всего война нанесла богатству Европы ударъ совершенно неслыханной силы.

Въ теченіе ряда лѣтъ народы Европы отрывали десятки милліоновъ людей отъ мирнаго производительнаго труда и обращали всю энергію и изобрѣтательность остальныхъ на производство возможно болѣе смертоносныхъ орудій борьбы. Обширныя области подвергались разоренію. Оно не ограничилось разрушеніемъ жилыхъ строеній и движимаго имущества; оно привело къ уничтоженію фабрикъ и заводовъ, желѣзныхъ дорогъ и шоссейныхъ путей, къ затопленію угольныхъ копей и нефтяныхъ источниковъ, къ уничтоженію лѣсовъ и виноградниковъ, къ небывалому разоренію плодороднаго слоя земли, созданнаго вѣковыми усиліями многихъ поколѣній. Англійская „голодная блокада“ и нѣмецкая подводная война подорвали всѣ нормальныя формы торговаго обмѣна міра. Сокращеніе наличнаго количества продовольствія и топлива, достигшее въ отдѣльныхъ случаяхъ по истинѣ катастрофическихъ размѣровъ, въ то же время грозило физіологическимъ истощеніемъ цѣлыхъ народовъ, ставившимъ Европу лицомъ къ лицу со страшной опасностью вырожденія части ея населенія. Несомнѣнно то, что уже нынѣ имъ вызвано рѣзкое ослабленіе массовой энергіи и трудоспособности. Милліоны молодыхъ людей убиты и искалѣчены; еще большее число отвыкло за время войны отъ мирнаго труда, сотни милліоновъ тяжело пострадали такъ или иначе отъ войны, недовольны всѣмъ на свѣтѣ, неврастенически жаждутъ улучшенія бытовыхъ условій и раздражаются все болѣе возрастающимъ ухудшеніемъ ихъ. Всѣ эти массы мертвыхъ и полуживыхъ людей, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ велико всеобщее разореніе, представляютъ отрицательный человѣческій балансъ войны. Ихъ душевное состояніе заставляетъ говорить о серьезномъ нарушеніи духовнаго равновѣсія европейскаго населенія, — того духовнаго равновѣсія, которое одно позволяетъ сравнительно легко мириться съ неизбѣжнымъ и искать изъ него выхода не въ смутныхъ и напрасныхъ надеждахъ на какое то извнѣ приходящее чудесное облегче-

ніе жизни, а въ напряженіи собственной эенергіи, выносливости и трудоспособности.

Параллельно съ оскудѣніямъ Европы шло неслыханно быстрое обогащеніе нѣкоторыхъ внѣевропейскихъ странъ, въ особенности Соединенныхъ Штатовъ и Японіи.

Впервые внѣевропейскія страны оказались не должниками, а кредиторами Европы и стали скупать европейскія цѣнности, ползуясь пониженіемъ самыхъ, казалось, устойчивыхъ валютъ міра. Со сказочной быстротой росли торговые флоты и кораблестроительство, при чемъ и тутъ на первомъ мѣстѣ стояли Соединенные Штаты и Японія. Роль посредника міровой торговли, представлявшая одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ богатства Англіи, явно начинаетъ ускользать изъ ея рукъ: недавній законъ Джонса, своего рода американское повтореніе того Навигаціоннаго Акта, которымъ Англія нанесла въ свое время сокрушающій ударъ міровому посредничеству Нидерландовъ, теперь обращаетъ это оружіе противъ нея самой.

Однако, война привела не только къ матеріальному оскудѣнію Европы и не только къ обогащенію другихъ материковъ. Не менѣе существеннымъ послѣдствіемъ ея было паденіе удѣльнаго вѣса, духовнаго и общекультурнаго содержанія европейской жизни въ сознаніи тѣхъ самыхъ народовъ, которые недавно еще, хотя порой со скрежетомъ зубовнымъ, подчинялись престижу Европы.

Владычица міра въ припадкѣ безумнаго взаимнаго озлобленія людей нашего поколѣнія сдѣлала все, чтобы разрушить результаты труда многихъ предъидущихъ поколѣній. Она не ограничилась тѣмъ, что сама подвергла обширныя и богатыя европейскія земли потоку и разграбленію; она не только привлекла своихъ азіатскихъ и африканскихъ поданныхъ къ созерцнію этого зрѣлища, она привлекла ихъ и къ активному участію въ европейской борьбѣ.

Кто можетъ сейчасъ учесть, къ какимъ выводамъ приведутъ впечатлѣнія и опытъ войны, извлеченные варварскими и полуварварскими дружинами Англіи и Франціи, какъ тѣхъ изъ нихъ, кто участвовалъ въ міровой бойнѣ, такъ и всѣхъ соплеменниковъ? Кто учтетъ, какое вліяніе окажетъ на нихъ ожесточенная пропаганда и агитація воевавшихъ другъ съ другомъ европейцевъ, дѣлавшихъ все, чтобы подорвать каж-

дый авторитетъ другого и подрывавшихъ тѣмъ самымъ одинаково важный и для тѣхъ и для другихъ общій авторитетъ всей Европы?

* * *

Народы Европы слишкомъ привыкли вѣрить въ безконечную устойчивость своего богатства и своей силы. А между тѣмъ грандіозный ростъ богатства Европы въ XIX вѣкѣ былъ результатомъ не столько внутреннихъ, сколько внѣшнихъ причинъ, — точнѣе говоря, причинъ, коренившихся не въ специфическомъ существѣ европейской культуры, а въ счастливой комбинаціи внѣшнихъ и временныхъ результатовъ европейской жизни, именно поэтому частью или полностью, рано или поздно, доступныхъ и другимъ странамъ свѣта.

Одна изъ этихъ причинъ заключалась въ необычайно долгомъ мирѣ, который въ отличіе отъ предшествующихъ столѣтій было суждено пережить Европѣ въ XIX вѣкѣ. Отъ 1815 г. (Вѣнскій конгрессъ) до 1914 г. главныя страны Европы пережили два періода необычайно долгаго мира, продолжавшагося въ совокупности (отъ 1812—1848 г., отъ 1871—1914 г.) 76 лѣтъ. Правда и за это время ворота Януса не закрывались окончательно, но тѣ войны, которыя происходили, совершались на периферіи европейской жизни или имѣли характеръ чисто мѣстныхъ столкновеній и „экспедицій", а не настоящихъ большихъ европейскихъ войнъ. Да и тѣ войны, которыя происходили между 1848 и 1870 г. г. продолжались такъ недолго (итальянская война 1859 г., датская война 1864 г., нѣмецкая война 1866 г., франко-прусская война 1870—71 г.), что онѣ сравнительно мало отозвались на хозяйственной жизни материка: въ этомъ смыслѣ онѣ имѣли, строго говоря, даже меньшее значеніе чѣмъ революціонная эпоха 1848—1850 годовъ. Сравните съ этими краткими эпизодами воинственной горячки продолжительныя и разорительныя войны предшествующихъ вѣковъ и неимовѣрное напряженіе временъ послѣдней міровой войны и вы увидите, сколь благопріятно было въ этомъ отношеніи положеніе XIX вѣка. . .

Вторая причина того, почему европейское населеніе выросло за XIX вѣкъ съ 120 до 380 м., почему европейское производство во всѣхъ его видахъ за это время удесятерилось, почему европейская культура и количественно и каче-

ственно росла съ неимовѣрной быстротой, заключается въ томъ, что примѣненіе машинной техники — какъ въ области производства, такъ и въ области транспорта, — а то и другое не могло не отразиться и на ростѣ европейскаго капитала, т. е. если не народнаго, то національнаго богатства, — позволило увеличить производительность человѣческаго труда не въ десятки, а въ сотни и тысячи разъ и не только прокормить гораздо болѣе значительное, чѣмъ раньше, количество населенія, но и улучшить его условія жизни во много разъ.

Взаимодѣйствіе двухъ этихъ причинъ поставило Европу на недосягаемое, казалось, мѣсто среди прочихъ материковъ и обезпечивало какъ ея собственное процвѣтаніе, такъ и главенство ея на земномъ шарѣ. Старое, религіозное, основаніе въ силу котораго христіанскіе народы Европы считали себя „Божіими избранниками“ и „учителями міра“ не исчезло вовсе, но уступило первенствующее мѣсто совсѣмъ другому обоснованію европейскаго мессіанизма. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше европейскіе народы привыкали думать, что они народы по преимуществу и даже исключительно „культурные“ и что всѣ прочіе народы и расы представляютъ „культурный навозъ“, которымъ европейцы призваны пользоваться для вящей славы и процвѣтанія истинной и единственной европейской культуры. Народы европейскаго Запада были особенно склонны къ такому самодовольному ослѣпленію и охотно относили къ числу „культурнаго навоза“ и часть самого европейскаго населенія, точнѣе говоря его славянскую часть, т. е. около одной его трети.

А между тѣмъ сама Европа всячески распространяла машинное и связанное съ нимъ высоко капиталистическое производство внѣ своихъ предѣловъ, усиливая тѣмъ самымъ конкуренцію своихъ, частью болѣе богатыхъ, по природнымъ условіямъ или по количеству населенія, сосѣдей. И даже выгодъ долгаго мира Европа лишала себя въ значительной степени благодаря системѣ „вооруженнаго мира“, который отражалъ въ концѣ концовъ лишь внутреннюю неустойчивость ея международнаго положенія, какъ хроническія и порой огромныя стачки, подрывавшія ея спокойное хозяйственное развитіе, отражали неустойчивость ея соціальнаго положенія. Послѣдняя война и связанныя съ нею глубокія соціальныя потрясенія лишь завершили этотъ процессъ и

довели европейскую гегемонію надъ міромъ до роковой пропасти и грядущаго краха.

* * *

Внѣшній ростъ и внутреннее, культурно-этическое, неустройство европейской жизни породили въ ней тѣ два конфликта, которые губятъ на нашихъ глазахъ все превосходство и все будущее развитіе европейской жизни: внутренній соціальный конфликтъ въ предѣлахъ каждаго изъ европейскихъ народовъ и „имперіалистическую“ борьбу народовъ между собой.

Старые конфликты сословно-правового характера исчезали, правда, по мѣрѣ распространенія конституціонныхъ и демократическихъ идей и учрежденій. Но ихъ мѣсто заняли еще болѣе острые конфликты „классоваго“ характера. Одинъ изъ нихъ, борьба между земледѣльческими и торговопромышленными интересами деревни и помѣстья — съ одной стороны, интересами города, съ другой стороны, долгое время не занималъ въ сознаніи европейскаго общества надлежащаго мѣста. Это объясняется прежде всего исключительнымъ вліяніемъ, которое въ особенности въ теченіе XIX вѣка пріобрѣли города и городская культура: разъ $^3/_4$ населенія, какъ въ Германіи, или $^4/_5$, какъ въ Англіи, принадлежатъ къ населенію городскому, вполнѣ естественно, что преобладающія теченія общественной мысли оріентируются въ сторону навыковъ мысли и интересовъ города, добросовѣстно забывающаго о томъ, что онъ выросъ и продолжаетъ расти за счетъ деревни, и столь же добросовѣстно думающаго, что вся соль культурной жизни и ея развитія заключается въ немъ одномъ.

Характернымъ стремленіемъ города въ области хозяйственной политики является стремленіе къ пониженію хлѣбныхъ цѣнъ, къ низкимъ цѣнамъ въ области продовольственныхъ продуктовъ вообще.

Долгая борьба англійскаго общества съ искусственной поддержкой государствомъ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ, окончившаяся побѣдой города, привела вслѣдствіе этого къ полному паденію англійскаго земледѣлія, къ замѣнѣ пашенъ и луговъ знаменитыми парками англійскихъ лендлордовъ. Въ этомъ процессѣ сказалась отнюдь не одна только мода, а

прежде всего малая выгодность или совершенная невыгодность земледѣльческаго хозяйства. Земля стала своего рода предметомъ роскоши, объектомъ расходовъ, а не источникомъ доходовъ.

Нигдѣ въ Европѣ этотъ процессъ не достигъ такихъ размѣровъ, какъ въ Англіи, ибо нигдѣ въ Европѣ городъ не поглотилъ такого процента населенія и нигдѣ въ то же время онъ не смогъ открыть себѣ, пользуясь богатствомъ страны, такихъ рынковъ земледѣльческаго сырья, какимъ обезпечила себя Англія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ни одной изъ странъ міра не грозитъ такая опасность какъ Англіи въ случаѣ, если обычные ея рынки по разнообразнымъ причинамъ сильно повысятъ цѣны на продовольственные продукты, а рость общаго богатства страны въ то же время пріостановится и въ связи съ этимъ будутъ подорваны какъ вся національная покупательная сила ея въ цѣломъ, такъ и прежнее соотношеніе между заработной платой ея рабочихъ массъ и стоимостью необходимыхъ для ихъ существованія средствъ пропитанія. . .

Процессъ, развившійся съ исключительной силой въ Англіи, привелъ въ другихъ странахъ, какъ напр. въ Германіи, въ Австріи, въ Болгаріи и т. д., къ созданію аграрныхъ организацій. („крестьянскіе союзы", „союзы аграріевъ", „земледѣльческіе союзы" и т. д.), цѣль которыхъ заключалась въ борьбѣ съ преобладаніемъ „городскихъ", торговопромышленныхъ интересовъ и въ защитѣ необходимыхъ для существованія и процвѣтанія земледѣлія хозяйственныхъ условій и таможенной политики.

Въ большинствѣ случаевъ эти организаціи были болѣе или менѣе тѣсно связаны съ консервативными теченіями общественной жизни и нерѣдко были именно имъ обязаны самымъ своимъ возникновеніемъ. Этимъ еще больше обострялось естественное и безъ того подозрительное и враждебное къ нимъ отношеніе господствовавшаго радикальнаго и демократическаго теченія городской мысли. Впрочемъ, примѣръ хотя бы болгарскаго Земледѣльческаго Союза, вожди котораго нынѣ стоятъ во главѣ болгарскаго правительства, показываетъ, что никакой непремѣнной связи между земледѣльческими хозяйственными организаціями и реакціонной или консервативной идеологіей въ *политическихъ* вопросахъ установить нельзя. Именно этотъ примѣръ показываетъ, что за-

щита интересовъ земледѣлія при извѣстныхъ уловіяхъ (безусловное преобладаніе мелкаго и средняго землевладѣнія крестьянскаго типа) можетъ итти рука объ руку съ весьма радикальными и демократическими взглядами въ области государственнаго устройства, соціальной и податной политики.

Какъ бы тамъ ни было, во всякомъ случаѣ только послѣдняя война, приведшая къ міровому кризису городского хозяйства и городской культуры, настолько измѣнила соотношеніе силъ между деревней и городомъ, что проблема ихъ взаимоотношеній получила въ сознаніи европейскаго общества актуальный интересъ.

До послѣдняго времени, когда говорили о соціальномъ вопросѣ нашихъ дней, имѣли въ виду прежде всего и главнымъ образомъ вопросъ о той борьбѣ, которая происходила въ нѣдрахъ торгово-промышленной жизни самого города. Широкое примѣненіе капитала и машиннаго производства въ области промышленной жизни, начавшееся въ Англіи въ концѣ XVIII вѣка, во Франціи, въ Германіи и т. д. — послѣ окончанія Наполеоновскихъ войнъ, привело къ чрезвычайному обостренію антагонизма между рабочими массами и предпринимателями. Раннія стадіи развитія капиталистическаго производства по весьма естественнымъ причинамъ отличаются всегда и повсюду особенной эгоистичностью еще не окрѣпшаго, и не усвоившаго истиннаго пониманія своихъ свобственныхъ интересовъ капитала, иначе говоря — особенно скандальнымъ въ глазахъ широкихъ слоевъ общества противорѣчіемъ между пауперизмомъ пролетаризирующихся народныхъ массъ и неумѣло беззастѣнчивымъ проявленіемъ силы новорожденной плутократіи.

На этой почвѣ развивались какъ стихійное недовольство массъ, такъ и культурно-этическій протестъ людей, чуткая совѣсть и разумная прозорливость которыхъ протестовали противъ тягостнаго, порой почти рабскаго, положенія не только взрослыхъ мужчинъ, но женщинъ и дѣтей въ тѣхъ центрахъ хозяйственнаго ада, въ какіе обратились фабрики, заводы, угольныя копи и рудники. Здѣсь толпы здоровыхъ людей въ короткій срокъ превращались въ изнеможденныя, загубленныя непосильнымъ трудомъ, алкоголемъ и венерическими болѣзнями тѣни и создавалась страшная угроза здоровому развитію самихъ народовъ.

Начавшись съ протеста противъ наиболѣе вопіющихъ эксцессовъ капитализма, борьба вскорѣ пріобрѣла гораздо болѣе радикальный характеръ. Не мѣшаетъ подчеркнуть, что не рабочія массы придали ей первыя этотъ характеръ. Наоборотъ, чисто рабочія движенія первыхъ моментовъ роста капитализма имѣли характеръ чисто стихійныхъ взрывовъ, приводившихъ нерѣдко къ нелѣпому разрушенію машинъ, этихъ ненавистныхъ конкурентовъ физической силы и ловкости самихъ рабочихъ, къ разгрому заводовъ, фабрикъ и т. д. Болѣе глубокое пониманіе вопроса было внесено въ рабочія массы извнѣ изъ среды тѣхъ людей, которымъ гуманныя идеи христіанства и философіи XVIII вѣка, государственный опытъ и высокая оцѣнка національной идеи открыли глаза на опасности безграничной эксплоатаціи народныхъ массъ организаторами производства.

Но по мѣрѣ того, какъ именно ихъ публицистическая и организаціонная работа — вмѣстѣ съ правительственными мѣропріятіями и съ разумнымъ вниманіемъ къ хозяйственнымъ и бытовымъ потребностямъ массъ, проникавшимъ постепенно въ среду предпринимателей — содѣйствовала поднятію самосознанія рабочихъ, острота вопроса нисколько не смягчалась.

За періодомъ фабричныхъ буйствъ, безпорядочныхъ и разорительныхъ стачекъ, за періодомъ проповѣдыванія, отстаиванія и проведенія отдѣльныхъ, хотя бы и весьма важныхъ реформъ, за періодомъ развитія рабочихъ профессіональныхъ и т. д. кооперативовъ, насталъ періодъ распространенія и углубленія революціонной идеи, — идеи, согласно которой есть только одинъ единственный, вѣрный и разумный путь къ разрѣшенію „соціальнаго вопроса“ въ его цѣломъ, а именно соціально-политическій переворотъ, передающій все руководство хозяйственной жизни изъ рукъ „кучки“ предпринимателей въ руки самихъ производителей цѣнностей, т. е. рабочихъ, и уничтожающій въ связи съ этимъ режимъ личной собственности.

Первая попытка приложить революціонную идею въ области соціальныхъ отношеній состоялась, какъ предвидѣлъ еще до этого Л. Фонъ-Штейнъ, въ 1848 г. во Франціи. Уже тогда она вступила въ своеобразный союзъ со старой якобинской идеологіей конца XVIII вѣка, допускавшей насиліе немногихъ людей, понимающихъ народныя потребности *лучше самого на-*

рода, надъ массами, дабы побудить и заставить послѣднія принять спасительныя для нихъ условія жизни.

Теоретически формулировалъ ту же мысль еще немного раньше К. Марксъ въ „Коммунистическомъ Манифестѣ", гдѣ впервые была сдѣлана попытка обосновать идею необходимости соціальной революціи ея якобы соціологической неизбѣжностью и гдѣ, утопизмъ соціальнаго идеализма своеобразно переплетался съ реализмомъ въ оцѣнкѣ существующихъ общественныхъ отношеній.

Тогда создался якобы „научный" соціализмъ нашихъ дней. Вся „научность" его сводится къ пониманію организующаго рабочій классъ вліянія фабрично-заводско-машиннаго производства, и къ признанію политическаго значенія рабочало класса. Въ остальномъ этотъ научный соціализмъ основанъ на переоцѣнкѣ значенія психологическаго объединенія пролетаріата, какъ средства для захвата власти и соціалистическаго переустройства быстро пролетаризируемаго желѣзными законами хозяйственнаго развитія общества. Это не помѣшало ему пріобрѣсти съ теченіемъ времени руководящее значеніе въ идеологіи рабочихъ массъ всей Европы. Лишь очень немногіе понимали, что побѣда марксизма съ его глубокимъ пренебреженіемъ къ личной энергіи какъ въ ея индивидуальныхъ, такъ и въ ея коллективныхъ проявленіяхъ и съ его совершенно бездоказательной вѣрой въ закономѣрное и телеологически-разумное діалектическое теченіе историческаго процесса вела къ торжеству философски и научно слабаго, общественно и этически вреднаго теченія полупессимистической европейской мысли. То былъ родъ соціалистическаго и демократическаго спутника Бисмарковской политики „крови и желѣза." Практически еще важнѣе и опаснѣе, какъ доказали русскія событія послѣднихъ лѣтъ, была та сторона марксизма, которая соединяла высшія идеалистическія стремленія къ общественной солидарности и справедливости съ глубоко-противоположной имъ по существу идеей борьбы классовъ и злополучной идеей „диктатуры пролетаріата", т. е. съ проповѣдью взаимной ненависти и насилія меньшинства надъ большинствомъ во имя достиженія... всеобщаго мира, свободы и справедливости! Что можетъ быть характернѣе для безнадежнаго озлобленія разныхъ соціальныхъ элементовъ господствовавшаго въ Европѣ городского слоя ея населенія, чѣмъ побѣдоносное развитіе

этого узкаго, подпольно-революціоннаго и человѣконенавистническаго, несмотря на весь его кажущійся идеализмъ, теченія мысли? Его успѣхъ свидѣтельствуетъ лишь о томъ, до какой степени жизнь европейскихъ городскихъ массъ все болѣе и болѣе отравлялась чувствомъ страстной и непримиримой ненависти, а отнюдь не о томъ, что она просвѣтлялась ростомъ сознанія общности національныхъ и общечеловѣческихъ интересовъ и задачъ...

Другимъ, тѣсно связаннымъ во многихъ отношеніяхъ съ предыдущимъ, проявленіемъ того же чисто эгоистическаго направленія мыслей было чудовищное развитіе эгоизма въ области „имперіалистической“ политики европейскихъ правительствъ и народовъ. За періодомъ стародавнихъ, отчасти объективно вынужденныхъ, отчасти просто традиціонныхъ стремленій отдѣльныхъ *правительствъ* къ распространенію своего владычества на новыя области, за періодомъ тяготѣнія господствующихъ *аристократическихъ и плутократическихъ* круговъ къ расширенію сферы ихъ примитивно-хищнической (на счетъ „низшихъ расъ“) эксплоатаціи новыхъ территорій и подданныхъ послѣдовалъ въ концѣ прошлаго, въ началѣ нынѣшняго вѣка періодъ погони за пріобрѣтеніемъ и закрѣпленіемъ рынковъ, въ которомъ принимали болѣе или менѣе сознательное участіе (какъ напр. въ англо-бурской войнѣ) и т. наз. *„широкіе демократическіе слои“*. Колоссальное увеличеніе англійской колоніальной имперіи, созданіе французской колоніальной имперіи, стремленіе Россіи къ Портъ- Артуру и Кореѣ, безпокойная тяга Германія не то къ захвату плохо, казалось, лежавшихъ китайскихъ провинцій, не то къ раздѣлу и пріобрѣтенію португальскихъ, голландскихъ и французскихъ колоній, не то, наконецъ, къ созданію нѣмецкой колоніальной имперіи въ Малой Азіи и Месопотаміи, все это явленія болѣе или менѣе одного и того же порядка.

Послѣдняя міровая война представляла неизбѣжный результатъ этихъ разнорѣчивыхъ стремленій. Подобно тому, какъ внутренняя жизнь европейскихъ народовъ съ каждымъ годомъ все болѣе отравлялась несчастной идеей борьбы классовъ и необходимости насильственнаго ея разрѣшенія, такъ международная жизнь отравлялась все болѣе мыслью о необходимости и законности ожесточенной конкуренціи между народами и неизбѣжности кроваваго ея разрѣшенія.

Избытокъ накопленныхъ европейскими народами силъ былъ такъ великъ и увѣренность каждаго изъ нихъ въ своей силѣ была такъ безконечна, что никто изъ насъ европейцевъ серьезно не опасался послѣдствій ожидаемыхъ всѣми событій. „Сѣяли вѣтеръ, пожали бурю“ — бурю роковой войны, послѣдствія которой падаютъ сейчасъ на Европу, но падутъ съ теченіемъ времени, если общій типъ народной и международной жизни останется прежнимъ, и на истинныхъ побѣдителей въ послѣдней войнѣ, на Соединенные Штаты, на Японію и прочія „иже съ ними“ державы...

* * *

Въ самомъ дѣлѣ, необходимо понять что то, что придавало и придаетъ внутренней, соціальной и международной борьбѣ нашихъ дней ея особенный и характерный. а съ тѣмъ вмѣстѣ и роковой для европейской культуры отпечатокъ, это ея этическія особенности или вѣрнѣе ея *совершенный аморализмъ*.

XIX вѣкъ привыкъ относиться съ великимъ пренебреженіемъ къ „сантиментальному“ идеализму XVIII вѣка. Онъ привыкъ упрекать предшествовавшій ему вѣкъ, а тѣмъ болѣе глубоко презираемые имъ средніе вѣка въ недостаткѣ „реализма,“ „историческаго реализма“ въ частности. Извѣстная доля истины въ этомъ упрекѣ несомнѣнно имѣется. Не увлекся ли, однако, XIX вѣкъ обратной крайностью и не впалъ ли онъ въ столь же одностороннее преклоненіе передъ „реалистической,“ а въ сущности технически-механической, въ человѣческихъ отношеніяхъ не менѣе ошибочной и односторонней, „цѣлесообразностью?“

Что дала теорія „классовой борьбы“ и въ чемъ она выразилась органически? Не привела ли она къ мысли о томъ, что есть только одинъ „цѣлесообразный“ путь къ „прогресеу,“ — путь насилія вполнѣ допустимаго, поскольку оно приводитъ къ желательной цѣли? И не сводится ли споръ между разными группами добросовѣстныхъ революціонныхъ соціалъ-демократовъ къ тому, что одни считаютъ это насиліе умѣстнымъ уже теперь, тогда какъ другіе хотятъ его отложить на 24 часа, на нѣсколько лѣтъ, на десятилѣтіе или на столѣтіе? Мѣняетъ ли оцѣнка тактическаго удобства момента что либо по существу въ идеологіи тѣхъ и другихъ?

А что дала борьба народовъ между собой? Не вызвала ли она такое же преобладаніе вопросовъ „тактики“ и „техники“ надъ всякими иными вопросами, иначе говоря такую же механизацію во взаимныхъ отношеніяхъ между народами? „Нужда не знаетъ (нравственнаго) закона,“ а потому можно объявить договоръ о нейтралитетѣ Бельгіи „клочкомъ бумаги,“ прибѣгнуть къ примѣненію удушающихъ газовъ, къ политикѣ застращиванія противника системой истребительного веденія войны, къ потопленію „Лузитаніи,“ или, обратно, можно прибѣгать къ „голодной блокадѣ“ и осуждать цѣлый народъ на физіологическое вырожденіе. „Salus publica suprema lex,“ а стало быть можно систематически возбуждать поклонниковъ ислама къ священной войнѣ противъ европейскихъ гяуровъ, содѣйствовать проникновенію разрушительнаго большевистскаго яда въ Россію или, наоборотъ, можно убѣждать нѣмцевъ въ томъ, что имъ будетъ обезпеченъ миръ, только если они ликвидируютъ, хотя и вопреки своимъ навыкамъ и убѣжденіямъ свою династію, или дѣлать все для того, чтобы отторгнуть отъ недавняго союзника, Россіи, возможно больше земель и обезпечить себѣ въ нихъ возможно болѣе выгодные договоры и концессіи...

Идея непосредственной цѣлесообразности ближайшаго ряда дѣйствій, идея самой близорукой коммерческой выгодности сегодняшнихъ поступковъ пріобрѣла господствующее значеніе и диктуетъ въ данное время все поведеніе Европы.

* * *

Каковы же результаты этого состоянія умственной и нравственной жизни Европы какъ для ея внутренней жизни, такъ и для ея положенія среди ея конкурентовъ?

Основной фактъ европейской жизни нашихъ дней заключается не столько въ ея матеріальномъ, сколько въ ея моральномъ оскудѣніи. Въ чрезвычайно, по американски, наивной формѣ это отмѣтилъ оффиціозый представитель, если не правительства, то общества Соединенныхъ Штатовъ на недавней Брюссельской конференціи, когда онъ высказалъ свое немножко дѣтское удивленіе по поводу того, что европейскіе „штаты“ все еще не могутъ придти къ такому же мирному соглашенію и сожительству между собой, къ какому пришли

уже давно „штаты," входящіе въ составъ великой сѣверно-американской республики. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ такія въ высокой степени „разумныя" сужденія очереднаго американскаго квакера или методиста не обратили бы на себя, надо полагать, ни съ чьей стороны серьезнаго вниманія. Сейчасъ, когда Соединенные Штаты являются не только главнымъ кредиторомъ Европы, но и надеждой всѣхъ европейскихъ государствъ, разсчитывающихъ на американскіе капиталы для поднятія собственной хозяйственной жизни, такія несомнѣнныя благоглупости имѣютъ неизмѣримо болѣе важное значеніе, ибо онѣ отражаютъ господствующую нынѣ внѣ Европы оцѣнку ея жизни.

Какое зрѣлище представляетъ, въ самомъ дѣлѣ, современная Европа въ глазахъ посторонняго наблюдателя, такъ же мало обязаннаго знать и понимать ея жизнь, какъ знаютъ и понимаютъ жизнь современной Россіи ея западные сосѣди, все равно „друзья" они ей или враги?

Разоренная войной, обремененная неслыханными долгами, не способная, по собственному признанію, своими силами справиться съ задачей возстановленія своего пораженнаго до основанія хозяйства, раздираемая не только внутренней враждой и ненавистью населяющихъ ее народовъ, но и ожесточенной взаимной ненавистью борющихся другъ съ другомъ классовъ ея общества, Европа явно клонится къ упадку. И этотъ упадокъ отнюдь не временный или случайный, а длительный и вытекающій изъ самаго существа ея жизни. Онъ представляетъ естественный результатъ и какъ бы возмездіе за то, что Европа оказалась неспособной подняться надъ братоубійственной борьбой за существованіе между людьми, народами и классами.

Въ началѣ войны говорилось о томъ, что это „война противъ войны", „послѣдняя война" и т. д.: — говорилось о мирѣ, который долженъ будетъ устранить всѣ слѣды старыхъ завоевательныхъ инстиктовъ, — о мирѣ, который долженъ будетъ разъ на всегда наладитъ нормальныя взаимоотношенія между народами и сдѣлатъ всякое новое кровопролитіе разъ на всегда невозможнымъ; — говорилось и о томъ, что собравшіеся на конгрессѣ народы положатъ основы справедливаго внутренняго устройства жизни отдѣльныхъ странъ.

Гдѣ онъ, этотъ миръ? Мало того, развѣ вообще насталъ конецъ войны? Съ полей Россіи, изъ центральной Европы,

изъ Ирландіи, изъ Турціи и ея бывшихъ владѣній, изъ Персіи, Афганистана, изъ Индіи, отовсюду доносятся воинственные звуки, повсюду происходятъ или грозятъ возстанія, повсюду народы не желаютъ признавать условій, продиктованныхъ имъ побѣдителями.

Стоило ли для того, чтобы избавить Англію отъ нѣмецкой конкуренціи, — для того, чтобы вернуть Франціи двѣ провинціи, чтобы сдѣлать эти двѣ державы владыками Европы, проливать море крови и разорять милліоны людей? А развѣ не къ этому сводятся на самомъ дѣлѣ результаты ужаснѣйшей изъ всѣхъ когда либо бывшихъ войнъ?

Удивительно ли, что совѣсть европейскихъ же народныхъ массъ возмутилась противъ этого кошмара и что въ ихъ средѣ поднялось напряженное движеніе противъ господствующихъ слоевъ, виновныхъ какъ въ томъ, что война въ свое время началась, такъ и въ томъ, что она кончилась такимъ позорно пустымъ и жалкимъ результатомъ?

Но и народныя массы не оказались на высотѣ положенія... Онѣ не съумѣли проникнуться идеей лиги націй и мирнаго разрѣшенія своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ споровъ. Во что обратилась русская революція, возбудившая въ началѣ повсюду столько радостнаго сочувствія и ожиданій? Что прочнаго и цѣннаго сумѣлъ создать освобожденный отъ Гогенцоллерновъ нѣмецкій народъ? Какой ужасъ представляетъ борьба Ирландіи за свою независимость отъ того изъ европейскихъ народовъ, который всегда особенно гордился своимъ уваженіемъ къ праву и конституціоннымъ формамъ борьбы?!

Нечего доказывать, сколько въ этихъ и многихъ подобныхъ сужденіяхъ содержится поверхностнаго, односторонняго, порой и лицемѣрнаго. Намъ европейцамъ, не хуже другихъ знающихъ язвы нашей жизни, ясно, что изъ прекраснаго далека не трудно прописывать какіе угодно рецепты устроенія нашей жизни, и затѣмъ удивляться, почему мы ихъ не примѣняемъ возможно скорѣе и полнѣе. Но сколько бы возраженій и оговорокъ не навязывалось бы намъ, кто изъ насъ сможетъ отрицать, что по существу своему выдвигаемыя противъ современной Европы обвиненія вскрываютъ основную роковую опасность нашей жизни, основную болѣзнь нашей культуры, не излѣченную, а наоборотъ, обостренную послѣдней войной?

Сущность этой болѣзни заключается въ *культѣ силы и насилія,* въ преклоненіи передъ поисками технически дѣйствительныхъ и механически цѣлесообразныхъ средствъ, во внѣдреніи политики „крови и желѣза“ не только во взаимоотношенія между націями, но и во внутреннюю борьбу въ предѣлахъ каждой націи. Культомъ силы заражены всѣ, заражены послѣ войны еще болѣе, чѣмъ до нея. Заражены имъ и побѣдители и побѣжденные. Если первые, слѣдуя примѣру Шейлока, настаиваютъ на своихъ договорныхъ правахъ и желаютъ окружить послѣдніе мирные трактаты какимъ то религіознымъ ореоломъ, то вторые мечтаютъ о томъ днѣ, когда сила перейдетъ на ихъ сторону и позволитъ имъ не только добиться пересмотра нынѣшнихъ трактатовъ, но отмстить побѣдителямъ за все испытанное ими горе и униженіе. Силѣ поклоняются государственные люди и дипломаты: передъ силой преклоняются вожаки революціоннаго соціализма и недовольныя своимъ положеніемъ массы, на силу разсчитываютъ и ихъ враги и даже, когда стороны сходятся для переговоровъ о примиреніи и соглашеніи, вопросы рѣшаются не примѣнительно къ здравой оцѣнкѣ общихъ интересовъ, а въ зависимости отъ оцѣнки „реальнаго соотношенія силъ“. „Диктатура пролетаріата“ представляетъ такое же точно циническое послѣдствіе этого образа мыслей, какъ диктатура великихъ державъ.

* * *

Удивительно ли, что внѣевропейскіе народы указываютъ пальцами на внутреннее растлѣніе европейской жизни и приходятъ къ убѣжденію, что внѣшняя разруха ея жизни свидѣтельствуетъ о томъ, что дни ея торжества сочтены?

Однако, имъ не слѣдуетъ забывать о двухъ вещахъ.

Первая заключается въ томъ, что нравственное растлѣніе культурной жизни не представляетъ явленія специфически европейскаго, а характерно для всей почти культурной жизни современнаго міра. Если ея послѣдствія обнаруживаются въ настоящее время съ особенной яркостью въ Европѣ, то главная причина этого заключается въ томъ, что Европа, начавшая войну и бывшая главнымъ ея театромъ, больше всего пострадала отъ войны и сильнѣе всего испытала ея демора-

лизующее вліяніе, а отнюдь не тѣмъ, что основы напр. сѣверно-американской культурной жизни принципіально въ чемъ нибудь серьезно отличаются отъ европейскихъ.

Вся міровая культура тяжко больна гипертрофіей культа успѣха и силы, атрофіей этическихъ стимуловъ и началъ. Если она не сумѣетъ найти въ самой себѣ противоядія противъ этого зла, каждое новое поколѣніе увидитъ все большее развитіе узкаго, якобы реалистическаго, техницизма мышленія и возрастающаго взаимнаго озлобленія. Чѣмъ больше жизнь развивается въ сторону раздѣленія труда, могущаго дать плоды только при условіи, что раздѣленію труда сопутствуетъ его тѣсная координація, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ вопросъ не только о техническомъ совершенствѣ этой координаціи, но и о культурно-нравственной прочности ея базы. Координируются вѣдь не просто машины, а приводящіе ихъ въ движеніе люди. Координація ихъ только тогда можетъ быть прочной и дѣйствительной, когда люди, всѣ люди, проникнуты сознаніемъ общности ихъ интересовъ, а не разъединяются классовымъ и національнымъ озлобленіемъ на враждующія группы готовыя въ слѣпой ненависти взаимно поглотить и уничтожить другъ друга.

Истинный реализмъ общественнаго мышленія заключается въ признаніи громадной важности нравственныхъ переживаній и запросовъ индивидуальной коллективной человѣческой жизни. Теоретически, правда, какъ правительства на мирныхъ конгрессахъ, такъ и представители борющихся соціальныхъ группъ на ихъ собраніяхъ и въ ихъ агитаціи отнюдь не отрицаютъ важности нравственнаго фактора и украшаютъ свои рѣшенія и выступленія ссылками на него. Нигдѣ однако разстояніе отъ теоріи до практики не является такимъ безконечнымъ, какъ въ данномъ случаѣ.

Нелѣпо думать, что можно построить общество, проникнутое глубокимъ сознаніемъ и чувствомъ солидарности интересовъ всѣхъ его членовъ, путемъ систематическаго разжиганія классовой ненависти. Нелѣпо думать, что можно обезпечить миръ, положить основанія „лиги націй“ и организовать сотрудничество народовъ путемъ проповѣди исключительнаго права данной націи на „мѣсто подъ солнцемъ“ и на развитіе ея энергіи ради ея и только ея интересовъ.

Путь къ оздоровленію современной культурной жизни заключается не въ укрѣпленіи идеи обособленности классовыхъ и національныхъ интересовъ, а въ проникновеніи идеи ихъ солидарности въ сознаніе, и въ повседневный бытъ и практику.

Только этотъ путь, путь глубокаго уваженія къ правамъ, не формальнымъ только, а и нравственнымъ, сосѣда и противника, путь взаимныхъ уступокъ и соглашеній, только глубокое сознаніе цѣнности и достоинства человѣческой личности, только доброжелательное и — отчего не произнести словъ, которыя напрашиваются сами на языкъ? — любовное отношеніе къ ближнему избавитъ Европу и міръ отъ грозящаго имъ банкротства ихъ культуры. Увлеченіе успѣхами техники и формальнаго знанія должно уступить мѣсто признанію *первенствующаго значенія религіозно-нравственной проблемы нашихъ дней.*

Рѣчь тутъ идетъ не объ отрицаніи здороваго инстинкта національности и не о пошловатомъ пацифизмѣ довоеннаго времени.

Національная жизнь и ея развитіе имѣли и имѣютъ и сейчасъ полный смыслъ и содержательность. Нація и національное государство представляютъ ту форму объединенія творческой энергіи отдѣльныхъ людей, которая обнимаетъ наиболѣе полно всѣ силы всѣхъ людей одной и той же культуры. Право націи на самозащиту и на обезпеченіе ей такихъ условій жизни, которыя даютъ ей возможность нормально развиваться, не подлежитъ спору, поскольку развитіе національной энергіи не идетъ въ разрѣзъ съ общечеловѣческими задачами культурной жизни и не стремится къ обоснованію мірового владычества какой угодно націи, всегда и неизбѣжно представляющей лишь частицу организованныхъ усилій человѣчества на пути его общаго развитія.

А всѣ эти „постольку — поскольку", къ которымъ поневолѣ приходится обращаться въ характеристикѣ современной жизни, упираются въ концѣ концовъ въ одну и ту же точку. Ни одинъ изъ вопросовъ современной европейской и міровой культурной жизни не поддается разрѣшенію, если мы не признаемъ, что ихъ разрѣшеніе зависитъ не отъ установленія внѣшняго и механическаго „равновѣсія" разныхъ „факторовъ

и силъ" европейской жизни и не отъ технически цѣлесообразнаго разрѣшенія ихъ конфликтовъ, надъ чѣмъ безплодно бились разные конгрессы весьма почтенныхъ „пацифистовъ", а отъ *состоянія психики* нынѣ борющихся другъ съ другомъ людей, классовъ и народовъ.

Разрѣшеніе трагическаго конфликта современной жизни, въ которомъ, какъ всегда въ подлинной трагедіи, всѣ одинаково правы и всѣ одинаково виноваты, заключается не въ сантиментально-„пацифистическихъ" заплатахъ на эгоистическомъ — личномъ, классовомъ и народномъ — рубищѣ нашей жизни, *а въ достиженіи внутренняго перерожденія какъ отдѣльной человѣческой личности, такъ и человѣческихъ массъ въ духѣ взаимнаго уваженія — взаимной любви и общей солидарности.* Только при такихъ условіяхъ всѣ „постольку, поскольку" международной и государственной жизни могутъ найти свое настоящее разрѣшеніе. Идти инымъ путемъ—значитъ обрекать себя заранѣе на жалкій неуспѣхъ, ибо всякій иной путъ идетъ мимо подлиннаго господина жизни, — мимо человѣческой личности.

Дѣйствительный принципъ нашихъ дней—это: homo homini lupus или его разновидность: bellum omnium contra omnes. Оставаясь на этомъ пути, Европа и ея культура несомнѣнно погибнутъ. Онѣ, разумѣется, проявятъ еще не мало импульсивной энергіи, не мало ушедшей отъ политической жизни умственной силы, но онѣ станутъ неизбѣжно жертвами болѣе молодыхъ, менѣе истасканныхъ, менѣе опытныхъ, или иначе говоря, меньше пережившихъ, племенъ. Міръ уже видалъ такіе примѣры и намъ не пришлось бы удивляться такому печальному не для одной только Европы результату.

Во всякомъ случаѣ ясно одно: Европѣ необходимо исключительное, почти сверхчеловѣческое, напряженіе всѣхъ ея силъ для того, чтобы преодолѣть безконечно грозный кризисъ нашего времени. Такъ пусть же всѣ тѣ, кто совершенно не вѣрятъ въ возможность благополучнаго разрѣшенія его, уйдутъ въ сторону и не затрудняютъ работы другихъ. Пустъ они не ослабляютъ энергіи своихъ болѣе вѣрующихъ или просто болѣе энергичныхъ собратьевъ. Но пусть и тѣ, кто готовы, согласны и желаютъ приняться за работу, не закрываютъ глазъ на исключительную трудность задачи и не до-

вольствуются заплатами и переливаніемъ вина новаго въ мѣха старые, — пусть они помнятъ, что ихъ разрѣшенію подлежитъ не одинъ изъ многихъ, а единственный и основной вопросъ нашей европейской и міровой жизни, вопросъ *о религіозно-нравственномъ обоснованіи нашей культуры.*

И пусть народы міра не думаютъ, что имъ обойтись въ разрѣшеніи этой огромной задачи безъ Европы. . .

Это и есть второй пунктъ, о которомъ и имъ и намъ слѣдуетъ помнить. Волею судебъ Европа стала средоточіемъ наиболѣе высокихъ и сложныхъ формъ культурной и сознательной жизни всего человѣчества. Въ лабораторіи ея напряженной эмоціональной и умственной жизни перерабатывается понынѣ съ особенной интенсивностью опытъ міра и намѣчаются, порой болѣзненно и конвульсивно, порой съ опасными уклоненіяии и отступленіями отъ основной цѣли, пути къ разрѣшенію религіозныхъ и научно-философскихъ, соціальныхъ и политическихъ проблемъ, выдвигаемыхъ человѣчествомъ на его крестномъ пути къ все болѣе высокимъ цѣлямъ яичной и коллективной жизни. Не разъ уже она выдвигала и формулировала вопросы и намѣчала ихъ разрѣшеніе. Теперь передъ нею снова всталъ, временно какъ бы скрывшійся отъ ея изоровъ, основной вопросъ ея жизни, — вопросъ, къ которому она уже не разъ подхóдила и который выростаетъ нынѣ безспорно въ *очередной* вопросъ ея бытія, а черезъ нее и въ очередной вопросъ бытія міровой культуры. Замѣнить Европу въ работѣ надъ разрѣшеніемъ этого вопроса некѣмъ. Нигдѣ онъ не будетъ понятъ такъ отчетливо и такъ глубоко, какъ именно въ Европѣ. Пусть не забываютъ объ этомъ внѣ ея. . .

Сумерки, опустившіяся надъ европейскимъ міромъ и окутывающія его жизнь ядовитыми туманами человѣконенавистничества, презрѣнія къ человѣческой личности и культа силы, должны разсѣяться передъ лучами новаго солнца.

Европа должна вспомнить о томъ, что жизнь слагается не изъ отвлеченнаго движенія стихійныхъ силъ, а изъ совокупности дѣйствій отдѣльныхъ живыхъ людей. Прочно и цѣнно только то, что выношено въ груди отдѣльныхъ людей. Никакими внѣшними пріемами нельзя передѣлать природы людей, воспитанной вѣками на жуткомъ и тускломъ эгоизмѣ. Эта

природа не можетъ быть передѣлана извнѣ, она можетъ только переродиться изнутри собственнымъ опытомъ, убѣждающимъ ее въ безплодности и вредоносности всякой проповѣди ожесточенной борьбы и ненависти. Только при такомъ условіи она сможетъ организовать жизнь на началахъ настоящей, медленно создающейся и медленно крѣпнущей солидарности людей.

Другого пути къ спасенію Европы и всего міра нѣтъ.

Э. Гриммъ.

Болгарія и стремленіе Россіи къ проливамъ.*)

Болгарскій народъ обязанъ своему географическому положенію особеннымъ своимъ значеніемъ въ европейской международной политикѣ, тому же географическому положенію онъ обязанъ и своими долгими и великими страданіями въ древнее и новое время.

Распространившись широко до самыхъ стѣнъ Царьграда, — опоры византійской имперіи и узлового пункта дорогъ соединяющихъ Востокъ съ Западомъ, болгарское племя, наносившее Византіи ударъ за ударомъ, терпѣло и само въ многовѣковой борьбѣ тяжелыя пораженія. Ему не хватало ни военной силы, ни культурной мощи для того, чтобы уничтожить византійскую имперію и создать изъ Царьграда центръ новой могущественной славянской державы и очагъ славянской цивилизаціи. Борьба, которую вела съ нимъ Византія, была борьбой не на животъ, а на смерть, борьбой не за признаніе болгарами верховенства восточной римской имперіи, а за полное уничтоженіе болгарской политической независимости. Изъ всѣхъ окружавшихъ Византію государствъ, только Болгарія утратила въ средніе вѣка свою независимость и претерпѣла тяжесть греческаго рабства, длившагося 168 лѣтъ (1018—1186)

Непосредственное сосѣдство болгарскаго народа съ Царьградомъ обратило и турецкое владычество надъ нимъ въ рабство, болѣе тяжкое чѣмъ то, которое испытали другіе балкан-

*) Редакція имѣетъ въ виду помѣстить въ „Русскихъ Сборникахъ" рядъ статей, характеризующихъ взаимоотношеніе между Россіей и различными европейскими странами и написанныхъ авторитетными мѣстными публицистами.

Въ настоящей книжкѣ мы помѣщаемъ статью о Болгаріи и Россіи, принадлежащую перу извѣстнаго болгарскаго публициста и политическаго дѣятеля народно-прогрессивной партіи Хр. Силянова.

скіе народы. Потерявъ свою политическую независимость, онъ подпалъ вмѣстѣ съ тѣмъ мрачному духовному рабству фанаріотскаго патріархата и казался до конца XVIII вѣка народомъ обезличеннымъ и какъ бы погребеннымъ. . . Какъ старая Византія, такъ и турецкіе владыки имѣли въ самомъ дѣлѣ основаніе считать болгарскую опасность первостепенной: именно новая Болгарія нанесла Турціи на бранномъ полѣ при Люлѣ-Бургасѣ и Хуларъ-Кисарѣ въ 1912 г. тотъ роковой ударъ, который оставилъ за ней въ Европѣ лишь восточную Ѳракію и превратилъ ее въ азіатскую державу.

Наконецъ, болгарскій народъ обязанъ своему географическому положенію еще и тѣмъ, что въ дѣлѣ своего національнаго возрожденія и особенно въ его стремленіи къ эмансипаціи отъ прозелитизма греческой церкви онъ встрѣтилъ, начиная съ 60-хъ и 70-хъ годовъ прошлаго вѣка, сочувствіе и поддержку со стороны русскаго государства и русскаго общества*). Своему этнографическому положенію и кровному родству съ русскими болгарскій народъ обязанъ какъ политическимъ своимъ освобожденіемъ, такъ и политическимъ своимъ раздробленіемъ въ 1877 — 1878 г. г.

* * *

Для уясненія этой мысли, являющейся исходной точкой послѣдующихъ разсужденій, намъ необходимо бросить хотя бы самый бѣглый взглядъ на основныя событія въ исторіи роста русскаго государства за послѣдніе два вѣка.

Конецъ XVII вѣка ознаменовался Карловицкимъ миромъ (1699), представлявшимъ поворотный моментъ въ исторіи Оттоманской имперіи. Въ обширной коалиціи, положившей предѣлы наступательному движенію турокъ на Западъ, приняла участіе и Россія; за свои военныя усилія она была вознаграждена пріобрѣтеніемъ Азова. Этимъ пріобрѣтеніемъ Петръ Великій пробилъ впервые путь къ Черному морю, отъ котораго Россію отдѣляли южно-русскія степи и ханство крымскихъ татаръ, вассаловъ Турціи. Вниманіе русскихъ государей отклонялось все болѣе отъ запада и сѣверо-запада и направля-

*) Гр. Трубецкой, Русская политика на Востокѣ. Болгарская схизма (приложеніе къ Церковному Вѣстнику, кн. XIX и XX . . .)

лось главнымъ образомъ къ югу. Всякія дальнѣйшія усилія русскаго государства, даже когда оно участвовало въ чисто континентальныхъ коалиціяхъ или предпринимало походы въ среднюю Европу, совершались во имя расширенія и закрѣпленія русской власти на берегахъ Чернаго моря. Новая русская опасность пріобрѣтала для турецкаго владычества болѣе роковое значеніе, чѣмъ опасность отъ Габсбурговъ. Вмѣсто опускавшагося полумѣсяца на ближнемъ Востокѣ зардѣлась надежда на Бѣлаго Царя. Эта заря послужила первымъ проблескомъ надежды для погибавшаго болгарскаго народа.

Ни тщеславіемъ русскихъ государей, ни какимъ то мнимымъ „завѣщаніемъ Петра Великаго“ нельзя объяснить русскую тягу къ югу и сопровождавшія ее кровавыя войны. Россія стремилась сдѣлаться владычицей Чернаго моря въ силу естественной географической и государственной необходимости. Призванная и по численности населенія и по своему могуществу и по географическому своему положенію играть міровую политическую роль, она одна изъ великихъ державъ была лишена свободнаго выхода къ морю. Заселивъ обширную русскую равнину, многомилліонный русскій народъ оставался отрѣзаннымъ отъ устья своихъ родныхъ рѣкъ, Дона, Днѣпра и Днѣстра и отъ морей, въ которыя они вливаются. Вотъ почему политика русскихъ государей, направленная къ югу, дабы поставить ихъ державу въ границы, предопредѣленныя ея географическимъ положеніемъ между морями, не могла не быть агрессивной и завоевательной. Часто она руководилась также личными настроеніями; нерѣдко правители Россіи предпринимали экспедиціи, не имѣвшія ничего общаго съ естественнымъ закругленіемъ государственныхъ границъ, а, стало быть, съ обезпеченіемъ дальнѣйшаго нормальнаго политическаго и хозяйственно-культурнаго развитія ихъ народа. Однако, по своимъ основнымъ цѣлямъ, русская политика была единой; она стремится къ тому, чтобы обратить Черное море въ русское озеро и захватить въ свои руки проливы — „ключи къ русскому дому“, какъ говорилъ Бисмаркъ.

Намъ нечего приводить разные договоры, которые то приближали Россію къ осуществленію ея цѣли, то отдаляли ее отъ нея. Въ зависимости отъ состоянія своихъ силъ и своего политическаго вліянія Россія боролась въ разные моменты то за открытіе, то за закрытіе проливовъ, то за отнятіе ихъ у

Турціи, то за сохраненіе ихъ за послѣдней. Основной и глубокій смыслъ всѣхъ ея усилій и борьбы заключался однако въ томъ, чтобы стать суверенной распорядительницей проливовъ, а послѣдней ея цѣлью было пріобрѣсти ихъ въ исключительное свое владѣніе. Впредь до наступленія этого момента, она прибѣгала *къ временнымъ рѣшеніямъ*, главная тенденція которыхъ нашла себѣ выраженіе въ мемуарѣ покойнаго русскаго дипломата Нелидова отъ 10/22 Сентября 1877 г. Въ этомъ мемуарѣ сказано: „Свободное сообщеніе съ Средиземнымъ моремъ и въ то же время возможность воспрепятствовать флотамъ, враждебнымъ русскому, угрожать нашимъ черноморскимъ берегамъ, таковы должны быть, таковы уже и были основныя цѣли нашей морской политики въ Турціи. Необходимо осуществить комбинаціи, которыя обезпечили бы *намъ однимъ* свободное плаваніе по проливамъ, *на коихъ не должно развѣваться никакихъ иныхъ знаменъ*".*)

Кромѣ политически-государственныхъ соображеній, важную роль въ русскомъ движеніи на югъ играетъ однако и другой моментъ, мистически-религіозный и этическій. Православная идея стала со времени паденія Царьграда (1453) русской государственной идеей. Московскій великій князь внесъ въ свой гербъ изображеніе византійскаго двуглаваго орла, и Россія, единственная независимая православная держава, прониклась вѣрой, что она призвана Богомъ освободить всѣхъ порабощенныхъ православныхъ христіанъ. Русская народная масса, неспособная, какъ всякая масса, усваивать реальныя задачи высшей государственной политики, воевала многократно съ неослабѣвающимъ фанатизмомъ противъ невѣрныхъ, движимая мыслью, что она жертвуетъ собой за своихъ единовѣрныхъ страдающихъ братьевъ. Православная идея получила во второй половинѣ минувшаго вѣка новый импульсъ отъ могущественной волны славянофильскаго движенія. Исторія не знаетъ болѣе гармоническаго сочетанія благородной гуманитарной идеи съ государственной задачей, продиктованной самымъ жизненнымъ интересомъ. По поводу этого гармоническаго сочетанія французскій дипломатъ и академикъ Ганото писалъ:

„Исторія Россіи на европейскомъ Востокѣ продиктована не только матеріальными интересами, какъ бы значительны

*) Serge Goriainow, Le Bosphore et les Dardanelles, pref. de M. Gabriel Hanotaut, Paris 1910 (стр. XVI—XVII).

они ни были. Она воодушевляется также и нравственными и особенно религіозными задачами. Сколько разъ ея дипломаты и государственнные люди бывали вынуждены дѣйствовать подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія! Нѣтъ русскаго сердца, въ которомъ имя св. Софіи не будило бы отзвука. Я видѣлъ людей, обычно сдержанныхъ, которые волновались при этомъ имени; я видѣлъ, какъ у нихъ пробивались слезы. Кто не сумѣетъ понять этихъ чувствъ, тотъ не въ состояніи разобраться въ пружинахъ русскихъ дѣйствій. *Кровь говоритъ и нынѣ:* славянство не есть только пустой звукъ и жизнь народовъ не исчерпывается событіями XIX вѣка".

Россія, оффиціальная и неоффиціальная, сочувствовала всѣмъ безъ исключенія балканскимъ христіанамъ и домогалась роли общей ихъ покровительницы. Для своего политическаго вліянія она нуждается въ сочувствіи и привязанности всѣхъ ихъ, но наиболѣе непосредственное значеніе имѣютъ для нея русско-болгарскія отношенія: черезъ болгарскія земли лежитъ путь русскихъ войскъ, путь на Царьградъ и къ проливамъ. На нашихъ глазахъ рушилась подъ ударами русскихъ войскъ сила вѣковыхъ тирановъ и въ болгарской душѣ зарождалась надежда на избавленіе благодаря русской помощи. *„Дѣдо Иванъ"* — символъ несокрушимаго могущества — сталъ нарицательнымъ именемъ любвеобильнаго покровителя-отца — именемъ, которое поминали порабощенные болгары, лелѣя сладкую мечту объ освобожденіи. Изъ балканскихъ народовъ болгары дольше всего были лишены всякой политической самостоятельности. Послѣ разрѣшенія церковнаго вопроса начались въ болгарской землѣ освободительныя движенія, сопровождавшіяся извѣстными турецкими жестокостями надъ населеніемъ. По иниціативѣ русской дипломатіи была созвана царьградская конференція (1876), которая закончилась султанскимъ coup de théatre. Тогда графъ Игнатьевъ предпринялъ свое путешествіе по европейскимъ дворамъ, чтобы достигнуть согласія Европы, а, главное, англійскаго консервативнаго министерства на новую войну — *войну за разрѣшеніе болгарскаго вопроса.*

Нѣтъ такого балканскаго народа, за чью свободу или расширеніе Россія не проливала своей крови; ни одинъ однако не былъ такъ полно, такъ исключительно облагодѣтельствованъ Россіей, какъ болгары. Русскій подвигъ — освобо-

дительная война 1877—78 г. г. — представляетъ исключительное явленіе (равнымъ ему является лишь выступленіе Россіи въ 1914 противъ Австро-Германіи, когда она, чтобъ спасти Сербію отъ экзекуціи, пожертвовала сама собой, принявъ войну, не будучи вполнѣ къ ней готова). Русское правительство отлично знало въ 1877 г., что побѣдоносный исходъ войны еще не разрѣшитъ въ пользу имперіи вѣкового вопроса о проливахъ, но война ему представлялась нравственной необходимостью и актомъ обезпеченія политическаго престижа Россіи; вмѣстѣ съ тѣмъ правительство глубоко сознавало, что новое свободное болгарское государство будетъ русскимъ авангардомъ и послѣднимъ этапомъ въ разрѣшеніи вопроса о проливахъ.

* * *

Не только русскіе, но и всѣ ихъ соперники въ то время не могли думать иначе о будущемъ значеніи новаго государства въ дальнѣйшемъ развитіи восточнаго вопроса. И если Англія при содѣйствіи почти всѣхъ прочихъ великихъ державъ озаботилась тѣмъ, чтобы разрушить въ Берлинѣ дѣло Санъ-Стефанскаго договора, то она это дѣлала не изъ ненависти къ болгарскому племени, а потому, что она была убѣждена, что она этимъ разрушаетъ русскій аванпостъ и отдаляетъ осуществленіе послѣднихъ русскихъ цѣлей на Ближнемъ Востокѣ.

Болгарскіе государственные люди стараго поколѣнія, первые дѣятели либеральнаго и консервативнаго лагеря, раздѣляли, за рѣдкими исключеніями именно такія взгляды и имѣли такое-же точно представленіе о роли, которую Россія предназначала своему дѣтищу. Они сознавали, что Болгарія обязана своей свободой прежде всего тому значенію, которое она имѣла въ силу географическихъ и нравственыхъ узъ для русской политики на Востокѣ. Они не только не усматривали никакой опасности для болгарской государственной независимости и ея національной самобытности отъ русскаго стремленія къ проливамъ, но вмѣняли своему отечеству въ нравственный долгъ вести политику неразрывной дружбы съ освободительницей, а когда настанетъ часъ окончательной ликвидаціи восточнаго вопроса, то и поддержать ее своей военной силой. Наряду съ выполненіемъ нравственнаго долга, они въ этомъ

сотрудничествѣ освободителей и освобожденныхъ усматривали самый вѣрный залогъ реализаціи не завершенныхъ болгарскихъ политико-національныхъ задачъ. Основатель старой либеральной партіи Драганъ Цанковъ считалъ ересью всякую мысль объ уклоненіи отъ такой политики и заплатилъ за свои непоколебимыя политическія убѣжденія и вѣрность Россіи долголѣтней борьбой, изгнаніемъ и страданіями. Его младшій сподвижникъ въ дѣлѣ строительства новой Болгаріи, Петко Каравеловъ, 21 Февраля 1895 г. писалъ первому болгарскому военному министру Д. П. Паренсову:

„Лично я глубоко убѣжденъ, и никогда не постѣсняюсь открыто заявить, что Россія въ правѣ требовать, — а Болгарія должна признать за собой это нравственное и политическое обязательство, — чтобы въ случаѣ надобности болгарскіе солдаты сражались бокъ-о-бокъ съ русскими воинами, своими освободителями и учителями. Это намъ диктуетъ не только долгъ признательности за освобожденіе, но и сознаніе истинныхъ интересовъ страны — иначе говоря, самая мудрая политика".

Событія, совершившіяся послѣ освобожденія Болгаріи, обманули однако въ одинаковой степени какъ русскихъ, такъ и соперничавшія съ ними державы въ ихъ ожиданіяхъ.

Новое государство не вызывало къ себѣ того индифферентнаго отношенія, предметомъ котораго было, напримѣръ, греческое королевство. Разрушители санъ-стефанскаго договора задались цѣлью ослабить политическое вліяніе Россіи, пользуясь малѣйшимъ недоразумѣніемъ между освободителями и освобожденными. Въ сѣти ихъ подстрекательства и интригъ попалъ прежде всего первый болгарскій князь Александръ Батенбергскій, несмотря на то, что онъ былъ избранникомъ Царя Освободителя и его племянникомъ. Враги Россіи воспользовались безтактностью русскихъ генераловъ и играли на самой чувствительной струнѣ болгарскаго сердца, создавъ басню, что Россія, государство, проявившее самыя нѣжныя материнскія заботы, чтобы заложить основы нашего государственнаго строительства и дать намъ возможность обзавестись самой свободолюбивой конституціей, а также организовать въ самое короткое время народную болгарскую армію, — хочетъ отнять нашу независимость и превратить Болгарію въ *„Задунайскую губернію"*.

Уродливый берлинскій договоръ, породивъ въ душахъ освобожденныхъ болгаръ мечты объ объединеніи, ускорилъ

роковой разрывъ. Идея объединенія княжества съ вассальной восточной Румеліей была до такой степени популярна, что заразила даже находившихся въ Болгаріи русскихъ офицеровъ; она также была использована иностранными агентами съ той же цѣлью подтолкнуть Болгарію къ своевольному акту, который долженъ былъ ее удалить отъ Россіи. Когда 6 Сентября 1885 г. кучка молодыхъ и страстныхъ людей провозгласила въ Филиппополѣ соединеніе Восточной Румеліи и Болгаріи, Батенбергъ безъ колебанія призналъ этотъ актъ, бросивъ тѣмъ самымъ вызовъ русскому царю, съ генералами котораго у него уже были натянутыя отношенія. Англія поспѣшила поддержать Батенберга. Состоявшееся при такихъ обстоятельствахъ, безъ вѣдома и согласія Россіи, соединеніе озлобило русскую дипломатію и было понято Александромъ III, какъ актъ враждебный Россіи.

Въ послѣдовавшихъ затѣмъ дипломатическихъ переговорахъ два мощныхъ соперника помѣнялись ролями. Лордъ Сольсбери взялся защищать соединеніе. На конференціи константинопольскихъ посланниковъ англійскій представитель Уайтъ предлагалъ „говорить какъ можно меньше о берлинскомъ договорѣ“ и заступался за „волю населенія“ въ обѣихъ Болгаріяхъ. Наоборотъ, русскій посланникъ Нелидовъ, самъ подписавшій санъ-стефанскій договоръ, заступался за ненарушимость берлинскаго трактата, защищалъ status quo и суверенныя права султана надъ Румеліей! Въ этомъ столкновеніи, въ которомъ оффиціальная Россія играла неестественную роль, выступая противъ собственныхъ освободительныхъ традицій, англійская дипломатія одержала верхъ: опасность вторженія въ Румелію турецкихъ войскъ, для воспрепятствованія соединенію и для возстановленія въ Румеліи суверенитета султана, была устранена, благодаря англійскому заступничеству.

Также благопріятно для княжества разрѣшилась и другая опасность, вызванная соединеніемъ: болгарскій патріотическій духъ и храбрость организованнаго русскими офицерами болгарскаго воинства подъ командой молодыхъ офицеровъ, русскихъ воспитанниковъ, остановили при Сливницѣ сербскія войска, вторгнувшіяся въ предѣлы Болгаріи и направлявшіяся было къ Софіи. Другая соперница Россіи, Австрія, воспользовалась случаемъ, чтобы поселить раздоръ между двумя славянскими народами и толкнуть на войну противъ Болгаріи своего

агента, сербскаго короля Милана. Независимо отъ исхода войны, Австрія была въ правѣ торжествовать, ибо ея игра, направленная одновременно противъ балканскаго славянства и противъ русской политики, оказалась, какъ мы потомъ увидимъ, роковой и имѣла послѣдствія одинаково гибельныя и для Болгаріи и для Россіи.

Съ внѣшней стороны все окончилось благополучно. Популярность соединенія, возмущеніе, вызванное нападеніемъ сербовъ, патріотическій подъемъ и торжество надъ врагами слили народъ въ одномъ порывѣ: конфликтъ съ освободительницей отступилъ на задній планъ. Сливницкая побѣда создала извѣстный ореолъ вокругъ личности Батенберга, котораго всѣ эти событія еще болѣе отдалили отъ Россіи. Тѣ болгары, которые считали соединеніе дѣломъ преждевременнымъ, способнымъ затруднить осуществленіе общаго народнаго идеала, равно какъ и тѣ, которые видѣли неисчислимыя отрицательныя послѣдствія окончательнаго и полнаго разрыва съ „освободительницей," были поставлены въ самое трагическое положеніе. Ихъ противники, подстрекаемые и поддерживаемые англійскими агентами и всей враждебной Россіи европейской дипломатіей, использовали остроту положенія, играя на воспріимчивости народа. Несмотря на все это, отношенія къ Россіи начали смущать общественную совѣсть; сознаніе необходимости возстановить нормальный характеръ этихъ отношеній выразились въ поведеніи наиболѣе популярныхъ офицеровъ арміи во главѣ съ героями Сливницы Бендеровымъ, Груевымъ и др. Искупительной жертвой сталъ Батенбергъ, который военнымъ пронунціаменто былъ вынужденъ отказаться отъ престола (9 Августа 1886 г). Совершившіе этотъ переворотъ были убѣждены въ спасительномъ для отечества характерѣ своего дѣла; разсчитывая на свою популярность въ арміи и желая избѣгнуть гражданской войны и пролитія братской крови, они не сочли нужнымъ упрочить свое положеніе быстрыми и рѣшительными мѣрами. Въ скоромъ времени однако контрпереворотъ, совершенный болѣе ловкими и неразборчивыми въ средствахъ людьми, разогналъ „детронаторовъ" и возвратилъ престолъ Батенбергу: но послѣдній не могъ остаться надолго въ Болгаріи при враждебномъ къ нему отношеніи Александра III и черезъ нѣсколько дней послѣ своего возвращенія отрекся отъ престола. Пассивное отношеніе со стороны народныхъ

массъ къ перевороту нужно объяснить общимъ желаніемъ примиренія съ Россіей, пассивное же отношеніе ихъ къ контрперевороту — сочувствіемъ судьбѣ Батенберга, пріобрѣвшаго во время войны популярность. Коллизія этихъ двухъ чувствъ парализовала массы. Слабое политическое сознаніе и оставшееся въ наслѣдство отъ турецкаго ига преклоненіе передъ силой сыграли также большую роль.

Господиномъ положенія сталъ вдохновитель контрпереворота С. Т. Стамболовъ. Честолюбивый, энергичный, небрезгавшій никакими средствами, наклонный отъ природы, къ деспотизму онъ затмилъ своихъ сподвижниковъ, высоко вознесся надъ ними и укрѣпилъ свою диктатуру на собственной полиціи, администраціи и юстиціи, а также на быстро очищенной отъ всѣхъ сочувствовавшихъ перевороту 9 Августа арміи. Онъ очень скоро раздѣлался со всѣми своими противниками: одни изъ нихъ подверглись добровольному или принудительному изгнанію, другіе очутились въ тюрьмѣ. Установивъ терроръ, Стамболовъ пріобрѣталъ всѣми правдами и неправдами приверженцевъ и сталъ вершителемъ народныхъ судебъ: онъ же осчастливилъ Болгарію новымъ княземъ, Саксенъ-Кобургъ-Готскимъ принцемъ, Фердинандомъ.

Полный разрывъ съ Россіей наступилъ еще во время регенства. Озлобленіе и несдержанность двухъ русскихъ генераловъ, посланныхъ Александрамъ III, облегчили дѣло Англіи и Австріи, у агентовъ которыхъ Стамболовъ черпалъ вдохновеніе и „дипломатическую мудрость“ для своей борьбы съ Россіей. Опираясь на эти два государства и встрѣчая сочувствіе во всей Европѣ, окруженный горсточкой доморощенныхъ и беззастѣнчивыхъ, какъ и самъ онъ, политиковъ публицистовъ, полуинтеллигентныхъ людей, поднявшихся изъ тины, которую оставила послѣ себя буря смутнаго времени, Стамболовъ устроилъ Европѣ зрѣлище, которое удивило всѣхъ и превзошло всѣ ожиданія. Опьяненные торжествомъ насилія, поощряемые и именуемые инспираторами-иностранцами „великими патріотами“ и „реальными политиками“, они, столпившись вокругъ „балканскаго Бисмарка“, раздували „опасность“ отъ русской „оккупаціи“ и придавали своей руссофобской кампаніи отвратительный характеръ, распространяя ее на все русское вплоть до самоваровъ. Они сознательно стремились сдѣлать невозможнымъ примиреніе съ Россіей, ибо всякая попытка къ нему повлекла бы за собой потерю ими власти.

Семилѣтняя диктатура Стамболова сопровождалась борьбой, то глухой и тайной, то открытой противъ народныхъ массъ, противъ интеллигенціи и духовенства. Цѣлый рядъ военныхъ бунтовъ противъ правительства и заговоровъ противъ Фердинанда были подавлены разстрѣлами и террором.

Благодаря своему особому георгафическому положенію, Болгарія сдѣлалась такимъ образомъ ареной самой свирѣпой дипломатической дуэли, которую помнятъ балканскія страны. Народъ, въ лицѣ своей независимой интеллигенціи, духовенства, цѣлаго ряда бунтарей, заговорщиковъ и эмигрантовъ, негодовалъ какъ противъ системы террора въ управленіи, такъ и противъ чудовищныхъ усилій разъ навсегда порвать съ Россіей и историческими традиціями. Однако, были сдѣланы и нѣкоторыя такія ошибки, въ которыхъ Болгарскій народъ не былъ виноватъ и которыя тѣмъ не менѣе оказались роковыми для него. Таковыми нужно признать: выборъ Александра Батенберга, оказавшагося, несмотря на то, что онъ былъ избранникомъ Царя Освободителя, безтактнымъ и податливымъ, неспособнымъ справиться съ внутренними осложненіями и внѣшними интригами; неудача переворота 9 Августа; крутость и безтактность русскихъ генераловъ; политическую изоляцію Россіи; упрямый характеръ Александра III; полное уклоненіе Россіи отъ участія въ выборѣ второго болгарскаго князя: послѣ того, какъ избранный Великимъ народнымъ собраніемъ принцъ Вольдемаръ Датскій отказался отъ болгарской короны, не встрѣтивъ сочувствія и одобренія со стороны Россіи, Стамболовъ долженъ былъ остановиться на первомъ попавшемся кандидатѣ Фердинандѣ Кобургскомъ, который оказался роковымъ и для Россіи и для Болгаріи.

* * *

Стамболовъ палъ въ 1894 г. и Болгарія поспѣшила помириться съ своей освободительницей. Если мы остановились подробнѣе на русско-болгарскихъ отношеніяхъ послѣ освобожденія и особенно на событіяхъ, связанныхъ съ присоединеніемъ В. Румеліи къ Болгаріи и на диктатурѣ Стамболова, то это потому, что событія эти оставили прочныя слѣды какъ въ Болгаріи, такъ и въ дальнѣйшей орiентаціи русской политики и повлекли за собой послѣдствія, которыя находят-

ся въ связи съ нынѣшней болгарской національной катастрофой, а также съ ускореніемъ общеевропейской войны.

Благополучная ликвидація осложненій, вызванныхъ соединеніемъ В. Румеліи съ Болгаріей, побѣдоносное окончаніе войны съ Сербіей, примиреніе съ Россіей, осуществленное послѣ долголѣтняго обостреннаго конфликта, внушили значительной части болгарскихъ политиковъ и политиканствующей интеллигенціи преувеличенную вѣру въ политику" смѣлыхъ жестовъ" и „совершенныхъ фактовъ". Стамболова не стало, но пріемы и традиціи стамболовщины во внѣшней политикѣ не перевились. Этому способствовало поведеніе самого Фердинанда. Коварный и надменный въ своихъ отношеніяхъ къ иностраннымъ державамъ и дворамъ, онъ лицемѣрно преклонялся послѣ примиренія съ Россіей передъ „восточной зарей", — онъ, признавшій послѣ своего отреченія отъ престола, что пріѣхалъ въ Болгарію съ „исторической миссіей" насадить въ ней нѣмецкое вліяніе и связать ее съ центральными державами. Это вліяніе, бывшее несравненно болѣе значительнымъ, чѣмъ вліяніе обыкновеннаго конституціоннаго монарха, становилось рѣшающимъ въ области внѣшней политики. Фердинандъ не мало способствовалъ установленію особаго политическаго направленія, отрицавшаго чувства и историческія традиціи въ политикѣ, игнорировалъ общепринятую мораль и нисколько не заботился о томъ, чтобы хоть внѣшнимъ образомъ маскировать „священный эгоизмъ" возвышенными идеями, и благородными чувствами, какъ это дѣлаютъ политики большихъ и культурныхъ странъ. Проводниками этой политики были главнымъ образомъ либеральныя партіи.

Послѣ оффиціальнаго примиренія съ Россіей, по нашему мнѣнію, была необходима открытая и прямолинейная политика, которая должна была бы стремиться къ заключенію прочнаго оборонительнаго и наступательнаго союза на основаніи ясно опредѣленныхъ задачъ: взаимной обороны и согласованія дѣйствій, направленныхъ къ разрѣшенію жизненныхъ для обѣихъ странъ ближневосточныхъ вопросовъ, вопроса македонско-адріанопольскаго и вопроса о проливахъ. Въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ первый шагъ конвенціей 1902 г., заключенной въ правленіе д-ра Ст. Данева. Она однако была неполной и недостаточно опредѣляла обязательства сторонъ въ отношеніи великихъ задачъ, которыя имъ надлежало рѣшать

на Балканахъ. Она осталась сверхъ того изолированнымъ актомъ, начинаніемъ, которое никѣмъ больше не было серьезно поддержано и не получило окончательной формы и исчерпывающаго содержанія. Въ постоянныхъ своихъ конфликтахъ съ Турціей и въ своемъ безпрерывномъ соперничествѣ съ сосѣдними державами въ Македоніи, Болгарія, несмотря на рискованную политику, которую она вела по македонскому вопросу, фактически была изолирована, не будучи связана накакими взаимными обязательствами ни съ одной изъ великихъ или малыхъ державъ. Балканской политикѣ Россіи недостаточно вѣрили. Въ средѣ болгарскаго общества, особенно македонской эмиграціи, она слыла сербофильской, медлительной и неудовлетворительной, ибо покоилась на австро-русскомъ соглашеніи, отрицательномъ въ своей основѣ, и имѣла своей задачей реформы, недостаточно рѣшительныя и тѣсно связанныя съ тяжелымъ аппаратомъ европейскаго концерта. Одна сторона не дооцѣнивала значеніе другой; не было ни взаимнаго довѣрія, ни рѣшительныхъ разговоровъ и переговоровъ.

Другое крупное дѣло, имѣвшее общенародное значеніе, объявленіе болгарской независимости, снова было совершено безъ вѣдома Россіи и съ предварительнаго согласія ея заклятой соперницы Австро-Венгріи; за это Болгарія должна была признать присоединеніе Босніи и Герцеговины къ двуединой монархіи. Между двумя великими державами разразился острый конфликтъ. Русская дипломатія приняла участіе въ турецко-болгарскомъ конфликтѣ и способствовала его мирному разрѣшенію, взявъ на себя болгарскій долгъ Турціи. Искусный маневръ, которымъ Извольскій положилъ конецъ турецко-болгарскому конфликту послужилъ новымъ доказательствомъ въ пользу политики „смѣлыхъ жестовъ“ и „совершившихся фактовъ“; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ поддержалъ и упрочилъ существовавшую и въ другихъ славянскихъ странахъ настолько наивную, насколько и эгоистичную вѣру въ то, что Россія *должна* намъ помогать и быть снисходительной къ намъ даже и тогда, когда мы дѣйствуемъ помимо ея воли и попадаемъ въ затрудненія, за которыя она не несетъ ни малѣйшей отвѣтственности.

* * *

Прежде чѣмъ перейти къ послѣднимъ войнамъ, укажемъ на то, какое воздѣйствіе оказали русско-болгарскія недоразу-

мѣнія (эпохи послѣ освобожденія) на тенденціи и пріемы русской политики на Ближнемъ Востокѣ.

Несомнѣнная правда то, что еели во время и послѣ Стамболова болгарская политика отклонялась отъ своего естественнаго пути — отъ руководившихъ Драганомъ Цанковымъ, Каравеловымъ и др. идей, то и русская политика отклонялась отъ своихъ санъ-стефанскихъ традицій. Сама начертавъ въ Санъ-Стефано географическія границы Болгаріи, считая, что объединенная и сильная Болгарія нужна Россіи, русская политика, въ своемъ желаніи вытѣснить изъ Сербіи австрійское вліяніе, начала поощрять тѣ сербскія поползновенія, которыя, будучи поддерживаемы Австро-Венгріей и скрѣплены извѣстной австро-сербской конвенціей 1881 г., были въ сущности направлены противъ правильно понятыхъ интересовъ Россіи и Болгаріи, и даже самой Сербіи. Цѣлые годы русская дипломатія считала умѣстнымъ и полезнымъ соперничать съ австрійской въ поощреніи сербскихъ стремленій къ югу. Вмѣсто того, чтобы поддерживать только законныя претензіи обоихъ народовъ, она и послѣ паденія Стамболова продолжала въ лицѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ консуловъ поощрять сербскую пропаганду въ Македоніи и такимъ образомъ являлась, можетъ быть, безсознательною сотрудницей санкціонированной Бисмаркомъ и Андраши конспираціи противъ болгарской національности въ западной части Санъ-Стефанской Болгаріи — противъ собственнаго своего дѣла 1877 года.*) Это ея поведеніе огорчало болгарскій народъ и давало матеріалъ руссофобамъ поддерживать сомнѣніе въ благожелательности Россіи къ дѣлу болгарскаго объединенія.

Покамѣстъ македонскій вопросъ — альфа и омега болгарской политики — развивался ускореннымъ темпомъ, угрожая поставить на очередь разрѣшеніе проблемы о турецкомъ владычествѣ въ Европѣ, русская политика на Ближнемъ Востокѣ старалась оттягивать какъ можно дальше рѣшительный моментъ. Черезчуръ занятая на Дальнемъ Востокѣ и предвидя опасныя внутреннія вспышки, она старалась замедлить развитіе балканскихъ событій. Для того, однако, чтобы достигнуть этого, были необходимы дѣйствительныя и быстрыя реформы въ Македоніи, которыя бы успокоили бы страсти и

*) См. мою книгу „Сербско-болгарскій споръ и Россія" гл. XII, Софія, 1915 г. и „Балканская проблема и русская дипломатія", стр. 141—156.

тамъ, и въ Болгаріи. На такой шагъ Россія рѣшилась только въ 1908 г. при встрѣчѣ англійскаго и русскаго государей. Младотурецкая революція, однако, вызвала ликвидацію всего дѣла реформъ, а правленіе младотурокъ усилило остроту въ отношеніяхъ балканскихъ народовъ и толкнуло и безъ того быстро развертывавшіяся событія къ роковой развязкѣ. Балканская война опередила разсчеты русской дипломатіи.

Россія встрѣтила съ искреннимъ удовлетвореніемъ сближеніе между балканскими народами, которое закончилось сербско-болгарскимъ союзнымъ договоромъ отъ 18 февраля 1912 года. Между тѣмъ какъ Австрія считала балканскій блокъ новымъ факторомъ, который можетъ ее вытѣснить съ ея балканскихъ позицій, Россія усматривала въ немъ новую силу въ борьбѣ противъ нѣмецкаго проникновенія на югъ, силу, на которую она сможетъ опереться, когда настанетъ часъ ликвидаціи восточнаго вопроса. Въ ея разсчетъ однако совсѣмъ не входило столь быстрое начало войны. Она еще не покончила съ реорганизаціей своей арміи. Цѣлый рядъ дипломатическихъ документовъ, собранныхъ въ „Докладѣ анкетной парламентарной коммиссіи“ устанавливаютъ, что С. Д. Сазоновъ употребилъ достаточно усилій, чтобы задержать войну. „Мы сдѣлаемъ все, что сможемъ путемъ дипломатіи“ — заявилъ онъ 3 Сентября 1912 года болгарскому посланнику въ Петроградѣ — „оцѣните хорошенько ваши силы и обстановку, въ которой вамъ прійдется дѣйствовать, и рѣшайте; не забывайте, однако, того, что вы ставите на карту свое существованіе, какъ самостоятельнаго государства“. Въ такомъ же смыслѣ предупредилъ еще въ Маѣ того же года императоръ Николай II г. д ра Данева, пріѣхавшаго въ Ливадію, чтобы сообщить ему о заключеніи сербско-болгарскаго договора.

Задержать войну однако было невозможно по психологическимъ и другимъ мѣстнымъ причинамъ и она началась при невозможности для Россіи принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Россія поддержала балканскіе народы дипломатически, принявъ мѣры къ локализаціи войны и къ предотвращенію вмѣшательства Румыніи въ первый же періодъ; она помогла намъ и матеріально деньгами, амуниціей, сапогами и т. д. Въ то самое время, когда Австро-Германія снабжала Турцію черезъ Румынію тяжелей артеллеріей для укрѣпленія Чаталджи, Россія радовалась нашимъ военнымъ успѣхамъ и

настаивала на сохраненіи балканскаго союза, направленнаго противъ Австріи. Австрія же, руководимая чувствомъ самосохраненія, взялась разрушить его. Въ этой новой дипломатической дуэли опять-таки потерпѣла пораженіе русская дипломатія.

Причинъ этого пораженія много и нѣтъ ничего рискованнѣе, какъ объяснить разгромъ отдѣлнымъ актомъ или же обвинять только одинъ изъ дѣйствовавшихъ тогда факторовъ. Эта эпоха уже достояніе исторіи и не наше дѣло стремиться къ установленію объективной истины. Прежде всего сами балканскіе народы были слабо проникнуты *балканскимъ сознаніемъ*. Связь между ними была скорѣе механическая и разложилась тотчасъ же послѣ первыхъ рѣшительныхъ побѣдъ надъ турками. Каждый изъ контрагентовъ смотрѣлъ на союзъ, какъ на средство достиженія собственныхъ цѣлей и обезпеченія прежде всего за собой наиболѣе лакомаго кусочка. Въ этомъ отношеніи болгары, хоть и считаются главными виновниками, занимаютъ послѣднее мѣсто. Газета „Славянинъ“ 15.VI. 1914 г., пишетъ:

„Сербское правительство объявило войну изъ за сербско-болгарскаго союзнаго договора еще до объявленія — на основаніи того же договора — войны съ Турціей“.

Дѣйствительно, Н. Пашичъ, спустя 6 мѣсяцевъ послѣ того, какъ лично подписалъ договоръ, наканунѣ войны, 15 Сентября 1912 г., разослалъ сербскимъ представителямъ заграницей *тайную инструкцію* за № 5669, въ которой имъ предписывалось дѣйствовать въ томъ смыслѣ, чтобы въ границы будущей Сербіи вошли Охридъ и Прилѣпъ — города, находящіеся въ той зонѣ, въ которой Сербія обязалась, согласно ст. 2 союзнаго договора, ничего не требовать. „Страшный смыслъ инструкціи“, — пишетъ П. Н. Милюковъ*) — „въ томъ, что черезъ $6^1/_2$ мѣсяцевъ послѣ подписанія формальнаго соглашенія о раздѣлѣ Македоніи и за три недѣли до начала войны противъ Турціи сербская дипломатія начала подготовлять европейскія государства къ нарушенію договора“. „Вотъ начало и главная причина братоубійственной войны“, — заключаетъ г. Милюковъ. Съ перваго же дня своего появленія сербскія „освободительныя“ войска начали обращаться съ мѣстными болгарами, за свободу которыхъ болгарскія войска воевали во

*) „Рѣчь“, 6.VI. 1914 г.

Ѳракіи, какъ съ покореннымъ населеніемъ, закрывъ ихъ училища и запретивъ имъ называться болгарами.

„Надо сказать правду“, — говоритъ одинъ русскій военный корреспондентъ[1]), — „это было прескверное управленіе, чуждое культуры и лойяльности“. „Сербы не сумѣли даже на первыхъ парахъ сдержать свою ненависть къ болгарамъ и грекамъ, особенно къ первымъ. Въ Старой Сербіи, заявляли они, нѣтъ больше болгаръ, а тѣ, кто считаютъ себя таковыми, могутъ удалиться изъ Скопскаго санджака“.

„Уже въ Декабрѣ 1912 г., когда, послѣ подписанія чаталджинскаго перемирія, я объѣзжалъ оккупированную греками и сербами Македонію, — пишетъ другой русскій корреспондентъ, г. Владиміръ Викторовъ-Топоровъ[2]), — я чувствовалъ, что этотъ оккупаціонный режимъ ведетъ къ междусоюзнической войнѣ“.

Аресты́, убійства, принудительное измѣненіе окончаній болгарскихъ именъ, вмѣсто „овъ“ на „ичъ,“ терроръ комитаджіевъ — вотъ режимъ сербскихъ „освободителей“ въ Македоніи. Уже къ концу Декабря 1912 г. вся почти сербская печать („Политика,“ „Сербская Застава,“ „Вечернія Новости,“ „Стража,“ „Правда,“ „Малый Журналъ,“ „Пьемонтъ“ и др.) писали, что всѣ оккупированныя сербскими войсками территоріи принадлежатъ Сербіи. „Все, что мы взяли, то наше,“ говорила „Сербская Застава“ 23 Ноября, а 12 Декабря та же газета пишетъ: „Ни одинъ народъ не можетъ жертвовать своимъ существованіемъ во имя союзнической вѣрности.“ Немного позже къ бѣлградской шовинистической печати присоединяется и сербскій оффиціозъ „Самоуправа“ открыто выступивъ за ревизію договора. Сербскій министръ-президентъ Пашичъ, который еще 24 Марта завелъ въ Софіи черезъ сербскаго посланника разговоръ о „внѣдоговорномъ раздѣлѣ“ Македоніи, 6/19 Апрѣля сдѣлалъ черезъ сербскаго представителя въ Бухарестѣ предложеніе Румыніи заключить союзъ противъ Болгаріи [3]).

---

[1]) Н. Шевалье (Н. Г-дъ „Правда о войнѣ на Балканахъ“). Записки военнаго корреспондента. С Петербургъ 1913 стр. 92—95.

[2]) „Балканскія настроенія“.

[3]) (Румынская зеленая книга). Documents diplomatiques. Les événements de la Pèninsule Balkanique. L'action de la Roumanie, Septembre 1912 — Aout 1913. Bucarest, 19 3 № 130, стр. 97—98.

То же самое предложеніе въ порядкѣ оффиціальномъ сдѣлало мѣсяцъ спустя и греческое правительство, выразивъ пожеланіе „включить въ союзъ и Турцію“. Jbidem № № 134—137, стр. 101—102 и 104.

Въ это время сербскія войска въ Македоніи, отдохнувъ какъ слѣдуетъ, между тѣмъ какъ болгарскія стояли на Чаталджѣ, превратили гору Султанъ-Тепе въ крѣпость, окопавшись по р. Брегальницѣ и Чакатъ. Настроеніе въ обѣихъ странахъ, въ особенности послѣ подписанія лондонскаго мира (17.V.1913), было тревожное и со дня на день ожидалась война[1]). Въ Болгаріи царило полное недовѣріе къ союзнической лойяльности Сербіи и страшное возбужденіе противъ поведенія сербскаго оккупаціоннаго управленія. Начались столкновенія между греческими и болгарскими, между сербскими и болгарскими войсками на границахъ. Въ этой общественной атмосферѣ основательнаго недовѣріие и сомнѣнія какъ въ союзникахъ, такъ и въ арбитражѣ русскаго царя Фердинандъ, безъ вѣдома правительства, далъ 16 Іюня приказъ по арміи напасть на союзниковъ.

Правительство, составленное изъ самыхъ лойяльныхъ по отношенію къ Россіи болгарскихъ партій—прогрессистовъ и народняковъ — заставило 18 Іюня помощника главнокомандующаго прекратить военныя дѣйствія. Сербы и греки, однако, не только не прекратили ихъ, но использовали обстановку и продолжали съ остервенѣніемъ войну. Вмѣшалась Румынія, вмѣшалась потомъ и Турція и такимъ образомъ Болгарія была вынуждена подписать 26 Іюня 1913 года жестокій и унизительный бухарестскій договоръ. Формальная отвѣтственность легла, конечно, на Болгарію, которая первая препріняла нападеніе. Однако, актъ 16 Іюня былъ подготовленъ завистью и коварствомъ нашихъ союзниковъ. Покойный Прошене де Пресалее объяснилъ катастрофу Болгаріи такъ: „сербы и греки использовали несравненно большія усилія и жертвы Болгаріи, ея усталость, европейское общественное мнѣніе и *цинизмъ Румыніи.*“ Онъ же далъ и наиболѣе точную формулировку вины Болгаріи въ нападеніи 16 Іюня: „Болгарія несетъ только техническую вину кажущагося нападенія — le tort technique de l'offensive apparente — благодаря которой она попала въ западню, разставленную ей сербами и греками“ [2]).

Актъ 16 Іюня былъ съ болгарской точки зрѣнія покушеніемъ на конституцію со стороны Фердинанда, былъ актомъ безумія, разстроившимъ дипломатическія позиціи Болгаріи изо-

[1]) Уже была подписана и военная конвенція съ Греціей 16 Мая. (См „Enquete dans les Balkans“ стр 43—44).

[2]) Courriere Furbpéen 22.XI. 1913 г.

лировавшимъ ее и прикрившимъ длинную вереницу нелойяльныхъ дѣйствій и провокацій ся союзниковъ, которые его сами подготовили. Фердинандъ разсчитывалъ на безконечное негодованіе, охватившее болгарское общество, легкомысленно не дооцѣнилъ силъ противника и не считался съ усталоттью болгарскихъ войскъ. Несомнѣнно, онъ дѣйствовалъ также подъ вліяніемъ Австріи, которая хотѣла во что бы то ни стало не допустить арбитража рускаго царя и разрушить балканскій союзъ.

Въ Бухарестѣ, однако, вмѣстѣ съ Болгаріей была разбита и русская дипломатія. Reichpost, органъ убитаго австровенгерскаго престолонаслѣдника, по этому поводу писалъ:

„Послѣдняя война оказалась вреднѣе для панславизма, чѣмъ первая для турокъ; панславистскимъ мечтамъ разъ навсегда положенъ конецъ. Когда полумѣсяцъ закатился и звѣзды панславизма потухли, надъ Балканами взошло солнце румынъ и грековъ. *Опасность, угрожавшая Константинополю со стороны Россіи, миновала разъ навсегда.* Этотъ городъ, вмѣстѣ съ ѳракійской территоріей останется турецкимъ, или же, какъ это было нѣкогда, будетъ принадлежать грекамъ.

Балканскій панславизмъ побѣдилъ самъ себя и Европа освободилась отъ большой опасности, которая угрожала прежде всего Австро-Венгріи".

Русская дипломатія потерпѣла пораженіе не только благодаря алчности и коварству союзниковъ Болгаріи, не только благодаря Фердинанду съ его угодничествомъ Австро-Венгріи, но и вслѣдствіе своихъ собственныхъ ошибокъ и безтактности. Она также была отвѣтственна за то, что не сумѣла предотвратить междусоюзническую войну. Она не обратила достаточнаго вниманія на предварительныя тренія между союзниками. Она была слабо проникнута идеей ненарушимости союзнаго договора и, послѣ того, какъ поощрила сербовъ, частью прямо черезъ своихъ агентовъ, частью косвенно своей пассивностью, когда страсти уже разгорѣлись, она произвела болѣе сильный нажимъ на Софію въ пользу внѣдоговорныхъ уступокъ, чѣмъ на Бѣлградъ въ пользу союзнической лойяльности.

„Занявъ Македонію, — пишетъ г. Милюковъ [1]) — сербы рѣшили удержать ее силой. Стало явнымъ, что безъ борьбы и болгары не

[1]) „Рѣчь", 6 XI. 1914 г.

уступятъ того, что имѣли основаніе считатъ своимъ по договору. Оставался русскій арбитражъ, но . . . я въ свое время указывалъ на основаніи нашей оранжевой книги, что С. Д Сазоновъ предлагалъ болгарамъ согласиться предварительно пойти на уступки сербамъ, заявивъ имъ прямо, что въ противномъ случаѣ не гарантируетъ подчиненія сербовъ результатамъ арбитража".

Извѣстный корреспондентъ и сторонникъ балканскаго соглашенія г. Джемъ Баумеръ, высказываясь о неудачной дѣятельности дипломатіи антанты въ 1913 г.[1]) заявилъ:

„Гартвигъ, русскій посланникъ въ Бѣлградѣ, преслѣдовавшій свою личную политику и поощрявшій сербское правительство порвать договоръ съ Болгаріей, былъ настоящимъ виновникомъ междусоюзнической войны".

Русская дипломатія очнулась только въ послѣдній часъ, когда вчерашніе союзники уже бряцали оружіемъ другъ противъ друга. Когда же румынское правительство, недовольное петроградскимъ протоколомъ, по которому ему уступалась Силистрія, съ нетерпѣніемъ ждало начала междусоюзнической войны, чтобы вмѣшаться въ нее[2]),С. Д. Сазоновъ думалъ, что Румынія можетъ послужить удобнымъ средствомъ нажима на Болгарію Дѣйствительно, отвѣчая на румынскій запросъ, онъ заявилъ, что онъ не выступитъ противъ румынскаго вмѣшательства, если оно будетъ направлено противъ той страны, которая первой начнетъ войну[3]). Въ томъ же духѣ была составлена и телеграмма императора Николая II отъ 29 Мая обоимъ славянскимъ государямъ. А между тѣмъ было извѣстно, что предметомъ румынской зависти были болгарскіе военные успѣхи, предметомъ румынской алчности— болгарскія территоріи. Средство, казалось, правда, вѣрнымъ, ибо ни одинъ разумный человѣкъ не могъ бы допустить, что при негарантированномъ румынскомъ нейтралитетѣ и при категорическомъ предупрежденіи съ русской стороны, найдутся въ Болгаріи безумцы, которые пойдутъ на явную гибель, начавъ первыми войну. Однако русская дипломатія пренебрегала въ своихъ разсчетахъ моральнымъ эффектомъ этого поведенія Софіи, не считалась съ Фердинандомъ, съ озлобленіемъ патріотическихъ болгарскихъ круговъ и съ тайнымъ подстрека-

[1]) Qaurterly Rewiew („Балканскія государства и война", 2.II. 1915 стр. 428)

[2]) См. „Румынская зелевая книга". № 130. 101—102 и 104.

[3]) Русская оранжевая книга, 1914 г.

тельствомъ австрійскаго посланника графа Тарновскаго; она способствовала сгущ нію той атмосферы, въ которой вспыхнула война.

Разъ признавалось, что балканскій союзъ долженъ быть сохраненъ во что бы то ни стало, необходимо было проявить больше настойчивости и эластичности, больше предусмотрительности и меньше вниманія къ надменнымъ жестамъ и фразамъ Фердинанда объ его поползновеніяхъ насчетъ Родосто и и Мраморнаго моря.

* * *

То обстоятельство, что царь Фердинандъ не былъ привлеченъ ни дипломатіей Согласія, ни болгарскимъ народомъ къ отвѣтственности за послѣдствія своего преступнаго безумія 16 Іюня 1913 г. оказалось ошибкой, имѣвшей роковое значеніе и для Болгаріи и для Россіи. Дипломаты Согласія не попытались даже заставить Фердинанда въ Букарештѣ съ помощью балканскихъ побѣдителей отречься отъ престола. Всѣ заботы побѣдителей исчерпались распредѣленіемъ турецкаго наслѣдства и ограбленіемъ Болгаріи.

Русская дипломатія, принявшая бухарестскій договоръ съ извѣстной оговоркой относительно одной Кавалы, лишила себя объективныхъ условій для быстраго возстановленія балканской солидарности. Она возложила всѣ свои надежды на новый балканскій блокъ — блокъ побѣдителей — и занялась упроченіемъ своихъ связей съ Румыніей, дабы еще болѣе удалить послѣднюю отъ ея нѣмецкихъ союзниковъ. Такимъ образомъ былъ наказанъ болгарскій народъ, а не прямой виновникъ нападенія на союзниковъ т. е. Фердинандъ. Болгарія осталась для Россіи, благодаря ему, и въ будущемъ тревожнымъ неизвѣстнымъ въ русской ближневосточной проблемѣ. Своими же усиліями цементировать новый блокъ, отрицательный въ самой основѣ и неспособный къ творчеству, какъ это и выяснилось во время послѣдней войны, когда Греція и Румынія остались безучастными при экзекутированіи своей букарестской союзницы — Сербіи, — русскіе дипломаты невольно культивировали въ Болгаріи антантофобскій, главнымъ образомъ руссофобскій духъ. Ихъ попытки слѣлать сербско-болгарскія отношенія снова дружескими или, по крайней мѣрѣ, корректными — при наличности санкціонированнаго въ Букарештѣ грабежа болгарскихъ земель

— оказались тщетными, ибо были заранѣе осуждены на безплодіе.

Внутри Болгаріи народъ переживалъ боль по своимъ разгромленнымъ идеаламъ въ сознаніи того, что именно его мощными усиліями возвеличены сосѣди, которыхъ онъ превосходитъ. Угодливые совѣтники Фердинанда занялись реабилитаціей главы государства. Вѣрные своей больной политической мысли, они не видѣли фактовъ въ ихъ истинномъ свѣтѣ, а эксплоатировали несчастный и разгромленный народъ, теребя его раны напоминаніями о томъ, что Россія допустила вторженіе румынъ въ страну, что русскій императоръ, какъ бы въ насмѣшку надъ народнымъ болгарскимъ горемъ, посѣтилъ Констанцу и вручилъ фельдмаршальскій жезлъ румынскому королю Карлу I. Эти факты, освѣщавшіеся отрывочно, безъ связи съ предшествовавшими событіями, главнымъ образомъ съ нападеніемъ 16 іюня, вносили смуту въ народную душу, ибо простой народъ, беззавѣтно вѣрившій въ благожелательство своей освободительницы, не могъ помириться съ чудовищнымъ характеромъ обвиненій, бросаемыхъ оффиціалной Россіи.

При такомъ то состояніи умовъ въ Болгаріи вспыхнула общеевропейская война. Великимъ несчастіемъ для Болгаріи оказалось то, что міровой конфликтъ засталъ у власти три либеральныхъ партіи, въ которыхъ, благодаря пережитымъ событіямъ, воскресло старое руссофобство. Это были единственныя политическія группировки, способныя при содѣйствіи Фердинанда, связать Болгарію съ нѣмцами и турками для общей борьбы съ Россіей и ея союзниками. О Фердинандѣ не будемъ говорить. Его собственное признаніе, сдѣланное послѣ отреченія отъ престола въ Berliner Tageblatt, ясно свидѣтельствуетъ о томъ, какія чувства и намѣренія волновали его во время борьбы между нѣмецкимъ союзомъ и міровой коаліціей. Въ своемъ интервью Фердинандъ между прочимъ заявилъ:

„Я рѣшилъ продолжать до конца политику союза съ центральными державами, *въ пользу которой работалъ въ теченіе 32 лѣтняго своего царствованія*“.

„Отъ руководящихъ идей этой политики я никогда не отказывался“. „Теперь не время громкихъ словъ, но исторія когда нибудь покажетъ, что я остался до конца вѣрнымъ союзникомъ Германіи и Австро-Венгріи“.

На помощь этому политическому режиму пришли моральные дефекты тогдашнихъ болгарскихъ правителей, которые способствовали осуществленію второго акта преступнаго безумія бывшаго Кобургскаго принца по отношенію къ болгарскому народу. Эти дефекты заключались: въ ихъ жаждѣ мести, въ ихъ политической злобѣ къ Сербіи и въ ихъ вѣрѣ въ побѣду нѣмецкаго оружія. „Реальные политики", поклонники „священнаго эгоизма", они исключили изъ своихъ разсчетовъ всякія нравственныя обязательства по отношенію къ освободительницѣ Россіи. Узкій кругозоръ ихъ политической мудрости обхватывалъ въ этомъ колоссальномъ состязаніи только маленькую Болгарію съ ея мѣстными задачами, съ ея желаніемъ отомстить за себя и получить реваншъ за 1913 годъ.

Правительство объявило „строгій и лойяльный нейтралитетъ", но фактически оно было благосклонно къ центральнымъ державамъ. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться создавшимся благопріятнымъ для Болгаріи положеніемъ, при которомъ цѣна Болгаріи поднялась высоко, оно отклоняло всѣ предложенія и попытки столковаться съ державами Согласія. Это можетъ быть установлено и дипломатическими документами, относящимся къ вмѣшательству Болгаріи въ европейскую войну 1913 — 1915 г. — т. I; Софія 1920 г., — собранными въ изданной нынѣшнимъ болгарскимъ правительствомъ „оранжевой книгѣ" Фердинандъ и Радославовъ, увѣренные въ окончательной побѣдѣ Германіи, съ которой они были уже связаны 500-милліоннымъ займомъ, ждали только удобнаго момента. чтобы закабалить Болгарію центральнымъ державамъ формальнымъ договоромъ.

Къ чести болгарскаго народа нужно констатировать, что оппозиція, къ которой принадлежало его подавляющее большинство, стояла либо за антанту, вмѣшательство въ пользу Россіи, либо за честный нейтралитетъ до конца. Что касается чувствъ самого народа, о нихъ говоритъ цѣлый рядъ краснорѣчивыхъ фактовъ: народныя массы радовались русскимъ побѣдамъ и скорбѣли за русскія пораженія, собирали помощь для русскихъ раненыхъ и давали добровольцевъ въ русскую армію, между тѣмъ какъ не нашлось ни одного болгарина даже между правительственными германофильскими элементами, каторый поступилъ бы добровольцемъ въ австрійскую или германскую арміи. Если эти чувства не выразились въ буриыхъ движеніяхъ, способныхъ смести правителч-

ство, этому были причиной неугасшая непріязнь къ Сербіи и недосточно энергичная политика державъ Согласія

Ошибки Согласія въ 1914—1915 году была чисто техническаго свойства. Правда, дипломатія Согласія, оцѣнивая географическое положеніе и военныя силы Болгаріи, съ самаго начала понимала, что вмѣшательство Болгаріи можетъ и должно быть обезпечено территоріальными уступками со стороны бухарест скихъ союзниковъ. Она постаралась заручиться нейтралитетомъ Болгаріи, за который обѣщала болгарскому правительству линію Мидія-Эносъ и „справедливыя территоріальныя компенсаціи“ въ сербской Македоніи (Іюнь 1914 г.). Послѣ вмѣшательства Турціи старанія ея были направлены къ тому, чтобы привлечь Болгарію къ военному вмѣшателству только противъ Турціи. Документы болгарской Оранжевой книги свидѣтельствуютъ о томъ, что Согласіе стремилось всяческимъ образомъ склонить болгарское правительство къ переговорамъ о соглашеніи. Кабинетъ Радославова однако продолжалъ прятаться за „нейтралитетъ,“ не открывая своихъ картъ и избѣгая рѣшительныхъ разговоровъ. Во всей этой дипломатической перепискѣ нѣтъ ни одного документа, изъ котораго было бы видно, чтобы Радославовъ хотѣлъ искренно вести переговоры, формулировавъ конкретныя и ясно опредѣленныя, хотя бы и самыя крайнія, требованія и гарантіи. Было очевидно, что онъ не желалъ возбудить ни малѣйшаго сомнѣнія со сторона центральныхъ державъ и „компрометировать себя“ въ ихъ глазахъ.

Этотъ фактъ можетъ нынѣ послужить дипломатамъ Согласія, русскимъ прежде всего, для того, чтобы оправдать свою нерѣшительность и вялость, какъ и свое недостаточно энергичное давленіе на Сербію. Въ дѣйствительности же, они должны были, исходя изъ собственныхъ интересовъ, тотчасъ же послѣ турецкаго вмѣшательства сдѣлать оффиціальной и неоффиціальной Болгаріи вполнѣ удовлетворительныя, соблазнительныя конкретныя предложенія, сломивъ предварительно сербское упрямство. При такихъ условіяхъ друзья Согласія среди болгарскаго общества во главѣ съ убѣжденными руссофилами могли бы предпринять болѣе рѣшительную кампанію въ пользу вмѣшательства на сторонѣ антанты, а Радославовъ и Фердинандъ были бы вынуждены по крайней мѣрѣ раньше раскрыть свои карты.

Подозрительное поведеніе софійскихъ политиковъ парализовало рѣшимость Россіи дѣйствовать быстро и круто въ Нишѣ, куда былъ посланъ князь Трубецкой съ спеціальной миссіей заставить Сербію дать свое согласіе на территоріальныя уступки, необходимыя для удовлетворенія Болгаріи. Вотъ почему рѣшительные шаги въ Софіи предпринятые только 16 мая 1915 г., оказались запоздалыми*).

Только въ этотъ день, наконецъ, Согласіе предложило Болгаріи: 1) линію Мидія-Эносъ, 2) сербскую Македонію до линіи Эгра-Паланка-Сопотъ-Охридъ, 3) обязательство добиться отъ Греціи уступки Кавалы взамѣнъ компенсаціи для грековъ въ Малой Азіи, 4) облегченіе переговоровъ съ Румыніей объ уступкѣ Добруджи и 5) финансовую поддержку. 2 Іюня Радославовъ попросилъ нѣкоторыхъ разъясненій по поводу перечисленныхъ предложеній. Вполнѣ удовлетворительныя разъясненія были даны 21 Іюня 1915 г.: въ дополнительной англійской нотѣ отъ того же 21 Іюня сообщалось софійскому правительству, что Согласіе могло бы допустить предварительную оккупацію области восточнѣе Вардара. Одновременно съ этимъ въ Іюнѣ и Іюлѣ обсуждался вопросъ о десантѣ союзническаго оккупаціоннаго корпуса въ Солоникахъ. Этотъ „правильный самъ по себѣ шагъ былъ сдѣланъ въ тринадцатый мѣсяцъ и при самой неблагопріятной обстановкѣ", говорила газета „Рѣчь" въ номерѣ отъ 20 іюня 1915 г., когда русскіе были уже далеко отброшены за Карпаты. Вотъ почему онъ не произвелъ никакого эффекта. Въ отвѣтъ на сдѣланныя ему предложенія Радославовъ объявилъ 10 Сентября всеобщую мобилизацію.

На дипломатіи Согласія, съ точки зрѣнія не только болгарскихъ, но и общихъ союзническихъ и прежде всего русскихъ интересовъ, лежитъ отвѣтственность за то, что она даже не подумала произвести на Болгарію энергичное давленіе, какъ это она сдѣлала съ Грецією въ 1917 г., давъ возможность Венизелосу одержать верхъ надъ политикой Константина. Своевременныя крутыя мѣры для сломленія сербскаго упрямства и своевременныя удовлетворительныя компенсаціи, а также серьезный нажимъ на Фердинанда и Радо-

*) См. „Болгарскую оранжевую квигу". Оффиціальныя предложенія русской дипломатіи съ начала европейской войны до вмѣшательства Болгаріи изложены въ Русскомъ Правит. Вѣстникѣ отъ 23 сен. 1915 г.

славова — вотъ что требовалось отъ русской дипломатіи и чего она не сдѣлала.

Когда турецко-болгарское соглашеніе и союзный договоръ съ Австро-Венгріей были подписаны 4 Сентября, вожаки пяти оппозиціонныхъ партій: земледѣльческой (Стамболійскій), прогрессивной (Д-ръ Даневъ), народной (Ив. Ев. Гешовъ), демократической (Ал. Малиновъ) и радикальной (Ѳ. Цановъ), явились на аудіенцію къ Фердинанду и предупредили его, что, если правительство выступитъ на сторонѣ центральныхъ державъ, то это подвергнетъ опасности не только династію, но и существованіе Болгаріи. Фердинандъ имъ отвѣтилъ: „У меня есть свой планъ, его я и осуществлю".

Болгарское правительство заключило нѣкоторыхъ изъ политическихъ вождей и многихъ вновь объявленныхъ „руссофилами" дѣятелей въ тюрму, потушило разстрѣлами попытки бунтовъ въ началѣ войны и планъ Фердинанда былъ осуществленъ, не смотря на волю и чувства болгарскаго народа.

* * *

Россія и Болгарія, хотя и сражавшіяся въ двухъ враждебныхъ лагеряхъ, одинаково были раздавлены ходомъ міровыхъ событій. Болгарія похоронила пятивѣковой свой народный идеалъ, израсходовала въ продолжительной борьбѣ накопленныя въ 40 лѣтъ матеріальныя блага и энергію, потеряла большія территоріи и отброшена отъ береговъ Бѣлаго моря. Россія преждевременно вышла изъ строя, чтобы стать ареной небывалой въ исторіи гражданской войны.

Мирные договоры, подписанные въ Версали, Сенъ-Жерменѣ, Ньюи, Санъ-Ремо, Тріанонѣ и Севрѣ, заключенные въ атмосферѣ самообольщенія и возбужденной алчности, содержатъ въ себѣ всѣ элементы непрочности, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они противоестественны и чудовищны. Но самое чудовищное это то, что ликвидація войны, произведенная побѣдителями, поставила на одну доску съ наиболѣе униженными и оскорбленными и ту великую націю, военнымъ усиліямъ и многомилліоннымъ жертвамъ которой въ первой половинѣ войны союзники обязаны своей побѣдой. Карта Европы передѣлана, старыя государства погребены и зародились новыя, восточному вопросу дано канцелярское разрѣшеніе, безъ того, чтобы воля

Россіи была принята во вниманіе. Однако „рѣшенный безъ участія Болгаріи и Россіи восточный вопросъ не ликвидированъ“, говоритъ г. Луи Бріонъ [1]).

Какъ бы не ошеломляло своими размѣрами разрушительное дѣло большевизма въ Россіи, междуусобицѣ когда нибудь да наступитъ конецъ. Ликвидировавъ гражданскую войну и установивъ нормальный внутренній порядокъ, — въ какой именно демократической формѣ, это не важно, — Россія не можетъ не занять свою *русскую позицію* по отношенію ко всему тому, что безъ нея, помимо нея, а въ нѣкоторыхъ частяхъ свѣта прямо противъ нея, уже объявлено совершившимся и санкціонированнымъ. И можетъ ли быть сомнѣніе въ томъ, что со своимъ возстановленіемъ она пріобрѣтетъ значеніе первостепеннаго фактора въ международныхъ отношеніяхъ, разъ уже теперь ея отсутствіе въ міровомъ концертѣ тягостно, разъ ея возстановленіе признается всѣми желательнымъ и она ожидается, какъ необходимый участникъ въ міровой политикѣ даже и такими государствами, какъ великая сѣверо-американская республика?

Какія заданія лягутъ въ основу будущей русской внѣшней политики? Несомнѣнно, заданія эти будутъ направлены не въ одну сторону, ибо на всѣхъ границахъ русской земли возникали новыя какъ искуственныя, такъ и естественныя тенденціи новыхъ государственныхъ образованій. Можетъ ли, однако, подлежать сомнѣнію, что Ближній Востокъ съ проблемой проливовъ будетъ имѣть для демократической Россіи то же самое значеніе, которое онъ имѣлъ и при самодержавіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ слѣдующихъ строкахъ извѣстнаго французскаго журналиста René Pinon, какъ будто предвидѣвшаго, что Россія будетъ расшатана революціей въ родѣ большевистской, которая отклонитъ ее, но только на время, отъ ея историческихъ задачъ на Востокѣ. Вотъ эти строки, которыя нынѣ звучатъ какъ пророческія слова:

„Россія, покуда она Россія, т. е. покамѣстъ она сохраняетъ вмѣстѣ со своимъ единствомъ сознаніе своихъ интересовъ и традицій, будетъ стремиться съ неослабѣвающей силой обезпечить себѣ свободу дѣйствій въ проливахъ и пріобрѣсти такимъ путемъ ключъ къ собственному дому: единственно при торжествѣ федеративной рево-

1) Revue de Paris, № 17, 1920, стр. 224 (Les cas Bulgare).

люціи она могла бы на мигъ забыть о политикѣ, которую природа и исторія дѣлали необходимостью для нея [1]).

По иниціативѣ Англіи, въ Санъ-Ремо и въ Севрѣ восточно-ѳракійскому и турецкому вопросамъ было дано разрѣшеніе, удалившее Россію отъ объекта той политики, которую „исторія и географія сдѣлали необходимостью для нея". Турція вытѣснена изъ Европы, сохранивъ только номинальное владычество въ Константинополѣ, и поставлена подъ опеку побѣдителей въ Малой Азіи. У нея отняты проливы, а фактическій надзоръ и господство надъ ними перешли въ руки той же самой великой державы, которая цѣлыхъ два вѣка боролась за суверенитетъ оттоманской имперіи, предназначенной сю быть хранительницей „ключей отъ русскаго дома". Роль жандарма сейчасъ поручена Греція. Болгарія вытѣснена съ моря къ Родопскимъ горамъ и територія „Новой Византіи" протянулась какъ червь по берегамъ Эгейскаго и Мраморнаго морей, отъ устья рѣки Быстрицы до предмѣстій Константинополя и до Чернаго моря. Какое чудовищное покушеніе на географію, исторію, экономику и этнографію! Развѣ можетъ быть отношеніе будущей Россіи къ новому сторожу проливовъ иное, чѣмъ оно было къ старому? Новая Византія уже зажила фантастической мыслью, что ей достаточно протянуть руку, чтобы завладѣть и своей старой столицей, жители которой пьютъ нынѣ воду, чьи источники находятся въ рукахъ грековъ, — какъ недавно выразился г. Пуанкаре. Возможность такого явленія предвидѣли когдато русскіе самодержцы, несмотря на то, что за политическую независимость грековъ пролито не мало русской крови. 9 Января 1853 г. императоръ Николай I въ разговорѣ съ англійскимъ представителемъ сэромъ Сеймуромъ такъ выразилъ отношеніе Россіи къ возможнымъ рѣшеніямъ вопроса о проливахъ:

„Есть нѣкоторыя вещи, которыхъ я никогда не могъ бы вынести: прежде всего, что касается насъ, то я не хочу постоянной оккупаціи Константинополя русскими; тѣмъ менѣе я бы согласился на оккупацію его англичанами, французами или другой какой-либо великой державой. Я никогда не допущу ни малѣйшаго опыта возстановленія византійской имперіи и не позволю Греціи получить такое территоріальное расширеніе, которое бы ее сдѣлало сильной державой" [2]).

---

1) René Pinon „L' Europe et l' Empire Ottomane", 1913 стр. 13—14.
2) Ibidem, стр. 10.

То, чего не допускалъ Николай I, нынѣ стало дѣйствительностью. Новая Византія загородила путь Россіи къ проливамъ, Болгаріи—къ Бѣлому морю. Міровая буря, въ которой болгары скрестили свое оружіе съ оружіемъ своихъ освободителей, отбросила и тѣхъ и другихъ на тотъ же негостепріимный берегъ. И если суждено Россіи когда нибудь залѣчить свои тяжелыя раны, пойти по пути той политики, которую, какъ уже было сказано, „природа и исторія сдѣлали необходимостью для нея", то Болгаріи прійдется, подчиняясь географической и исторической необходимости, руководствуясь долгомъ признательности и сознаніемъ самыхъ жизненныхъ своихъ интересовъ, — согласовать свои усилія и задачи съ культурной работой своей освободительницы по всему протяженію отъ устья Днѣстра до проливовъ и открытыхъ береговъ Эгейскаго моря. Не греки, чьей метрополіей все таки пока что остаются континентальная Грецiя и эгейскія острова, а болгары, которые владѣютъ естественной опорой Константинополя—Балканами и Родопами, предназначены природой быть сторожами проливовъ.

Кровныя и историческія связи, живое непогаснувшее и непогасимое чувство признательности и любви болгарскихъ народныхъ массъ къ освободительницѣ, уроки пережитыхъ страшныхъ испытаній—вотъ гдѣ залогъ того, что вся болгарская интеллигенція будетъ содѣйствовать въ будущемъ возвращанію болгарской государственной политики на ея естественный историческій путь, отъ котораго отклонило ее въ 1913 и 1915 г. г. безуміе тупыхъ фанатиковъ и чужихъ агентовъ во главѣ съ царемъ Фердинандомъ. Русскіе жизненные интересы и болгарскія державныя задачи на Ближнемъ Востокѣ будутъ осуществляться параллельно безъ зигзаговъ, которые отмѣтила въ прошломъ печальная дипломатическая исторія обѣихъ странъ. И ходъ міровой войны, невыразимо трагичный для этихъ двухъ государствъ, ускоритъ ихъ сотрудничество, которое географія и исторія превращаютъ въ необходимость какъ для Россія, такъ и для Болгаріи.

Хр. Силяновъ.

Украинцы.

Въ томъ бѣдствіи, которое постигло Россію, можно различать два основныхъ явленія: во-первыхъ, захватъ власти группой узурпаторовъ, во вторыхъ, раздробленіе Имперіи, отпаденіе ея окраинъ.

Кровавая диктатура фанатиковъ составляетъ причину трагедіи нынѣшняго поколѣнія; главная задача — устранить захватчиковъ и создать правительство, пользующееся признаніемъ населенія — покрываетъ всѣ другія проблемы. Даже дробленіе территоріи можетъ представляться чѣмъ то положительнымъ, такъ какъ оно создаетъ оазисы, свободные отъ насилія и крови.

Въ свѣтѣ непреходящихъ, вѣковыхъ интересовъ государства соотношеніе получается иное. Какъ далеко ни заходятъ варварскіе эксперименты, производимые надъ Россіей, какихъ страшныхъ жертвъ ни стоятъ они, не измѣнить при ихъ посредствѣ стихійный ходъ соціальныхъ процесовъ, лежащихъ въ глубинѣ революціи. Пусть невѣдомы ни сроки смуты, ни пути преодолѣнія ея, — но вдали вырисовываются уже очертанія новой, могучей крестьянской Россіи.

Забудутся и коммунистическіе эксперименты, и связанныя съ ними бѣдствія. Но распадъ государства, расхищеніе наслѣдія, накопленнаго десятками поколѣній, можетъ имѣть послѣдствія непоправимыя.

Поэтому, въ процессѣ русской революціи рѣшается не вопросъ о будущей соціальной структурѣ государства: она предопредѣлена рядомъ наличныхъ, объективныхъ факторовъ. Рѣшается другой вопросъ: быть ли на Востокѣ великой имперіи, или ряду мелкихъ, враждующихъ, соперничающихъ государствъ.

Среди національно-окраинныхъ проблемъ есть одна, имѣющая роковое значеніе для будущихъ судебъ Россіи: укра-

инская. Россія будетъ великой и безъ Польши, и безъ Финляндіи; Россія найдетъ должныя формы взаимоотношеній съ прибалтійскими и закавказскими областями; но для этого должно быть сохранено единство въ самомъ русскомъ народѣ. Если теперь, когда складывается національное его самосознаніе, отколется, какъ особая народность, украинская его вѣтвь, великой Россіи не бывать, будетъ Московія. Если великорусское и малорусское племена выйдутъ изъ революціи единымъ, какъ прежде, но осознавшимъ и утвердившимъ свое единство народомъ, Россія станетъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо.

Поэтому, даже въ пору самой напряженной внутренней борьбы, русское общество должно найти въ себѣ достаточно силъ, чтобы пристально наблюдать за ходомъ развитія украинскаго вопроса, достаточно хладнокровія и выдержки, чтобы изъ за временнаго и преходящаго не забывать о будущей Россіи.

* * *

Въ 1917 году, когда украинцы впервые появились въ Россіи на поверхности политической жизни, они предстали передъ русскимъ обществомъ въ качествѣ единой и могучей силы.

Несмотря на всѣ различія, программныя и тактическія, украинскія партіи складывались въ одну стройную организацію, быстро выдвинули цѣлую іерархію политическихъ дѣятелей съ декоративной фигурой Михайлы Грушевскаго во главѣ и, по мѣрѣ распаденія россійской власти, всѣмъ фронтомъ продвигались впередъ, по пути совершеннаго обособленія южной Россіи.

Съ тѣхъ поръ прошло три года. Разсматривая нынѣшнее состояніе украинскаго политическаго движенія, напрасно стали бы мы искать въ немъ прежней стройности и единства.

Наиболѣе активной силой, отстаивающей національно-политическіе лозунги украинства, является въ настоящее время правительство „Украинской Народной Республики“, олицетворяемое „Головнимъ Отаманомъ“, С. В. Петлюрой. Основываясь на юридической фикціи, правительство это ведетъ свою власть отъ Директоріи, образовавшейся осенью 1918 г. въ Бѣлой-Церкви и два мѣсяца возсѣдавшей въ Кіевѣ на раз-

валинахъ „гетманшафта“, и отъ „Трудового Конгресса“, ею созванн аго.

Бѣжавъ изъ Кіева, правительство „Украинской Народной Республики“ вотъ уже скоро два года кочуетъ съ мѣста на мѣсто.

Маршрутъ его за это время приблизительно такой: Кіевъ—Винница — Жмеринка — Каменецъ-Подольскъ — Кіевъ Вининца — Жмеринка — Каменецъ — Чортковъ — Бучачъ —Станиславовъ—Пшеворскъ—Ряшевъ — Тарновъ — Станиславовъ—Тарновъ—Станиславовъ—Каменецъ . . . Недаромъ одна польская газета назвала эту безпрерывно эвакуирующуюся власть „Летучимъ Голландцемъ“.

Территорія, на которой она господствуетъ, мѣняется безпрестанно. Дважды она оказывалась совсѣмъ безъ всякой территоріи, и укрывалась въ Польшѣ и Галиціи.

Насколько можно говоритъ о конституціи столь своеобразнаго государственнаго организма, она такова. Головной Отаманъ пользуется неограниченной властью. При немъ состоитъ Совѣтъ Министровъ; министерствъ не то 13, не то 14; впрочемъ, примѣнительно къ постояннымъ перемѣщеніямъ, они вполнѣ портативны, и во время пребыванія въ Тарновѣ помѣщались почти всѣ въ одной гостинницѣ. Кромѣ четырнадцати министровъ, у Головного Отамана есть, хотя и немногочисленная, вооруженная сила, что и придаетъ правительству „У. Н. Р.“ подобіе настоящей власти.

Однако, это далеко не единственная украинская власть. Прежде всего, нельзя забывать о совѣтскомъ правительствѣ Украины. Хотя оно создано (приблизительно тогда же, когда возникла Директорія) русской большевистской партіей, загримировавшейся съ этой цѣлью „Коммунистической партіей Украины“, но въ немъ участвуютъ, временами переходя въ оппозицію, боротьбисты или „Коммунистическая украинская партія“, по идеологіи своей неподдѣльно украинская; его признаютъ, какъ увидимъ ниже, и другія группы украинскихъ націоналистовъ.

Но кромѣ того, есть и иные претенденты на власть. Еще недавно (14 Августа) членъ Директоріи Макаренко, проживающій въ эмиграціи, торжественно объявилъ въ вѣнской „Боротьбѣ“, что „верховной властью въ державѣ является Трудовой Конгрессъ, который только и можетъ договариваться

съ иностранными государствами, при чемъ каждое его рѣшеніе дѣйствительно лишь тогда, когда оно одобрено всѣми членами Директоріи; поэтому всѣ дѣйствія Петлюры, въ частности союзъ его съ Польшей, „не имѣютъ юридическаго значенія".

Съ своей стороны, предсѣдатель Трудоваго Конгресса, Семенъ Витыкъ, находящійся не то въ Вѣнѣ, не то въ Прагѣ, не дожидаясь „одобренія всѣхъ членовъ Директоріи", разсылаетъ ноты Ллойдъ Джорджу, Мильерану, Джіолитти, международному пролетаріату, министру-президенту Чехіи и всѣмъ парламентамъ Европы, при чемъ въ этихъ документахъ протестуетъ противъ дѣйствій Петлюры и требуетъ признанія единственной законной Украинской власти, имъ, Семеномъ Витыкомъ, возглавляемой.

Особнякомъ стоитъ пребывающее въ Вѣнѣ правительство Петрушевича. Оно лишь отчасти является конкуррентомъ для всѣхъ выше перечисленныхъ, такъ какъ претендуетъ только на земли „Западно-украинскія", т. е. на Восточную Галицію. По характеру и духу своей дѣятельности, оно нѣсколько отличается отъ правительствъ „Приднѣпрянскихъ".

Таково состояніе „власти". Еще болѣе великъ разбродъ въ средѣ „общественности".

Настоящей столицей если не Украины, то украинцевъ является теперь, какъ и въ прежнія времена, Вѣна. Тамъ — отчасти также въ Прагѣ, въ гораздо меньшей степени во Львовѣ, — сосредоточиваются всѣ теченія украинской общественности.

Правый флангъ ея рѣзко враждебенъ не только Петлюрѣ и нынѣшнему его кабинету, но „Украинской Народной Республикѣ" вообще. Группы, объединившіяся одно время въ „національно-державный союзъ" (въ Вѣнѣ), все еще живутъ воспоминаніями о недавней порѣ гетманства.

Среди нихъ хлѣборобы-державники, издающіе газету „Укр. Хлібороб", стремятся къ реставраціи Скоропадскаго. Бывшій гетманъ проживаетъ въ Швейцаріи; по увѣреніямъ политическихъ враговъ, онъ время отъ времени совершаетъ подозрительныя экскурсіи въ Берлинъ. Недавно пражская „Воля Россіи" обвинила его даже въ конспиративныхъ сношеніяхъ... съ Бурбонами. Возможно, что все это плоды пылкаго воображенія, и что гетманъ мирно ловитъ форелей въ

альпійскихъ озерахъ, отдыхая отъ краткой своей политической дѣятельности. Однако, сторонники его, при всей своей немногочисленности, работаютъ, не покладая рукъ. Ими распространяются свѣдѣнія о томъ, что Скоропадскій сталъ наконецъ „свідомим українцем“ и освободился отъ руссофильскихъ тенденцій, доказательство чему — отказъ его отъ“ высокаго поста, предложеннаго ему Деникинымъ (!)“; кромѣ того, бывшій гетманъ, наученный горькимъ опытомъ, стоитъ теперь за земельную реформу . . .

„Хлѣборобы-демократы,“ отколовшіеся еще въ 1918 г., составляютъ и теперь особую группу. Особнякомъ стоятъ „самостійники“. Послѣдніе, въ отличіе отъ хлѣборобовъ, традиціонно связанныхъ съ Германіей, стремятся завоевать симпатіи въ союзныхъ сферахъ. У нихъ свой кандидатъ въ гетманы — Андріевскій.

Несмотря на производимый ими довольно значительный шумъ, правые украинскіе круги представляютъ собой лишь маленькую кучку эмигрантовъ; притомъ съ украинскимъ движеніемъ они ни идеологически, ни исторически абсолютно не связаны.

Надо помнить, что до 1918 года украинское *политическое* движеніе въ Россіи было насквозь революціоннымъ и соціалистическимъ. Правый флангъ сформировался на скорую руку уже во времена германской оккупаціи. „Хліборобами“ стали землевладѣльцы, искавшіе въ германцахъ и Скоропадскомъ защиты отъ анархіи. Но всякая организація, хотя бы случайно возникшая, порождаетъ свой политическій штабъ, который продолжаетъ существовать, когда смыслъ организаціи давно уже исчезъ. Такой пережитокъ иныхъ временъ и являютъ собой вѣнскіе хлѣборобы. Впрочемъ, въ основѣ ихъ существованія могутъ лежать и нѣкоторыя практическія соображенія. Ища въ превратностяхъ международныхъ отношеній такой комбинаціи, которая бы позволила опять произвести при помощи чужеземной силы земельную реставрацію, они правильно полагаютъ, что на это скорѣе можетъ разсчитывать богатый хлѣбородный югъ, чѣмъ вся необъятная и обнищавшая Россія. Отсюда — ихъ „украинство“.

Гораздо многочисленнѣе и несравненно вліятельнѣе (въ украинскихъ кругахъ) крайній лѣвый флангъ. Относящіяся къ нему группы также — подобно правымъ — отрицаютъ „Украин-

скую Народную Республику", но отрицаютъ ее во имя совѣтскаго строя.

Къ началу 1919 г., когда большевики, изгнавъ Директорію, овладѣли Малороссіей, среди украинцевъ оформился, ранѣе уже намѣчавшійся, глубокій расколъ. Среди послѣдователей обѣихъ основныхъ партій, создававшихъ „У Н. Р." — с.-д. и эсъ-эровъ — далеко не всѣ остались вѣрны Директоріи послѣ ея паденія. Значительная часть соціалъ-демократовъ, прочно ставши на совѣтскую платформу, образовала фракцію „незалежныхъ" и приняла на себя безотрадную роль „совѣтской оппозиціи". Постепенно ассимилируясь съ господами положенія, незалежные стали называть себя „украинскими коммунистами", что не избавляетъ ихъ и понынѣ отъ репутаціи „соціалъ-предателей", „григорьевцевъ", „бандитовъ" и „отсталыхъ петлюровскихъ интеллигентовъ".

Еще дальше пошелъ расколъ среди с.-р.; лѣвому крылу удалось захватить въ свои руки партійную фирму, и поэтому въ январѣ 1919 г., когда Трудовой Конгрессъ, состоявшій преимущественно изъ украинскихъ с.-р., бѣжалъ въ Винницу, оффиціальные представители партіи оставались въ Кіевѣ встрѣчать съ распростертыми объятіями совѣтскую власть.

Затѣмъ, послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ будировать, лѣвые украинскіе с.-р. — иначе „боротьбисты" — приняли названіе *„украинской коммунистической партіи"*, и въ качествѣ таковой стали вѣрнымъ спутникомъ *„коммунистической партіи Украины"*, т. е. большевиковъ. Обладая широко развѣтвленной организаціей, они мѣстами успѣшно конкуррируютъ съ большевиками; однако поведеніе ихъ вполнѣ лойяльно, и они допускаются не только въ „Цик", но даже въ „Совнарком;" такъ, въ составѣ „рабоче-крестьянскаго правительства", утвержденнаго въ Іюнѣ харьковскимъ съѣздомъ, имѣется 5 украинскихъ коммунистовъ; это называется „союзомъ пролетаріата съ крестьянствомъ", ибо боротьбисты, по казенной совѣтской идеологіи, ex officio воплощаютъ въ себѣ крестьянскія чаянія. Во всякомъ случаѣ, украинскіе с.-р. оказываютъ большевикамъ немалую помощь, переводя на „совѣтскую платформу" тѣ многочисленные крайніе злементы, которые гнѣздились въ нѣдрахъ украинскаго движенія.

Надо добавить, что коммунистическія группы обоихъ толковъ: с.-р. и с.-д. имѣются и въ средѣ украинской

эмиграціи; въ Вѣнѣ руководилъ ими Винниченко, съ отъѣздомъ послѣдняго — В. Левінскій. Они издаютъ газету „Нова Доба" и борются съ П Дятловымъ (переводчикъ Ленина и Бухарина на украинской языкъ), защищающимъ принципъ „единой красной Россіи".

За вычетомъ обоихъ фланговъ, остается основное ядро— „кодло" украинства — партіи и группы, работающія на пользу незалежной Украинской Народной Республики. Обычно ихъ огуломъ называютъ „петлюровцами", но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что едва ли не всѣ они отъ Петлюры открещиваются.

16 апрѣля, когда шли переговоры съ поляками, въ Каменецъ-Подольскѣ состоялась „конференція соціалистическихъ партій Приднѣпрянской Украины". Принимали участіе обѣ доминирующія въ украинскомъ движеніи партіи: с.-р. (конечно, „правые", а не боротьбисты), и с.-д., а кромѣ того бундовцы и поалей-ціонисты. Постановили, что условія соглашенія съ поляками „противорѣчатъ основнымъ пунктамъ программы соціалистическихъ партій" и что отвѣственности за это соглашеніе нельзя на себя брать. И дѣйствительно, въ теченіе всей новѣйшей фазы петлюровщины, украинскіе с.-р. находятся въ оппозиціи, причиняя тѣмъ немало затрудненій „Головному Отаману". Подобно эсъ-эрамъ россійскимъ, эта партія собираетъ въ свои ряды тѣхъ, кто съ своеобразнымъ „революціонно-демократическимъ" міросозерцаніемъ сочетаетъ „широту натуры," не умѣщающейся въ рамкахъ марксизма. Въ частности, украинскіе с.-р. черпали свою силу въ сельской полу-интеллигенціи, составляющей вообще опору сепаратистическихъ теченій, и потому были главными поставщиками украинскихъ дѣятелей во всѣхъ областяхъ жизни.

Состоявшаяся въ Іюнѣ партійная конференція подтвердила, что „Петлюра не имѣетъ права говорить отъ имени Украинской Республики", ибо онъ, „уничтоживъ власть своего довѣрителя — Трудового Конгресса и устранивъ другихъ членовъ Директоріи, провозгласилъ созывъ парламента и допустилъ къ власти буржуазію."

Прошло еще нѣкоторое время, военныя затѣи Пилсудскаго провалились, и тогда украинскіе с.-р. стали изгонять

изъ партіи за „службу Петлюрѣ", причемъ изгнали такихъ видныхъ сочленовъ, какъ Ковалевскій и Микола Зализнякъ.

Гороздо сложнѣе позиція с.-д.; украинскіе с.-д. вліяніе которыхъ уже, нежели эсъ-эровское, представляютъ собой, однако, главный штабъ украинства. Они первые выдвинули и долго лелѣяли идею украинской независимости; они руководили строительствомъ „Украинской Народной Республики".

Во время заключенія договора съ Пилсудскимъ, петлюровскій кабинетъ возглавлялся соціалъ-демократомъ И. Мазепой. С.-д. „монополизировали правительство У. Н. Р." („Гром. Думка"), они „были единственными защитниками петлюровскихъ варшавскихъ сдѣлокъ, и старались доказать ихъ демократичность" („Прикарп. Русь"). — Но въ то же время с.-д. участвуютъ въ каменецкой „соціалистической конференціи", и вмѣстѣ съ другими отказываются брать на себя отвѣтственность за союзъ съ Польшей.

Въ концѣ Мая произошла смѣна правительства, несомнѣнно подъ вліяніемъ поляковъ, ибо послѣдніе, испугавшись хаоса, царившаго въ оккупированныхъ уѣздахъ Кіевской губерніи, требовали поправѣнія и твердой власти.

Послѣ долгихъ переговоровъ, с.-д. входятъ въ новый кабинетъ (Прокоповича) въ составѣ 4-хъ человѣкъ: Мазепа, Левицкій, Тимошенко и Безпалко; но при этомъ офиціозъ партіи „Впередъ" (Львовъ) извиняющимся тономъ сообщаетъ, что Мазепа „принялъ портфель въ видѣ компромисса", и что „только правое крыло партіи поддерживаетъ правительство".

По мѣрѣ того, какъ военное счастье отворачивалось отъ Петлюры, все прохладнѣе становились и с.-д. 21 Іюня Мазепа и министръ труда Безпалко подали прошенія объ отставкѣ.

С.-д. разрываютъ не только съ даннымъ кабинетомъ, но съ Петлюрой и его арміей. 23 Сентября „Впередъ" писалъ, по случаю перехода петлюровцевъ, вслѣдъ за отступавшими красными войсками, изъ Галиціи въ Подолію:

„Апрѣльскій договоръ (съ поляками), а въ особенности послѣдствія договора, разъ на всегда уничтожили популярность Петлюры, и значеніе всего его дѣла... Люди, которые еще остались подъ его знаменами, которые идутъ очищать украинскую территорію, теряютъ названіе національной силы.... Нужно только удивляться, какія побужденія руководятъ ими, на чемъ они основываются, вѣря въ осуществленіе своихъ

цѣлей? — Имя Петлюры дискредитировано среди народной массы по всему Правобережью".

Но и с.-д., какъ с.-р., выдѣлили людей, предпочитающихъ идти не съ партіей, а съ Петлюрой. Андр. Левицкій, министръ юстиціи и посолъ въ Варшавѣ, 13 сентября подалъ въ отставку. Но въ концѣ октября мы видимъ его въ Каменцѣ, во главѣ кабинета.

Такъ, за Петлюрой нѣтъ ни одной политической партіи или группы! Есть отдѣльные люди изъ разныхъ партій, связавшіе свою участь съ его измѣнчивой судьбой.[1])

* * *

Въ украинскихъ дѣлахъ вопросы внѣшней политики издавна имѣли преобладающее значеніе. Установленіе „независимой Украины" всегда мыслилось сепаратистами, какъ результатъ вмѣшательства чужеземной силы. Много было сказано въ свое время объ исторической связи между украинскимъ движеніемъ и правительствами Австріи и Германіи, въ рукахъ которыхъ „украинцы" являлись однимъ изъ козырей въ подготовляемой войнѣ противъ Россіи. Но только теперь, когда на обломкахъ развалившагося зданія самостійной государственности неудачливые строители осыпаютъ другъ друга упреками, видно изъ ихъ взаимныхъ обличеній, какъ глубока была эта зависимость (см. напр., полемику между с.-д. и галиційской партіей нар.-дем. на столбцахъ газетъ „Впередъ" и „Гром. Думка").

Появившись на свѣтъ и выросши въ такихъ условіяхъ, украинскіе сепаратисты не могутъ существовать безъ какой-либо „оріентаціи".

Преобладаніе внѣшней политики проявляется даже во внѣшней структурѣ органовъ У. Н. Р.. Не имѣя ни территоріи, ни административнаго аппарата, украинцы располагаютъ обширнымъ представительствомъ. Помимо обязательной для всѣхъ „угнетенныхъ народностей" делегаціи въ Парижѣ, они имѣютъ „пословъ" въ Лондонѣ, Берлинѣ, Букарестѣ, Гельсингфорсѣ, даже въ Брюсселѣ и Гаагѣ и т. д., и т. д. Украин-

[1]) Исключеніе составляетъ, можетъ быть, маленькая и безцвѣтная группа, сохранившая до сихъ поръ, неизвѣстно почему, назвавшіе соц.-федералистовъ Но о нихъ за послѣднее время совсѣмъ ничего не слышно.

скій представитель — необходимая фигура во всякой министерской передней нашего времени.

Исторія послѣднихъ трехъ лѣтъ показала совершенную безпомощность украинцевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда за ихъ спиной нѣтъ чужой силы.

Украинское „самостійное" правительство держалось въ южной Россіи до тѣхъ поръ, пока длилась германская оккупація. Съ окончаніемъ ея въ Январѣ 1919 г., отъ украинской государственности остается лишь нѣсколько отрядовъ „петлюровцевъ", скитающихся по Подоліи и Волыни. Въ Маѣ они терпятъ рѣшительное пораженіе отъ большевиковъ и спасаются лишь благодаря начавшемуся наступленію Добрарміи. Въ сентябрѣ — октябрѣ ихъ разсѣиваютъ добровольцы, но разложеніе послѣднихъ еще разъ отсрачиваетъ моментъ окончательной гибели. Наконецъ, въ началѣ 1920 г., красныя войска загоняютъ петлюровцевъ въ Галицію, подъ защиту польскихъ штыковъ. Украинцы перестаютъ существовать, какъ самостоятельная сила.

Все же они держались цѣлый годъ, и въ этомъ многіе склонны видѣть слѣдствіе симпатій населенія къ сепаратистамъ. Но не надо забывать, что прямые бандиты — всякіе Махно и Ангелы — проявили еще большую жизнеспособность. При совершенномъ распаденіи прежней государственности, при раздвоеніи и взаимномъ уничтоженіи русской власти, когда самыя мелкія народности прежней Имперіи неожиданно для самихъ себя основали государства, украинскіе сепаратисты ничего не создали, кромѣ кочующей банды.

Только сознаніе своего полнѣйшаго безсилія, отсутствіе всякихъ надеждъ на будущее, могло привести украинцевъ къ совершенно противоестественной польской оріентаціи.

Мы видѣли уже, что апрѣльскій договоръ между „У. Н. Р." и Рѣчью Посполитой проведенъ былъ небольшой группой лицъ, окружавшихъ Головного Отамана, при протестахъ всѣхъ партій.

Съ польской стороны новый союзъ также не вызывалъ особаго удовольствія, и главный его сторонникъ — Пилсудскій, говорилъ только объ „экспериментѣ".

Экспериментъ оказался очень яркимъ. Побывавъ на Украинѣ, поляки, подобно нѣмцамъ, „не нашли украинцевъ".

Уже въ первыхъ числахъ Іюня (т. е. до сдачи Кіева) депутатъ Домбскій говорилъ въ комиссіи сейма:

„Почему украинцы не спѣшатъ на борьбу съ большевиками? Почему не создаютъ они арміи, не облагаютъ себя налогами съ этой цѣлью? Почему?—Отвѣтъ ясенъ: мы знаемъ, что созданная нами Украина тотчасъ оказалась бы враждебна Петлюрѣ, если бъ онъ попытался произвести наборъ или потребовать отъ населенія какихъ либо жертвъ. Набранныя до сихъ поръ войска — это сбродъ безъ всякой идеи, всегда готовый повернуть противъ насъ. Неужели долго будемъ мы своей кровью и своми деньгами поддерживать это украинское твореніе?“

Тотчасъ послѣ паденія Кіева польское министерство иностранныхъ дѣлъ разослало свой, надѣлавшій шуму, циркуляръ о „ликвидаціи Украины“. Благодаря личному вмѣшательству Пилсудскаго циркуляръ былъ отмѣненъ, но ясно стало, что „экспериментъ“ оконченъ.

Такъ „польская оріентація“ окончилась крахомъ. Между тѣмъ дорого обошлась она украинцамъ. Между галичанами и петлюровцами, „предавшими“ Галицію, образовалась непроходимая пропасть. На глазахъ у петлюровцевъ, поляки вели упорную борьбу съ украинскимъ движеніемъ въ Галиціи, Холмщинѣ, отошедшей къ нимъ части Волыни, — производя политическіе аресты въ самыхъ мѣстахъ расположенія петлюровскихъ войскъ.

Когда-же начались мирные переговоры, поляки постарались быстро избавиться отъ своихъ союзниковъ. Первоначально, въ Минскѣ, переговоры шли только между совѣтской Россіей и Польшей; большевики первые поставили украинскій вопросъ, потребовавъ допущенія на конференцію представителей Совѣтской Украины. Чичеринъ, въ особомъ радіо, оповѣстилъ міръ о томъ, что Совѣтская Украина — самостоятельное и независимое государство. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, поляки стали на эту точку зрѣнія.

Въ сущности, тѣмъ самымъ съ вопросомъ о Петлюрѣ было покончено. Однако, произведенъ былъ еще послѣдній отчаянный нажимъ на польское правительство съ цѣлью добиться допущенія на рижскую конференцію.

Украинскій министръ иностранныхъ дѣлъ Никовскій нѣсколько дней обивалъ пороги у князя Сапѣги. Послѣ долгихъ отказовъ, онъ получилъ отъ своего союзнаго коллеги аудіенцію, въ результатѣ которой князь Сапѣга потребовалъ

допущенія на конференцію представителя Украины А. Левицкаго. Отвѣтъ получился такой:

„Варшава, Сапѣгѣ, Министру иностранныхъ дѣль. 12 сентября. Въ отвѣтъ на вашу радіотелеграмму относительно какого-то Андрея Левицкаго довожу до вашего свѣдѣнія, что такъ называемая демократическая украинская республика вовсе не существуетъ, такъ какъ Украина является независимой совѣтской республикой, союзной съ Россіей, и участвуетъ вмѣстѣ съ нею въ переговорахъ минскихъ и рижскихъ. . . . Между Россіей и Украиной существуетъ уже союзный договоръ, и никакой иной новый договоръ болѣе не нуженъ.

Что касается упомянутаго Андрея Левицкаго, то если польское правительство желаетъ, чтобы этотъ мятежникъ получилъ амнистію отъ совѣтскаго правительства Украины, соотвѣтсвенный вопросъ долженъ быть поставленъ во время переговоровъ въ Ригѣ. Нар. Ком. ин. дѣлъ Чичеринъ".

Поляки не возражали, да и что они могли возразить послѣ того, какъ правительство Раковскаго было ими признано.

Совершенный провалъ петлюровской авантюры сталъ очевиденъ, и началось повальное бѣгство съ тонущаго корабля.

Одинъ за другимъ вышли въ отставку. Поршъ — посолъ въ Берлинѣ; Марголинъ, посолъ въ Лондонѣ; Маціевичъ, посолъ въ Букарестѣ.

Большое значеніе имѣло другое событіе: галиційскія войска — лучшія изъ украинскихъ частей, тѣ, что прошлой осенью по ситковскому договору перешли на сторону добровольческой арміи, въ январѣ — отъ добровольцевъ къ большевикамъ, а въ Маѣ отъ большевиковъ къ полякамъ, завершили наконецъ свои странствія. Отдѣлившись отъ украинской арміи Павленки, въ составѣ которой онъ находился — какъ и годъ назадъ — командиръ галичанъ ген. Кревсъ силой пробилъ себѣ путь черезъ польскую территорію, у Мармароша перешелъ чешскую границу, и въ Чехіи интернировался.

* * *

Съ проваломъ польской оріентаціи не только передъ Петлюрой и собравшейся вокругъ него кучкой людей, но передъ всѣми украинскими сепаратистами сталъ вопросъ о

дальнѣйщемъ направленіи дѣятельности. Прервать активныя дѣйствія теперь, когда вся восточная Европа въ расплавленномъ состояніи, когда огнемъ и желѣзомъ выковываются новыя границы, новыя формы взаимоотношеній между народами — не значитъ ли это навѣки похоронить мечты о самостійности? Не ждать же, въ самомъ дѣлѣ, пока установится порядокъ въ Россіи.

Но чтобы бороться, украинцамъ нужно найти новаго патрона, т. е. установить новую „оріентацію“. При этомъ въ выборѣ оріентаціи они крайне ограничены. Такіе союзники какъ Франція или Англія для украинцевъ безполезны — имъ нуженъ покровитель, который-бы своими руками создалъ украинскую державу, а кстати и украинскую націю. Не пойдетъ же, въ самомъ дѣлѣ, Томми биться за незалежную Украйну.

Съ отпаденіемъ Австріи, Германіи и Польши возможна была бы еще, пожалуй, румынская оріентація. Румыны, дѣйствительно, питаютъ неподдѣльныя симпатіи къ украинцамъ,— какъ и ко всякой анти-русской силѣ. Но повторить экспериментъ Пилсудскаго они не рѣшаются.

Остается лишь оріентація. . . *русская*. Брошенные иностранными друзьями, сами по себѣ, безпомощные, украинцы вынуждены искать опоры въ тѣхъ силахъ, которыя борятся нынѣ между собой внутри Россіи.

Совѣтская и анти-совѣтская Россія — между этими двумя полюсами обречены разсосаться утратившіе внутреннюю спайку и устойчивость украинцы, поскольку они не желаютъ быть просто „выброшенными изъ игры“.

Процессъ разсасыванія начался еще полтора года назадъ, съ переходомъ лѣваго крыла къ большевикамъ. Въ Маѣ этого года, съ возникновеніемъ въ Парижѣ „Національнаго Украинскаго Комитета“ (Маркотунъ, Цитовичъ и пр.), намѣтилась на правомъ флангѣ точка соприкосновенія съ антибольшевистской Россіея. Съ проваломъ польскаго эксперимента, Головной Отаманъ сталъ дѣлать попытки сближенія въ обоихъ направленіяхъ—и съ Москвой, и съ Крымомъ.

Слѣва попытки эти были быстро пресѣчены. Послѣ вышеприведенной телеграммы Чичерина о „мятежникахъ“, которымъ нужно испрашивать амнистію, ясно стало, что ни о какихъ уступкахъ со стороны большевиковъ и думать нечего.

Болѣе сложна исторія переговоровъ между Петлюрой и ген. Врангелемъ, но исторія эта темна до чрезвычайности, въ виду того, что видную роль въ ней играли какіе то самозванные посредники.

Толкнувшись налѣво и направо, правительство „У. Н. Р." застыло въ прежней печальной позиціи.

Предоставленное самому себѣ, оно неминуемо должно вь ближайшее время, за отсутствіемъ надлежащаго государства, ликвидироваться, т. е., совершенно оторвавшись отъ опредѣленной территоріи, превратиться уже въ форменную банду, или же, смирившись, перенести центръ своей дѣятельности въ Вѣну, по сосѣдству къ Макаренкѣ, Витыку и Петрушевичу[1]).

Для будущихъ судебъ украинства гораздо существеннѣе, какую оріентацію приметъ нынѣ украинская „общественность".

Украинское сепаратистское движеніе создано тѣми теченіями, которыя называютъ себя въ Россіи общимъ именемъ „революціонной демократіи", но имѣютъ и гораздо болѣе яркую кличку „полуленинцевъ". Не національно-политическіе, а соціально-большевистскіе лозунги составляли силу украинской (какъ и россійской) революціонной демократіи и въ поріодъ ея расцвѣта.

„Украинская государственность по своему соціальному составу, по своему революціонному характеру — это прежде всего стремленіе народныхъ рабоче-крестьянскихъ массъ, надѣявшихся въ національномъ освобожденіи, въ созданіи украинской державности закрѣпить также свое соціально-классовое освобожденіе. „Соціальный моментъ... сталъ... главной пружиной революціонныхъ усилій всего украинскаго демоса". (Впередъ 16.VI.920).

Иными словами: національно-политическіе лозунги составляли въ сознаніи массъ придатокъ къ соціальнымъ посуламъ. А такъ какъ въ области демагогіи большевики внѣ конкурренціи, то сепаратисты передъ ними—робки и безсильны.

Общность идеологіи (проповѣдь классовой борьбы) закрѣпляетъ неизбѣжную моральную зависимость украинскихъ полуленинцевъ отъ ленинцевъ настоящихъ.

---

[1]) Къ 28 Октябрю на украинскомъ фронтѣ установилось перемиріе, и можно было думать, что принято второе рѣшеніе; послѣднія сообщенія (начало ноября) о наступленіи куда-то къ востоку отъ Жмеринки, указываютъ какъ будто бы на противоположный исходъ.

Даже во время занятія поляками Кіева, энергично воюя съ большевиками, украинскіе соціалъ-демократы опасались, какъ бы пораженія не принесли послѣднимъ слишкомъ много вреда, и не послужили на пользу реакціи. Съ Іюля мѣсяца они упорно призываютъ Петлюру примириться съ Раковскимъ и прекратить братоубійственную войну; вопреки всякой очевидности и всѣмъ фактамъ, они до послѣдняго момента утверждаютъ, что примиреніе возможно, что большевики пойдутъ на него. Еще ближе къ большевикамъ украинскіе с.-р., которые на іюньской конференціи съ гордостью установили, что „съ соціалистической точки зрѣнія Украина — порогъ, черезъ который революція еще не переступила, но едва переступитъ, какъ быстро пойдетъ по Европѣ".

„Революціонно-демократическая" природа непреодолимо толкаетъ украинцевъ въ большестскія объятія. Тяготѣніе это такъ сильно, что преодолѣваетъ даже отвращеніе ко всему, связанному съ „москалями."

Практическимъ шагомъ къ примиренію была поѣздка Винниченки въ Совѣтскую Россію. О результатахъ поѣздки украинцы, набивая себѣ цѣну, сообщали всякія небылицы. Винниченко заключилъ договоръ съ Раковскимъ о независимости Украины, Винниченко замѣститель Раковскаго, Винниченко президентъ Совѣтской Украины и пр. и пр.

Для всякаго, кто сколько нибудь знакомъ съ сущностью совѣтскаго строя, ясно, какъ нелѣпы эти толки о соглашеніи и объ уступкахъ, сдѣланныхъ большевиками. При желѣзной диктатурѣ нѣсколькихъ лицъ, составляющей основу большевизма, внѣшнія государственныя формы являются пустой и неинтересной формальностью. Московскіе властители могутъ признать за Украиной любые титулы самостійности и незалежности, могутъ дать Винниченкѣ любое званіе — но власти они изъ своихъ рукъ выпустить не могуть, такъ какъ это означало бы распадъ всего механизма; они не могутъ также особенно энергично украинизировать край, какъ требуютъ того сепаратисты, ибо единственная прочная опора ихъ все же не „боротьбисты" и „незалежные", а настоящіе коммунисты (коммунистическая партія Украины), которымъ идея украинская совершенно чужда.

Идиллическую сущность взаимоотношеній Совѣтской Россіи и Украины великолѣпно обрисовалъ въ Ригѣ Мануильскій:

— Отчего, — спросили его — нѣтъ украинскаго посла въ Москвѣ?

— Буржуазный предразсудокъ. Мы въ такой дружбѣ, что намъ никакіе послы не нужны. Вмѣсто дипломатическихъ отношеній между будущими коммунистическими державами будетъ царить солидарность.

Винниченкѣ эта идиллія не подошла. По послѣднимъ свѣдѣніямъ онъ предпочелъ вернуться въ эмиграцію. Тѣмъ самымъ можетъ быть задержанъ — но врядъ ли устраненъ — постепенный переходъ главныхъ украинскихъ партій на „совѣтскую платформу", куда влечетъ ихъ примѣръ „боротьбистовъ" и „незалежныхъ".

* * *

Такой конецъ украинскаго сепаратизма не долженъ огорчать русское общественое мнѣніе. Большевики все, что могли извлечь изъ украинскаго движенія, извлекли еще раньше, при помощи прежде перешедшихъ къ нимъ партій. Дальнѣйшее примыканіе обезсилѣвшихъ въ эмиграціи, потерявшихъ вѣру въ свое дѣло кружковъ, не придаетъ солнцу III Интернаціонала новаго сіянія и блеска. Но растворившись въ большевизмѣ, связавъ съ нимъ свою судьбу, украинскій сепаратизмъ превратится изъ хронической болѣзни въ острую; сепаратисты исчезнутъ вмѣстѣ съ большевиками, и Россія избавится отъ своего злѣйшаго и упорнѣйшаго врага.

Юр. Рапопортъ.

Изъ письма русскаго бѣженца.

---

15 Октября 1920 г.
Константинополь.

. . . . . .

. . . . . Я даже и не бѣдствую; точнѣе: у меня нѣтъ чувства своей бѣдственности. Я живу, какъ живутъ теперь многіе русскіе — Божіимъ промысломъ. Въ крайнюю минуту что то случается, само приходитъ — и становится возможно дальше жить. На прошлой недѣлѣ пришелъ полузнакомый инженеръ, который живетъ у насъ въ домѣ, и позвалъ меня считать уголь при грузкѣ. Я работалъ пять дней; на разсвѣтѣ и въ сумеркахъ плавалъ на лодкѣ по Золотому Рогу, считалъ корзины, ставилъ на бумажкѣ палочки, бесѣдовалъ съ русскими Божьими дѣтьми (адмиралъ, агрономъ, виленскій помѣщикъ, земецъ изъ Орла), которые вмѣстѣ со мной считали уголь — и мнѣ было хорошо. Со вчерашняго дня въ работѣ перерывъ, но есть надежда, что мы будемъ грузить еще одинъ корабль. А если того не случится, то придетъ что-нибудь другое, пока нужно, чтобы мы — чудомъ живущіе русскіе люди — продолжали жить.

На такихъ русскихъ — и не только иноземцами, а и самими иностранствующими русскими — установлено глядѣть, какъ на мусоръ, человѣческую пыль, неспособную приспособиться и „сорганизоваться“. Но я такъ полагаю, что если Господь промышляетъ о такихъ, то такіе нужны. И даже такъ, что потому нужны такіе — здѣсь на землѣ, — что въ нихъ въ полнотѣ выразилась и сохраняется Россія.

Попробовалъ бы европейскій человѣкъ побыть въ шкурѣ русскихъ Божьихъ дѣтей, — что бы отъ него осталось! А у русскихъ все осталось, что было въ нихъ русскаго. Лишь только на погрузкѣ мы усѣлись за обѣдъ, какъ адмиралъ съ агрономомъ заспорили „о существованіи Бога“, виленскій по-

мѣщикъ (русскій) обнаружился западникомъ, а земецъ — тяготѣющимъ къ славянофильству. И все это въ рамкѣ вѣчности. Если бы англійскій корабельный капитанъ, что проходя съ презрѣніемъ оглядѣлъ этихъ оборванныхъ русскихъ смѣющихъ быть оживленными, понималъ по русски, то онъ запрезиралъ бы ихъ еще болѣе, чѣмъ презиралъ.

. . . . . .

. . . . . .

Что еще . . . Зовутъ меня въ Парижъ . . . . . Ничего изъ того не будетъ, конечно. Не уѣхать мнѣ въ Парижъ и странно мнѣ подумать о томъ, что я въ Парижѣ. Я хочу только въ Россію. Въ нашу, конечно, въ святую, — а не въ комиссарскую. Это смѣшно, но мнѣ здѣсь одно и обидно и страшно: быть погребеннымъ въ иноземной, не въ русской землѣ. И больше обидно, чѣмъ страшо. Въ родѣ того, что я считаю, что заслужилъ русскую землю и буду обиженъ несправедливостью, если здѣсь умру.

Я написалъ въ Парижъ письмо . . . . . Если бы это вышло, то я переѣхалъ бы изъ здѣшняго города въ Сербію или въ ту же Болгарію; туда, гдѣ жить дешевле и гдѣ есть русскія книги. Здѣсь нѣтъ не то что русскихъ, а никакихъ нѣтъ книгъ.

Здѣшній городъ турецкій (Вы, кажется, бывали здѣсь?) занятенъ до крайности; европейскій же въ такой же степени ничтоженъ. До того, что и нѣтъ никакого города, а есть только рестораны и „свидальные дома", какъ называетъ такіе одна русская бѣженка, дѣвочка лѣтъ десяти.

16-е.

Русскихъ, которыхъ Вы можете знать, зѣсь очень мало. Ходить В. М.; существуетъ С. (изъ N-скаго театра); актеръ В; дѣйствуетъ З., которую я любло за ясный взглядъ, улыбку и милую манеру говорить, но вижу рѣдко. Весьма примѣчательный здѣсь человѣкъ — Архіепископъ А.: башковатый, живописный, проницательный, съ умомъ русскимъ „ярославскимъ", догадливымъ, съ несравненною русскою рѣчью. Когда сидишь у него въ большой пустой комнатѣ съ кивотомъ и аналоемъ, съ круглымъ диванчикомъ и желѣзной кроватью

за печкой, занавѣшенной байковымъ одѣяломъ, то чувствуешь себя въ Россіи, хотя и нѣтъ ничего русскаго въ этой комнатѣ, а въ окна видны одни минареты. Но столь русскій хозяинъ дѣлаетъ все русскимъ: каждую мысль, каждое слово, всѣ вещи вокругъ. . . . Кажется, что ничего не узналъ новаго, а уходишь обогащенный.

Вотъ чего не хотѣли знать „кадеты“ (и еще кое чего, съ тѣмъ соединеннаго): исторической церькви. А изъ нея въ Россіи все: и художество, и исторія, и философская мысль, и изъ нея же должна была быть русская политическая мысль. Только здѣсь, въ Константинополѣ, можно понять, что такое православіе русское, то есть, что создано изъ греческой идеи рускимъ творчествомъ. . . . . Несравненный „тихій свѣтъ“, созданный русскою церковью и опредѣлившій все русское творчество, свѣтитъ здѣсь только въ куполѣ Софіи. Вотъ почему Софія наша, у кого бы она ни была. Турки ее застроили балкончиками, занавѣсили зелеными щитами, похожими на вывѣски, но мечети изъ нея такъ и не сдѣлали. Когда входишь, сразу чувствуешь, что вошелъ въ православный русскій храмъ. Не знаю, что сказалъ бы на это А., но знаю, что это правда. . . . . .

. . . . . .

Ну, я отвелъ душу, а Вамъ посылаю длинное чтеніе на досугѣ.

. . . . . .

До свиданія, дорогой N. N.

Сердечно Вашъ X.

ОБЗОРЫ.

I. Международная жизнь.

Человѣчество какъ будто, дѣйствительно, вступаетъ въ новую эпоху мирнаго сожительства народовъ. То въ той, то въ другой столицѣ послы и посланники недавно еще враждовавшихъ государствъ вручаютъ свои вѣрительныя грамоты и произносятъ приличныя случаю, условно-любезныя рѣчи. Налаживается, хотя и замедленное, движеніе нѣкоторыхъ международныхъ поѣздовъ прямого сообщенія. Создается подобіе международныхъ почтовыхъ и телеграфныхъ сношеній. Для представителей всѣхъ національностей, за исключеніемъ, конечно, русской, облегчается полученіе визъ; спеціальная комиссія обсуждаетъ вопросъ объ унификаціи и упрощеніи паспортной системы вообще. Въ началѣ Октября въ Брюсселѣ, подъ протекторатомъ Лиги Націй, состоялась даже всемірная финансовая конференція, на которую съѣхались и побѣдители, и побѣжденные, и нейтральные, чтобы вмѣстѣ поговорить о своихъ финансовыхъ и экономическихъ бѣдствіяхъ.

Формально, новая международная жизнь строится на основѣ мирныхъ договоровъ, подписанныхъ въ пригородахъ Парижа въ 1919—20 г. г. „Главныя союзныя и ассоціированныя державы", повидимому, твердо правятъ міромъ чрезъ безчисленныя комиссіи — контрольныя, плебисцитарныя, военныя, морскія, воздухоплавательныя, репарационныя, продовольственныя. Германскій флотъ подѣленъ, и предстоитъ большая выдача германскихъ коровъ. Состоялось нѣсколько плебисцитовъ, доставившихъ извѣстное удовлетвореніе принципу „самоопредѣленія народовъ". Внѣ непосредственной связи съ этимъ принципомъ Грецiя распространилась до Чаталджи, и Сербія, не ожидая установленія международной комиссіей новой сербо-болгарской границы, заняла присужденную ей территорію въ западной Болгаріи. Италія и Сербія договорились, наконецъ, о размежеваніи спорныхъ областей. На первый взглядъ кажется, что, вопреки всѣмъ скеп-

тическимъ предсказаніямъ, система парижскихъ договоровъ неуклонно проводится въ жизнь, и побѣжденнымъ приходится разстаться со своими „ревизіонистскими“ мечтами.

Дѣло рисуется совсѣмъ въ иномъ видѣ, если ближе присмотрѣться къ существующимъ, международнымъ отношеніямъ. „Настоящій миръ можетъ создаться только въ результатѣ длительной и непрерывной дѣятельности“, сказалъ въ свое время президентъ Пуанкаре. Несомнѣнно, для осуществленія парижскихъ договоровъ длительное и самое тѣсное сотрудничество державъ „согласія“ совершенно необходимо. Между тѣмъ, этого сотрудничества уже больше налицо нѣтъ. Америка отпала вовсе съ того момента, какъ президентъ Вильсонъ оказался не въ состояніи провести Версальскій трактатъ черезъ конгрессъ. Японія держится на периферіи. Италія и внутреннимъ своимъ состояніемъ, и видами на будущія международныя комбинаціи вынуждается къ крайней осторожности. Остаются Англія и Франція. Отъ нихъ, прежде всего, и требовалось бы сейчасъ „длительное и непрерывное“ взаимодѣйствіе, но справедливость заставляетъ признать, что англо-французское сотрудничество по-немногу уступило мѣсто растущему съ каждымъ днемъ расхожденію въ пониманіи задачъ и пріемовъ „политики мира“.

Между Лондономъ и Парижемъ возникло серьезное разногласіе по вопросу о способахъ установленія суммы и порядка уплаты причитающейся съ Германіи контрибуціи. Англія, основываясь на рѣшеніяхъ, принятыхъ въ Спа, предлагала, чтобы это было сдѣлано на новой конференціи въ Женевѣ, при участіи германскихъ делегатовъ. Франція отстаивала прерогативы репарационной комиссіи, учрежденной Версальскимъ договоромъ. Послѣ длительнаго обмѣна мнѣній компромиссъ былъ найденъ, въ принятіи слѣдующей сложной процедуры. Сначала въ Брюсселѣ съ участіемъ нѣмцевъ состоится конференція экспертовъ, которые со стороны союзниковъ будутъ назначены репарационной комиссіей. Затѣмъ въ Женевѣ будетъ созвана конференція представителей заинтересованныхъ правительствъ, въ которой опять таки примутъ участіе съ правомъ совѣщательнаго голоса представители Германіи. По желанію Англіи, эта конференція будетъ засѣдать послѣ производства плебисцита въ Верхней Силезіи, во всякомъ случаѣ, — по желанію Франціи — не позднѣе первой половины Февраля. Затѣмъ репарационная комиссія установитъ сумму контрибуціи и порядокъ ея выплаты и дастъ свое заключеніе относительно платежеспособности Германіи. Наконецъ послѣднее слово скажетъ Верховный Совѣтъ. Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ „единомысліе“

между Англіей и Франціей на время какъ будто возстановлено. Но основное расхожденіе все же не устранено, потому что оно идетъ глубже этихъ „процессуальныхъ“ вопросовъ и затрагиваетъ самое существо Версальскаго мира.

По существу, дѣло заключается въ томъ, что для „интегральнаго“ примѣненія этого мира необходимо„ постоянное и непрерывное“ давленіе со стороны союзниковъ на обезсиленнаго врага, и „дѣятельность“, которую предвидѣлъ президентъ Пуанкарэ, должна состоять по преимуществу въ угрозахъ, репрессаліяхъ, оккупаціяхъ. Франція, считая, что Германія систематически избѣгаетъ исполненія подписанныхъ ею обязательствъ, склоняется въ пользу „твердой политики“ которая однажды уже удалась ей. Англія, напротивъ, готова на такое смягченное толкованіе условій миръ, которое фактически приближается иногда къ частичному ихъ пересмотру. Въ двадцатыхъ числахъ октября англійское правительство къ большому неудовольствію Франціи увѣдомило Германію, что оно не намѣрено пользоваться предоставленнымъ ему по договору правомъ экономическихъ репрессалій, въ случаѣ неисправности Германіи по части „репараціи“. Причины этой относительнои мягкости Англіи, конечно, очень сложны. Но можно думать, что правительство Ллойдъ-Джоржа побуждается къ ней не столько мотивами сантиментальнаго „германофильства,“ сколько чисто эгоистическимъ расчетомъ. Повидимому, въ Англіи получаетъ рѣшительное преобладаніе мнѣніе, что въ интересахъ возможнаго исполненія мирныхъ договоровъ и общаго экономическаго возрожденія Европы необходимо помочь Германіи стать на ноги.

Вопросъ о принятіи Германіи, какъ и другихъ побѣжденныхъ государствъ, въ Лигу Націй не стоитъ такъ остро, но и въ этомъ отношеніи нѣтъ настоящаго единодушія между двумя главными державами „Согласія“. Пока на первомъ общемъ собраніи Лиги въ Женевѣ шла рѣчь о допущеніи въ Лигу Болгаріи, Австріи, Албаніи и Азербейджана, ходатайства которыхъ переданы въ комиссію. Аналогичное ходатайство Германіи или за Германію встрѣтило бы, вѣроятно, рѣшительныя возраженія Франціи и сочувственную поддержку Англіи. По крайней мѣрѣ, заявленіе, сдѣланное нѣсколько времени тому назадъ въ Совѣтѣ Лиги англійскимъ делегатомъ Бальфуромъ, дало поводъ къ очень нервнымъ комментаріямъ французской печати. Бальфуръ высказалъ пожеланіе, чтобы въ Лигу вступили державы, до сихъ поръ въ ней не представленныя. Эти слова были, правда, потомъ истолкованы такъ, будто англійскій делегатъ имѣлъ въ виду Соединенные Штаты. Но это толкованіе весьма искусственно, и, если

бы Бальфуръ категорически выступилъ въ пользу Германіи, онъ явился бы только вѣрнымъ выразителемъ очень сильнаго въ Англіи политическаго теченія. Бывшіе энтузіасты Лиги Націй изъ числа англійскихъ радикаловъ объясняютъ постигшую ее неудачу прежде всего тѣмъ, что, не объединяя всѣхъ народовъ, она является толко Лигой державъ-побѣдительницъ.

Что станется съ Лигой Націй, если въ ней дѣйствительно объединятся всѣ государства, гадать трудно. Но можно считать доказаннымъ, что въ своемъ теперешнемъ видѣ она является не болѣе, какъ дорого стоящей игрушкой. Лучше всего безсиліе ея было продемонстрировано виленскимъ инцидентомъ, въ которомъ маршалъ Пилсудскій дѣйствовалъ подъ маской генерала Желиховскаго. Литва — эти маленькія „державы“ особенно настойчиво тяготѣютъ къ Лигѣ — просила защиты отъ польскаго нашествія. Совѣтъ Лиги принялъ полско-литовскій споръ къ своему разсмотрѣнію, и при его участіи въ Сувалкахъ было налажено соглашеніе между сторонами. Но ни этотъ новый „клочекъ бумаги“, ни даже посланная на мѣсто Лигою контрольная комиссія не помѣшали налету на Вильну войскъ генерала Желиховскаго. Польскій генералъ захватилъ спорный городъ по всѣмъ правиламъ „самоопредѣленія народовъ“, оставилъ ряды польской арміи, образовалъ правительство „Центральной Литвы“, выпустилъ манифестъ къ населенію и послалъ въ Варшаву и въ Ковну приглашенія начать переговоры. Однако, когда операція была закончена, и Лига и великія державы оказались передъ совершившимся фактомъ польской оккупаціи, изъ подъ маски генерала Желиховскаго выглянуло торжествующее лицо маршала Пилсудскаго, и польское правительство въ отвѣтъ на представленія Англіи и Франціи выразило даже недоумѣніе, какъ могутъ эти державы думать о томъ, чтобы отнять Вильну у Польши. А что значитъ въ подобныхъ случаяхъ фактическая оккупація — это только что можно было увидѣть на примѣрѣ итальянскаго Желиховскаго — д'Аннунціо. По итало-сербскому договору въ Рапалло, „независимость“ Фіуме признана Юго-Славіей и „авантюра“ знаменитаго поэта, надъ которой столько смѣялись, принесла такимъ образомъ нужные Италіи результаты.

Банкротство Лиги Націй, какъ верховнаго установленія, властно контролирующаго международныя отношенія, естественно побуждаетъ европейскія державы искать гарантій своей безопасности и независимости въ старой системѣ „равновѣсія“ и союзовъ. Одновременно съ подписаніемъ Версальскаго мира, были заключены соглашенія между Франціей, Англіей и Соединенными Штатами объ оказаніи во-

енной помощи Франціи въ случаѣ нападенія на нее Германіи. Тогда, 28 Іюня прошлаго года, можно было считать, что эти соглашенія подписаны „пока что“, пока не окрѣпнетъ Лига. Но больше года спустя Франція и Бельгія заключили оборонительный военный союзъ, вопреки буквѣ ст. 19 устава Лиги, не сообщенный ея секретаріату для регистраціи и тѣмъ дали наглядный примѣръ живучести старыхъ методовъ международной политики. Попытка созданія такъ называемаго „малаго согласія“ служитъ другимъ, еще болѣе интереснымъ примѣромъ.

Идея „малаго согласія“ принадлежитъ, повидимому, Бенешу, министру иностранныхъ дѣлъ Чехо-Словакіи, молодого славянскаго государства, находящагося въ очень прекарныхъ экономическихъ и географическихъ условіяхъ. Первоначально „малое согласіе“, охватывая три государства съ населеніемъ въ 45 милліоновъ человѣкъ, покоилось на союзномъ договорѣ между Чехо-Словакіей и Юго-Славіей и на дружественномъ соглашеніи между Чехо-Словакіей и Румыніей. Эта международная группировка преслѣдовала длительныя цѣли экономической кооперації и общей защиты противъ возможныхъ угрозъ со стороны Венгріи. Война между Польшей и Совѣтской Россіей поставила „маламу согласію“ третью временную задачу. Участники его опасались быть такъ или иначе вовлеченными въ русско-польскій конфликтъ и договорились о взаимной поддержкѣ въ дѣлѣ сохраненія строгаго нейтралитета. Однако, съ теченіемъ времени, руководство „малымъ согласіемъ“ ускользнуло, кажется, отъ спокойнаго и разсудительнаго чехо-словацкаго министра и перешло къ румынскому министру иностранныхъ дѣлъ Таке-Іонеско. Этотъ необыкновенно словоохотливый дипломатъ раздвинулъ рамки новой группы державъ и расширилъ ея программу. Отъ расчитываетъ привлечъ къ „малому согласію“ Польшу и Грецію и въ рѣчи, произнесенной имъ 25 Октября въ Парижѣ въ засѣданіи Общества Лиги Націй, онъ высказался за „единство дипломатическаго дѣйствія“ державъ „малаго согласія“ и за тѣсное военное содружество ихъ армій на основѣ „извѣстнаго единообразія организацій и вооруженія“. Честолюбивыя начинанія Таке-Іонеско еще не обрисовались съ достаточною ясностью. Но самъ по себѣ этотъ планъ военно-политическаго объединенія Польши, Чехо-Словакіи, Румыніи, Юго-Славіи и Греціи не можетъ не быть признанъ фантастичнымъ. Съ русской точки зрѣнія, заслуживаетъ въ частности вниманія, что „малое согласіе“, въ его румынской транскрипціи, несомнѣнно таитъ въ себѣ два острія, направленныя — одно противъ Россіи, другое — противъ Болгаріи. Во всякомъ случаѣ,

„малое согласіе“ самостоятельнаго существованія и значенія имѣть не можетъ, оно должно само тяготѣть къ какой-либо группѣ великихъ державъ, и Таке-Іонеско и трактуетъ его, какъ „авангардъ“ стараго, или „большого согласія“. Но старое „согласіе“ находится въ состояніи прогрессирующаго разложенія, и выступать въ качествѣ его авангарда сейчасъ столько же неудобно, сколько безполезно.

„Расплавленное“ состояніе Европы — вообще, самая характерная черта настоящаго момента международной жизни. Старыя группировки разложились или разлагаются, новыя еще не успѣли отстояться. Старыя связи порвались или рвутся, новыя еще не завязались. „Малое согласіе“ отнюдь не является единственнымъ проектомъ формированія новыхъ между-государственныхъ комбинацій изъ рожденныхъ или перестроенныхъ войною державъ. Вѣрнѣе сказать, идея его была даже выдвинута въ противовѣсъ, имѣвшему одно время успѣхъ въ кругахъ великодержавной дипломатіи, плану созданія новаго конфедеративнаго цѣлаго изъ государствъ, возникшихъ на развалинахъ Австро-Венгерской монархіи. У нѣкоторыхъ французскихъ и англійскихъ дипломатовъ еще въ теченіе войны были довольно сильныя сомнѣнія насчетъ цѣлесообразности полнаго разрушенія Австро-Венгріи. Когда монархія Габсбурговъ рухнула и державы-наслѣдницы начали утомлять дипломатію „согласія“ жалобами на свои, по преимуществу, экономическія затрудненія эти сомнѣнія вспыхнули, вновь и вылились въ тоску по „старому порядку“, имѣвшему свои удобства сравнительной простоты и, главное, привычности. Было бы ошибочно считать эти „реставраціонныя“ схемы окончательно похороненными.

Въ глазахъ извѣстныхъ французскихъ политическихъ группъ созданіе какой-нибудь „средне-европейской“ или „дунайской“ конфедераціи имѣло бы между прочимъ то достоинство, что оно отвратило бы взоры Австріи и Германіи и позволило бы практически заняться отторженіемъ отъ Германіи Баваріи. Есть еще такіе крайніе шовинисты во Франціи, которые видятъ основной порокъ Версальскаго мира въ томъ, что онъ не уничтожилъ единства Германіи. Не случайно во вступленіи къ Версальскому трактату говорится о возобновленіи сношеній съ Германіей и „съ тѣмъ или другимъ изъ германскихъ государствъ“, и, конечно, только навязчивая мысль объ ослабленіи Германіи черезъ расчлененіе ея побудила Францію тотчасъ же завести отдѣльное дипломатическое представительство въ Мюнхенѣ и войти въ соприкосновеніе съ баварскими „сепаратистами“. Какъ и слѣдовало, однако, ожидать расчеты на баварскій „сепара-

тизмъ" не оправдались. При всемъ своемъ „локальномъ" патріотизмѣ, при всей своей готовности отстаивать прерогативы мѣстной государственой власти въ строѣ имперской федераціи, баварцы и слышать не хотятъ объ отдѣленіи отъ общаго германскаго отечества. Судя по всему, французской политикѣ не удастся и вторая задача — воспрепятствовать присоединенію Австріи къ Германіи. И въ этомъ направленіи въ парижскихъ договорахъ приняты предупредительныя мѣры. Союзники не допустили усвоенія австрійской республикой названія „Нѣмецкая Австрія". Ст. 80 Версальскаго трактата и ст. 88 Сенъ-Жерменскаго трактата постановляютъ, что независимость Австріи можетъ быть нарушена только съ согласія Совѣта Лиги Націй. Сенъ-Жерменскій трактатъ обязываетъ Австрію „воздерживаться отъ всякаго дѣйствія, способнаго въ какой бы то ни было формѣ, прямо или косвенно, умалить ея независимость". Запретъ этотъ, собственно, уже нарушенъ. Австрійское Національное Собраніе, передъ тѣмъ какъ разойтись, рѣшило въ теченіе шести мѣсяцевъ устроить въ странѣ плебисцитъ по вопросу о присоединеніи къ Германіи. Первоначально предполагалось даже назначить этотъ плебисцитъ въ одинъ день съ парламентскими выборами, то есть 17 октября. Выборы, какъ извѣстно, доставили значительный успѣхъ христіанскимъ соціалистамъ, ослабили соціалъ-демократовъ и ознаменовались неудачей пангерманцевъ. Но французская печать, едва ли правильно, дѣлаетъ отсюда выводъ, что потерпѣла рѣшительное пораженіе самая идея присоединенія къ Германіи. Идея эта не является въ Австріи достояніемъ только одной какой нибудь партіи, и, помимо собственно національныхъ побужденій, она поддерживается еще и сознаніемъ тѣхъ нестерпимыхъ экономическихъ условій, въ которыя поставилъ Австрію Сенъ-Жерменскій миръ. Нечего говорить, что Германія съ восторгомъ приняла бы въ свое лоно Австрію, хотя на первое время это только возложило бы на нее новыя матеріальныя тяготы. Изъ державъ „согласія" Италія не безъ сочувствія отнесется, вѣроятно, къ поглощенію Австріи Германіей. Италія заинтересована въ томъ, чтобы имѣть съ Германіей общую границу, и, въ отличіе отъ Франціи, она не питаетъ рѣшительно никакого вкуса къ возсозданію въ той или иной формѣ, австрійскаго „Блока".

Выборы въ австрійскій парламентъ обнаружили нѣкоторое поправѣніе избирателей. Подобно выборамъ въ германскій рейхстагъ они были повсемѣстно истолкованы, какъ проявленіе усиливающагося разочарованія массъ въ революціонныхъ и соціалистическихъ движеніяхъ послѣднихъ лѣтъ.

Въ тоже время, однако, коммунизмъ продолжаетъ вести въ международномъ масштабѣ борьбу за овладѣніе партійно-соціалистическими и профессіональными рабочими организаціями. Борьба эта ведется съ перемѣннымъ успѣхомъ. На конгрессѣ Французской Всеобщей Конфедераціи Труда въ Орлеанѣ большевики потерпѣли пораженіе: французская соціалистическая партія будетъ еще только обсуждать вопросъ о присоединеніи къ III Интернаціоналу на своемъ декабрьскомъ съѣздѣ. Бельгійскіе соціалисты рѣшили остаться вѣрными II Интернаціоналу. Зато большевикамъ удалось привлечь на свою сторону-демократическія партіи. Итальянская партія скажетъ свое слово на конгрессѣ во Флоренціи, назначенномъ на 29 Декабря; партійный комитетъ высказался уже въ пользу Москвы. Въ Болгаріи широкіе соціалисты раскололись, и лѣвое крыло соединяется съ коммунистами. Расколы вообще стали обыденнымъ явленіемъ въ соціалистической средѣ, съ тѣхъ поръ, какъ III Интернаціоналъ формулировалъ свои знаменитыя условія въ 21 пунктахъ, и на практикѣ они естественно приводятъ къ ослабленію вліянія умѣренныхъ соціалистическихъ группъ. Такъ хирѣетъ центръ современнаго европейскаго общественно-политическаго фронта и закрѣпляются фланги. Налѣво мобилизуетъ свои силы соціальная революція, направо — обозначается грядущая реакція.

Внутреннее положеніе въ большинствѣ европейскихъ странъ вообще не сулитъ Европѣ мирнаго развитія. Вездѣ ощущаются острыя затрудненія финансоваго характера. Растетъ безработица. Не хватаетъ топлива и продовольствія. Англія едва справилась съ забастовкой углекоповъ, а у нея есть кромѣ того ирландскій вопросъ держащій страну въ состояніи крайняго и, какъ будто неразрѣшимаго напряженія. У Франціи есть вѣчно больная проблема „опустошенныхъ областей". Ей тоже угрожаетъ угольная стачка, сейчасъ врѣменно отсроченная. Катастрофическое паденіе германской валюты служитъ яркимъ симптомомъ стѣсненнаго экономически и неустойчиваго политически состоянія и этой страны. Тревожный оборотъ внезапно приняли событія въ Греціи. Уже кончина молодого короля Александра, бывшаго послушнымъ фигурантомъ въ рукахъ всесильнаго, казалось, Венизелоса, открыла чреватый послѣдствіями династическій кризисъ. Однако, онъ, вѣроятно, разрѣшился бы благополучно — воцареніемъ королевича Павла или продленіемъ регентства адмирала Кондоріотиса, если бы греческіе избиратели остались вѣрны Венизелосу. Совершенно неожиданно парламентскіе выборы окончились полнымъ разгромомъ венизели-

стовъ. Венизелосъ уже покинулъ родину, и на поверхности греческой политической жизни снова появились люди короля Константина — Раллисъ и Гунарисъ. Эти имена сами говорятъ за себя, и Паллисъ напрасно увѣряетъ французскихъ журналистовъ, что внѣшняя политика Греціи останется неизмѣнной — ему все равно никто не повѣритъ. Греческій coup de théâtre не можетъ не озаботить „согласіе“ въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, онъ воочію показываетъ союзникамъ, какъ неустойчивы политическіе порядки въ странѣ, на которую они возложили столько надеждъ и которой удѣлили такую видную роль въ ликвидаціи турецкаго наслѣдства. Во вторыхъ, внутренній развалъ въ Греціи и не преминетъ тотчасъ же отозваться въ Турціи, гдѣ новый кабинетъ Тевфикъ-паши всячески затягиваетъ ратификацію Севрскаго договора, а Мустафа-Кемаль-паша одновременно одерживаетъ успѣхи на своемъ западномъ фронтѣ и на армянскомъ театрѣ. Съ русской точки зрѣнія, нѣтъ основаній скорбѣть о потрясеніяхъ, готовящихся для непомѣрно разросшейся Греческой державы. Собственная мегаломанія и близорукая политика „согласія“ сдѣлали Грецію однимъ изъ наиболѣе назойливыхъ антагонистовъ Россіи на Ближнемъ Востокѣ.

Особнякомъ, въ сторонѣ отъ неясныхъ путей европейской политики стоитъ Америка, безстрастно взирающая изъ своего раззолоченнаго уединенія на объятый небывалой смутой Старый Свѣтъ. Выборы выборщиковъ для избранія новаго президента Соединенныхъ Штатовъ, происходившіе 2 ноября, обезпечили, какъ и ожидалось, побѣду кандидата республиканцевъ Хардинга. Хардингъ рѣшительный противникъ Лиги Націи въ ея нынѣшнемъ видѣ, такъ какъ онъ считаетъ, что она ограничиваетъ суверенную власть республики въ распоряженіи федеральной вооруженною силой. Политика Вудро Вильсона, такъ дорого обошедшаяся Европѣ, кончается такимъ образомъ плачевнымъ фіаско. Версальскій договоръ не получитъ санкціи конгресса Соединенныхъ Штатовъ. Но съ другой стороны, даже и послѣ новыхъ выборохъ, у республиканцевъ не будетъ въ сенатѣ большинства двухъ третей, требуемаго для рѣшенія вопросовъ международной политики. Президентъ Хардингъ будетъ этимъ обстоятельствомъ тоже поставленъ въ невозможность активно проводить собственную внѣшнеполитическую программу, поскольку она у него имѣется.

Впрочемъ, независимо отъ воздержанія Америки, одно уже отсутствіе Россіи въ международномъ общеніи дѣлаетъ условнымъ и временнымъ все то, что творится сейчасъ въ международной жизни. Державы во всѣхъ очередныхъ договорахъ оставляютъ пустое мѣсто

для „присоединенія“ Россіи, которая, какъ имъ, вѣроятно, кажется, будетъ настолько слаба, что покорно согласится и на отторженіе Бессарабіи, и на новый режимъ для проливовъ. Это роковое заблужденіе. Будущее всероссійское правительство, какъ бы оно ни называлось, рано или поздно неизбѣжно потребуетъ пересмотра на новомъ конгрессѣ всѣхъ рѣшенныхъ въ отсутствіе Россіи и затрагивающихъ ея интересы вопросовъ. Возвращеніе Россіи къ національно-государственному бытію автоматически выправитъ покрившееся міровое равновѣсіе и позволитъ внести въ международную жизнь хоть немного больше здраваго смысла, а слѣдовательно, и справедливости.

К. С.

II. Совѣтская Россія и Европа.

Несмотря на то, что „совѣтская власть“ существуетъ въ Россіи уже три года, она понынѣ не признана формально ни одной изъ великихъ державъ. Признаніе ея со стороны центральныхъ имперій, содержавшееся въ самомъ фактѣ заключенія Брестъ-Литовскаго мира, потеряло силу послѣ того, какъ Брестъ-Литовскій договоръ былъ аннулированъ послѣдующими договорами.

Мирные договоры, имѣющіе большей частью силу и посейчасъ, заключили или собираются заключить съ Совѣтской Россіей лишь государственныя образованія, отдѣлившіяся отъ Россіи или возникшія въ ея предѣлахъ послѣ 1917 г. Сюда относятся (съ сѣвера на югъ): Финляндія, Эстонія, Латвія, Литва, Польша, Украйна, Азербейджанъ, Арменія и Грузія. Часть этихъ мирныхъ договоровъ заключена съ молчаливаго или, какъ послѣдній рижскій миръ, съ открытаго одобренія, великихъ державъ Согласія. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако ясно, что значеніе ихъ представляется весьма относительнымъ: большевики пользуются ими въ однихъ случаяхъ (Украйна, Азербейджанъ) для организаціи „федерированныхъ“ съ Р. С. Ф. С. Р. совѣтскихъ республикъ, въ другихъ для болѣе безпрепятственной агитаціи въ предѣлахъ соотвѣтствующихъ странъ, цѣлью которой является коммунистическій переворотъ и опять таки „федерація“ съ Совѣтской Россіей. Договорившіяся же съ большевиками „государства“ усматриваютъ въ этихъ договорахъ средство для того, чтобы обезпечить себя отъ вооруженной борьбы съ красными войсками, подрывающей возможность устройства ихъ внутренней жизни, нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что соглашенія имѣютъ лишь временный характеръ. Тѣ и другіе отлично знаютъ, что сила заключенныхъ ими договоровъ зависитъ всецѣло отъ общаго международнаго положенія, иначе говоря, отъ соотношенія силъ между Совѣтской Россіей и Западной Европой и отъ направленія, которое приметъ дальнѣйшее развитіе всей европейской жизни, какъ внутренней, такъ и международной.

Наряду съ ихъ явной неустойчивостью, характерная черта всѣхъ этихъ договоровъ заключается въ проявленной большевиками при ихъ заключеніи „великодушной", за счетъ государства и народа россійскаго, уступчивости. Уступка территорій, на которыя „сосѣди" совѣтской Россіи предъявляютъ притязанія на основаніи принципа самоопредѣленія народовъ, по соображеніямъ географическаго, этнографическаго или стратегическаго характера; освобожденіе ихъ отъ ихъ доли отвѣтственности за государственныя обязательства Россійской Имперіи, разнаго рода хозяйственныя выгоды, — все это сыплется какъ изъ рога изобилія на головы договаривающихся съ совѣтской Россіей „народовъ" и должно, повидимому, повергать ихъ въ изумленіе по поводу благородно-миролюбивой политики истинно-„пролетарской" Россіи. Производитъ ли эта политика ожидаемое впечатлѣніе, это другой вопросъ. Во всякомъ случаѣ, можно сильно сомнѣваться, чтобы она пользовалась большимъ сочувствіемъ среди подданныхъ нынѣшнихъ кремлевскихъ владыкъ, больше этихъ послѣднихъ болѣющихъ душей отъ такого циническаго расхищенія русскаго государственнаго и народнаго достоянія. . .

Ближайшее будущее европейской международной жизни зависитъ отъ того, пойдутъ ли сами великія и прочія державы Запада по линіи оффиціальныхъ мирныхъ переговоровъ съ Совѣтской Россіей или нѣтъ. Рѣшающій голосъ принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ при существующихъ условіяхъ Англіи и Франціи. Двѣ внѣевропейскія великія державы, Соединенные Штаты Сѣверной Америки и Японія, несмотря на разныя торжественныя заявленія нынѣ отошли въ сторону отъ европейской смуты. Это не мѣшаетъ, правда, Японіи вести планомѣрную политику по закрѣпленію своего господства надъ дальневосточными владѣніями Россіи, а Америкѣ разрѣшать „частнымъ" американскимъ компаніямъ заключеніе весьма долгосрочныхъ договоровъ съ Москвой на счетъ эксплоатаціи богатствъ Камчатки и сосѣднихъ областей. Однако восточная Сибирь такъ далека, а рѣшеніе вопроса о судьбахъ кремлевской власти такъ очевидно зависитъ отъ того, что будетъ происходить въ Европѣ, что событія, происходящія или готовящіяся на побережьи Тихаго океана, мало кого интересуютъ, кромѣ русскихъ людей. Голосъ же русскихъ людей звучитъ сейчасъ не такъ твердо и увѣренно, чтобы къ нему особенно прислушались даже тѣ изъ представителей, такъ или иначе связаныхъ съ будущей русской жизнью народовъ, которые способны понять долетающія до нихъ предостереженія.

Политика Англіи и Франціи по отношенію къ совѣтской власти

прошла уже черезъ нѣсколько фазисовъ. Послѣ нѣкотораго періода растерянно-выжидательнаго отношенія, онѣ заняли къ маю 1918 г. опредѣленно враждебное къ ней положеніе, стараясь возсоздать при помощи уходившихъ во Владивостокъ чехо-словацкихъ частей „восточный фронтъ“ и высказывая довольно, впрочемъ, платоническое сочувствіе героическимъ подвигамъ Добровольческой Арміи. Побѣда надъ Германіей, устранившая надобность въ восточномъ фронтѣ, укрѣпила увѣренность побѣдителей въ безграничности ихъ могущества и поставила ихъ въ то же время лицомъ къ лицу съ чрезвычайно сложными вопросами ихъ собственной внутренней жизни. Большевизмъ, который разсматривался ими во время войны исключительно какъ предательское грѣхопаденіе русскаго народа, послѣ ея окончанія представлялся скорѣе докучливымъ, чѣмъ грознымъ для всей Европы осложненіемъ русской жизни, признакомъ дикости ея народа. Нашлись и такіе политики, которые были готовы привѣтствовать въ немъ начало полнаго и окончательнаго распада сѣвернаго колосса. Для борьбы съ міазмами большевизма, разносившагося изъ гнилого болота русской жизни, представлялось, какъ будто достаточнымъ создать „санитарный кордонъ“ вокругъ Россіи. Англичане взяли на себя его организацію на сѣверѣ, въ Балтійскомъ морѣ и въ близкомъ ихъ колоніальнымъ интересамъ Закавказьѣ, французы — по сѣверному побережью Чернаго моря, въ Одессѣ и въ Севастополѣ. Этимъ намѣчались вмѣстѣ съ тѣмъ будущія „сферы вліянія“. Упорная борьба Добровольческой Арміи, единственной серьезной силы, противостоявшей въ предѣлахъ Европы большевикамъ, вызывала по прежнему скорѣе платоническое сочувствіе. Больше вниманія удѣлялось адмиралу Колчаку. Однако и онъ не дождался формальнаго признанія. Политика державъ оставалась по прежнему неясной и нерѣшительной. Въ январѣ 1919 г. промелькнула идея о созывѣ конференціи представителей болшевиковъ и всѣхъ боровшихся съ ними какъ собственно русскихъ, такъ и окраинныхъ организацій на островѣ Принкипо, при чемъ на конференціи должны были участвовать не то въ качествѣ посредниковъ, не то въ качествѣ третейскихъ судей и представители державъ. Нѣсколько позднѣе французы очистили Одессу и Севастополь. А вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственные государственные дѣятели Англіи и Франціи продолжали отъ времени до времени высказывать свое отвращеніе къ Совѣтской Россіи и свидѣтельствовать готовность поддерживать боровшихся съ нею. На дѣлѣ, эта готовность проявлялась всего активнѣе по отношенію къ окраиннымъ образованіямъ.

Это обстоятельство находилось въ связи съ появленіемъ и укрѣп-

леніемъ новаго взгляда на Россію, вѣрнѣе съ превращеніемъ идеи „санитарнаго кордона", какъ временнаго средства борьбы съ болшевизмомъ, въ идею длительнаго ослабленія Россіи путемъ отдѣленія отъ нея тѣхъ самыхъ окраинныхъ государствъ, къ отторженію которыхъ стремилась еще раньше нѣмецкая политика. Въ тоже время не только между Англіей и Франціей, но и между разными теченіями внутри каждой изъ этихъ державъ, существовали и тогда, и позднѣе разногласія, отражавшіяся и на ихъ русской политикѣ. При такихъ условіяхъ весьма понятно, что какъ успѣхи адм. Колчака или ген. Деникина, такъ и ихъ неудачи усиливали колебанія въ политикѣ двухъ наиболѣе заинтересованныхъ въ русскихъ дѣлахъ державъ. То преобладала мысль о неизбѣжности возсозданія не большевистской, великодержавной Россіи и о необходимости сообразовать свою политику съ этимъ неустранимымъ будущимъ; то наоборотъ, торжествовалъ взглядъ, что скорое вооруженное сокрушеніе большевизма невозможно, что необходимо принять всѣ мѣры къ ослабленію Россіи, какъ цѣлаго, и къ ускоренію предстоящаго процесса „внутренняго перерожденія" большевизма.

Всѣ эти колебанія по существу русской проблемы осложнялись еще другими соображеніями. Для правящихъ круговъ Англіи особенно значеніе пріобрѣталъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше, сильный ростъ радикальныхъ теченій среди ея рабочаго класса, рѣшительно протестовавшаго противъ вооруженнаго вмѣшательства въ русскія дѣла для поддержки „реакціонныхъ" правительствъ адм. Колчака и ген. Деникина и во вредъ „русской демократической революціи". Со своей стороны французская политика, энергично справившаяся впослѣдствіи, въ маѣ 1920 г., съ угрозой соціальнаго переворота, находилась подъ усиливавшимся вліяніемъ страха передъ возрожденіемъ Германіи и сомнѣнія въ прочности Согласія. Развившееся какъ на этой почвѣ, такъ и въ связи съ вопросами турецкимъ и др., соревнованіе англійской и французской политики, опущаемое нынѣ, можно сказать, во всѣхъ областяхъ европейской жизни, еще болѣе осложняло все это, и безъ того достаточно сложное, положеніе.

Во всякомъ случаѣ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что неясное, колеблющееся и непродуманное поведеніе европейскихъ великихъ державъ вмѣстѣ съ уклончивой, чтобы не сказать болѣе, политикой Соединенныхъ Штатовъ и особенно Японіи оказали свою долю вліянія на неудачу адм. Колчака и ген. Деникина.

Съ гибелью адм. Колчака и съ пораженіемъ ген. Деникина весь русскій вопросъ вступилъ въ новую фазу. Надежда на успѣхъ во-

оруженной борьбы русскихъ антибольшевистскихъ силъ съ совѣтской властью исчезла казалось уже въ Январѣ 1920 г., на всегда. Англійское правительство, которое въ теченіе 1919 года, несмотря ни на что, оказывало генералу Деникину сравнительно наиболѣе энергичное содѣйствіе, было занято только вопросомъ о возможно мѣнѣе позорной для самой же Англіи, ликвидаціи того, что теперь разныя лица стали называть „добровольческой авантюрой". Энергичная борьба воинскихъ частей, находившихся къ моменту эвакуаціи Новороссійска въ Крыму, за подступы къ полуострову и начавшаяся съ марта замѣчательная по своимъ результатамъ работа по реорганизаціи арміи позволили ген. Врангелю занять въ теченіи ряда мѣсяцевъ настолько крупное положеніе въ борьбѣ съ большевиками, что Франція рѣшила признать его правительство и обѣщала ему свою поддержку. Этимъ снова рѣзко опредѣлилось отношеніе Франціи къ совѣтской власти. Однако, объективное отношеніе силъ между таврической губерніей и прочей Россіей этимъ по существу не измѣнялось.

Уже пораженіе Добровольческой Арміи усилило движеніе среди англійскихъ рабочихъ массъ и примыкавшихъ къ нимъ общественныхъ элементовъ противъ антибольшевистской политики англійскаго правительства. Разсужденія печати о снятіи блокады противъ Совѣтской Россіи, о торговомъ, а далѣе, и политическомъ соглашеніи съ большевиками пріобрѣли удесятеренную силу. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ не было послѣ этого притти совершенно не знающимъ русской жизни, англичанамъ, — да и только ли однимъ англичанамъ? — къ убѣжденію, что вопреки всѣмъ увѣреніямъ враговъ большевизма Совѣтская Россія имѣетъ прочные корни въ жизни русскихъ народныхъ массъ и опирается именно на нихъ въ своей вооруженной борьбѣ противъ своихъ „реакціонныхъ" враговъ?

Получилась своеобразная картина: англійское правительство, поддерживавшее ген. Деникина гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ французское, склонялось чѣмъ дальше, тѣмъ больше къ примирительной, по отношенію къ большевикамъ, политикѣ, французское же умывавшее при Клемансо руки въ русскомъ вопросѣ, проявляло, наоборотъ, все большую готовность вступить въ активную борьбу съ большевиками, и вмѣстѣ съ тѣмъ склонялось къ мысли о необходимости возстановленія единой, великодержавной Россіи, какъ единственнаго исторически и этнографически крѣпкаго и могучаго противовѣса противъ Германіи.

Русскій и нѣмецкій вопросы все больше перепутываются въ сознаніи государственныхъ людей современнаго великодержавнаго

европейскаго Запада, а въ то же время разрѣшеніе того и другого опредѣляется характеромъ соціально-политическихъ условій жизни Англіи и Франціи.

Несмотря на свою огромную имперію, на свое торгово-промышленное и финансовое богатство, Англія должна была съ теченіемъ временни оказаться въ гораздо болѣе тяжеломъ положеніи въ смыслѣ ея внутренней соціально-политической жизни, чѣмъ Франція. Въ то время, какъ въ Англіи болѣе $^4/_5$ населенія живетъ „городской", торгово-промышленной, жизнью, во Франціи ею живетъ лишь немногимъ больше половины населенія. Міровой хозяйственный кризисъ, отразившійся послѣ войны особенно тяжело на Европѣ, не могъ поэтому не поразить соціальную жизнь Англіи болѣе тяжело, чѣмъ соціальную жизнь Франціи, даже несмотря на то, что въ финансовомъ отношеніи Англія испытываетъ его менѣе тяжело, чѣмъ ея раззоренная войной сосѣдка.

Этимъ, а не только привычкой воспринимать особенно остро вопросы хозяйственной и, въ частности, коммерческой жизни объясняются господствующія въ Англіи по отношенію не только къ Германіи, но и къ Совѣтской Россіи настроенія и политика ея государственныхъ людей. Эта политика основана на двухъ координированныхъ иллюзіяхъ — на предположеніи, что, если возможно будетъ быстро возобновить торговыя сношенія съ Россіей, хотя бы и Совѣтской, то это обезпечитъ европейскому міру, а главное Англіи, сырье, отъ хлѣба до льна и лѣса включительно, и что, если окажется возможнымъ разрѣшить вопросъ о „репараціяхъ" Германіи въ пользу побѣдителей вообще, и Франціи въ частности, въ смыслѣ возможно болѣе „разумномъ", т. е. выгоднымъ для Германіи, то это обезпечитъ имъ же сравнительно дешевые фабрикаты массоваго потребленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ Россія, такъ и Германія, окажутся важными рынками для фабрикатовъ высшаго порядка, на которые и тамъ и тутъ явится неизбѣжно усиленный спросъ по мѣрѣ того, какъ оба народа перейдутъ къ мирному труду. Это будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, и тамъ и тутъ, началомъ конца большевизма, главнымъ источникомъ котораго является хозяйственная разруха. Останавливаться на томъ, почему эта надежда окажется иллюзіей по отношенію къ Германіи, здѣсь не мѣсто. Надо ли доказывать, что она представляетъ наивную иллюзію, а въ извѣстныхъ случаяхъ и позорно лицемѣрную игру въ рукахъ порой очень отвѣтственныхъ людей, поскольку она относится къ Совѣтской Россіи, въ концѣ разоренной большевистской властью — Россіи, которая сама нуждается нынѣ — „разсудку вопреки, на-

перекоръ стихіямъ" — въ сырьѣ, и, которая при данныхъ условіяхъ неспособна возстановить у себя ни транспорта, ни правовыхъ условій мирной хозяйственной жизни?

Франція съ ея сравнительно крѣпкимъ крестьянствомъ оказалась пока соціально гораздо болѣе устойчивой, чѣмъ Англія, а потому поставила въ лицѣ своего правительства на первый планъ не вопросъ безнадежно-обманчиваго, но привлекательнаго для массъ хозяйственнаго примиренія съ Совѣтской Россіей, а вопросъ политической борьбы съ большевизмомъ и насильственной его ликвидаціи. Англія, иначе говоря, боится роста большевизма у себя дома, а потому подчиняется неразумному требованію своихъ рабочихъ искать примиренія съ большевиками, надѣясь получить на этомъ пути хоть нѣкоторые цѣнные для ея промышленности заказы и добиться извѣстнаго улучшенія хозяйственныхъ условій своей жизни, а, стало быть, и ослабленія нынѣшней остроты безработицы и прочихъ раздирающихъ ее соціальныхъ бѣдствій. Франція относится къ этимъ англійскимъ иллюзіямъ болѣе, чѣмъ хладнокровно, но озабочена борьбой съ большевистской заразой, какъ таковой, а также возможностью союза „интернаціональной" Москвы съ весьма націоналистической Германіей и очевидной хрупкостью новыхъ „государственныхъ образованій", не исключая и Польши.

Таковы основные факты, опредѣлявшіе политику Англіи и Франціи по отношенію къ Совѣтской Россіи за послѣдніе долгіе мѣсяцы, — переговоры Ллойдъ-Джорджа съ Красинымъ, его отношеніе къ польско-совѣтской войнѣ и т. д., — признаніе ген. Врангеля Франціей и ея успѣшное вмѣшательство въ польскія дѣла въ тотъ моментъ, когда судьба Варшавы, а за ней и всей Польши, казалась уже рѣшенной и т. д.

Фактъ расхожденія англійской и французской политки въ то время, когда обѣ державы вдобавокъ заняты не только русскимъ, но и цѣлымъ рядомъ другихъ вопросовъ, къ числу которыхъ только что прибавился весьма серьезный греческій, имѣетъ огромное значеніе для Совѣтской Россіи. Чѣмъ разнообразнѣе и глубже причина этого расхожденія, тѣмъ менѣе можно ожидать, что оно будетъ устранено и уступитъ мѣсто опредѣленной и активной противобольшевистской политикѣ обѣихъ державъ. Крымская катастрофа сверхъ того несомнѣнно усилитъ и во Франціи давленіе соціалистическихъ теченій на правящіе круги въ смыслѣ благопріятномъ для совѣтской власти. Недавній союзъ трехъ крупныкъ общественныхъ организацій — объединенной соціалистической партіи, Всеобщей Конфедераціи Труда и Общества Правъ Человѣка, — соединяющихъ въ своемъ составѣ не

толко „экстремистовъ", но всѣхъ вообще соціалистовъ и даже лѣвую группу по существу болѣе умѣренныхъ радикалъ-соціалистовъ, союзъ, возникшій еще до эвакуаціи Крыма и ставящій себѣ задачей бороться съ враждебной Совѣтской Россіи политикой французскаго правительства, представляетъ въ этомъ смыслѣ достаточно показательный фактъ.

При такихъ условіяхъ ясно, что международное положеніе Совѣтской Россіи было въ теченіе всего этого времени и остается посейчасъ гораздо болѣе выгоднымъ, чѣмъ это можетъ казаться на первый взглядъ. Устраняя въ лицѣ ген. Врангеля послѣднюю серіозную враждебную ей силу, пользуясь широкими симпатіями среди народныхъ массъ запада, видящихъ въ Москвѣ и московскихъ лозунгахъ единственный лучъ надежды въ своемъ тяжеломъ положеніи и принуждающихъ порой своихъ болѣе осмотрительныхъ вожаковъ подчиняться московскимъ „указамъ" по дѣламъ Интернаціонала, Совѣтская Россія находитъ во всѣхъ окружающихъ ее странахъ страстныхъ союзниковъ и умѣло пользуется этимъ небывалымъ преимуществомъ. Попытки враговъ напасть на ея собственную территорію она не безъ основанія не боится, а вмѣстѣ съ тѣмъ она создаетъ имъ повсемѣстно, вплоть до далекихъ областей Азіи и Африки—опасныя затрудненія. Единственное, что грозитъ большевистской власти гибелью, это внутреннее — хозяйственное, и психологическое — разложеніе ея русской опоры и въ частности ея военной организаціи. Только этой внутренней слабостью, а отнюдь не физической силой ея близкихъ и дальнихъ противниковъ объясняются польскія неудачи совѣтской власти. Страна съ такимъ количествомъ населенія и съ такими естественными богатствами, какъ „Совѣтская Россія", легко справилась бы и съ Польшей, и съ другими своими врагами, разъ европейскія „великія державы" такъ несогласны между собой и такъ внутренно слабы, если бы она сама не находилась въ состояніи глубокаго разложенія. Сами московскіе владыки это отлично сознаютъ. Именно поэтому они и созываютъ „коммунистическіе" съѣзды разныхъ народовъ ближняго и средняго Востока, назначаютъ Энверъ-Пашу „главнокомандующимъ" несуществующими пока войсками, на которыя возлагаются задачи неспровергнуть господство европейскихъ „имперіалистовъ" въ Передней Азіи и Индіи, ведутъ переговоры съ какими то представителями Персіи и Китая, а главное, взываютъ все болѣе и болѣе отчаянно къ революціи не то въ Англіи, не то въ Германіи...

Слабость Совѣтской Россіи заключается несомнѣнно не въ объединенности и грозной военной силѣ ея враговъ, а прежде всего и

главнымъ образомъ въ совершенной и безнадежной для нея противоестественности ея внутренняго строя и преслѣдуемыхъ ею задачъ. Французская революція конца XVIII вѣка побѣдила всѣхъ своихъ враговъ потому, что она освободила внутри Франціи всѣ живыя силы общества, заинтересовала ихъ въ своемъ успѣхѣ и противопоставила ихъ абсолютистически-бюрократической, феодально-крѣпостнической и цеховой идеѣ и средѣ. Самое опасное, что грозило тогдашней Франціи, это былъ якобинскій терроръ съ его новой революціонной бюрократіей и съ его принудительно-уравнительной идеей, воплощенной въ тупой политикѣ Робеспьера. Но Франція, вступившая въ революцію съ идеями свободы, равенства и братства, превозмогла фанатизмъ Робеспьера и, хотя и отказавшись отъ многаго изъ своихъ идеаловъ, вышла на широкую дорогу, указанную ей знаменитыми словами Наполеона: „la carrière ouverte aux talents", т. е. на дорогу самаго широкаго признанія личной энергіи и личныхъ дарованій, не связанныхъ узкой теоріей коммунистическихъ обязанностей противорѣчащихъ природѣ равенства. Совѣтская Россія идетъ пока по иному пути. Несмотря на отдѣльныя уступки, которыя она оказалась вынужденной сдѣлать принципу личной инициативы, весь ея строй пропитанъ неслыханнымъ подавленіемъ личности, личной предпріимчивости и личной отвѣтственности. Вся она основывается на чудовищномъ деспотизмѣ фанатиковъ и спекулянтовъ коммунизма, на режимѣ политическаго сыска, проникающаго во всѣ сферы жизни и опутывающаго всѣ сферы подозрительностью до полнаго паралича воли и трудоспособности.

Нигдѣ этотъ режимъ не долженъ сказываться такъ рѣзко, какъ въ нѣдрахъ красной арміи. Армія, къ которой, покуда она была государственно-россійской, большевики относились съ такимъ остервенѣлымъ презрѣніемъ и ненавистью, стала нынѣ основой ихъ существованія. Ибо вся сила большевизма, какъ во внутренней, русской, такъ и въ международной жизни, покоится на томъ, что онъ располагаетъ арміей. Эта армія слагается, помимо не-русскихъ наемниковъ, которые пойдутъ туда, гдѣ имъ больше платятъ, изъ двухъ элементовъ, — изъ старой, императорской арміи, офицеровъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ оставшихся подъ властью кремлевскихъ владыкъ, и изъ порожденныхъ долгой войной ушкуйниковъ, отвыкшихъ отъ всякаго мирнаго труда, не признающихъ „ни Бога, ни дьявола" и руководимыхъ только личной удалью и мыслью о личномъ счастьѣ и богатствѣ.

Сами большевики признаютъ всю опасность для нихъ арміи. Они окружаютъ ея популярныхъ вождей сугубымъ сыскомъ и отъ времени до времени сообщаютъ о томъ, что такой то изъ нихъ под-

вергся „сомнѣнію“ и устраненъ по тѣмъ или инымъ соображеніямъ отъ командованія, подвергнутъ суду и т. д. Однако, всѣхъ вѣдь суду не предашь.

Ушкуйникъ остается ушкуйникомъ и вмѣсто одного разстрѣляннаго ихъ появляется десять, а если хозяйственная разруха русской жизни будетъ продолжаться, такъ и сто. И думать они будутъ отнюдь не о коммунизмѣ, а о себѣ и о томъ, что они привыкли особо цѣнить, о „Святой Руси“... Ибо Русь становится нынѣ „свята“ даже для тѣхъ, кто еще недавно глумился надъ нею, осквернялъ ея иконы и ея историческое, поистинѣ славное, прошлое.

* * *

Мы сами виноваты въ томъ, что славное ея прошлое не было признано и усвоено всѣми. Теперь, когда Россію терзаютъ и „свои“ и чужіе, теперь ея дѣйственныя силы, даже ея ушкуйники, ея вольница, проникаются этимъ сознаніемъ. Большевики это поняли: ихъ обращеніе къ русскому національному чувству, когда Кіевъ былъ занятъ поляками, свидѣтельствуетъ объ этомъ. Они обращаются къ Россіи и боятся ея. И боятся ея не даромъ. Поднявши мечъ, совѣтская власть отъ меча и погибнетъ. Но этотъ мечъ подымется надъ нею не извнѣ, а извнутри.

* * *

III. Балканскій Ближневосточный Институтъ въ Софіи.

Весною этого года въ Софіи образовалась инціативная группа, обсуждавшая вопросъ о созданіи въ этомъ городѣ отдѣленія Кіевскаго Ближневосточнаго Института, имѣющаго цѣлью изученіе въ историческомъ, политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ странъ Ближняго Востока. Директоръ этого Института, П. М. Богаевскій, состоя нынѣ профессоромъ Софійскаго Университета, полагалъ, что открытіе такого отдѣленія дало бы возможность находящимся въ Болгаріи русскимъ получить высшее образованіе, отвѣчающее интересамъ и потребностямъ отечественной жизни. Кромѣ того, условія работы въ одномъ изъ крупныхъ балканскихъ центровъ благотворно отразились бы на его дальнѣйшемъ развитіи. Отдѣленіе въ Софіи могло бы затѣмъ быть преобразовано въ болгарское учебное заведеніе. Инціативная группа подъ предсѣдательствомъ С. С. Бобчева отнеслась съ болшимъ сочувствіемъ къ организаціи и задачамъ Кіевскаго Ближневосточнаго Института, но выяснила основанія, по которымъ было бы предпочтительно теперь же создать Ближневосточный Институтъ, какъ болгарское высшее учебное заведеніе. Указывалось, что главнымъ контингентомъ студентовъ явятся болгары. Затѣмъ признавалось необходимымъ создать Институтъ, считающійся съ условіями болгарской жизни.

10 Октября въ большой аудиторіи Университета происходило открытіе возникшаго такимъ образомъ Института. На торжествѣ присутствовали студенты Института, многочисленные представители столичной интеллигенціи, общественные и политическіе дѣятели, профессора Университета, лица, принадлежащія къ торгово-промышленнымъ кругамъ. Собравшіеся выразили единодушное одобреніе рѣчамъ, произнесеннымъ директоромъ Института С. С. Бобчевымъ и Министромъ Народнаго Просвѣщенія Ст. Омарчевскимъ. Въ этихъ рѣчахъ сказалась твердая увѣренность, что предпринятое начинаніе жизненно. Въ нихъ ясно намѣчался путь къ достиженію поставленной цѣли, путь, на которомъ, при полномъ признаніи значенія теоріи, удѣляется большое вниманіе пріобрѣтенію навыковъ, дающихъ возможность созидательной работы.

Балканскій Ближневосточный Институтъ долженъ осуществить эту задачу на трехъ отдѣленіяхъ, дипломатическо-консульскомъ, административно-финансовомъ и торгово-экономическомъ, при трехлѣтнемъ курсѣ. Предлагая учебные планы, разсчитанные на всестороннее ознакомленіе съ историческими, экономическими и юридическими дисциплинами, онъ на первое мѣсто выдвигаетъ вопросы, связанные съ положеніемъ государствъ Ближняго Востока,

— Малой Азіи, Балканскаго полуострова, Египта, — а также и съ положеніемъ славянскихъ земель. Нужды и интересы Болгаріи, слѣдовательно и Балканскаго полуострова, равно какъ славянскихъ и иныхъ земель, съ которыми Болгарія связана географически и всѣмъ прошлымъ своего народа, опредѣляютъ распорядокъ занятій въ Институтѣ. Весь сложный аппаратъ національныхъ и международныхъ основъ экономическаго, соціальнаго и правового характера, отчетливое представленіе о которыхъ необходимо въ современныхъ условіяхъ общественной и политической работы, останется какъ бы неодухотвореннымъ для тѣхъ, кто пожелалъ бы служить государственно-національному развитію родной страны, если вниманіе ихъ не будетъ привлечено прежде всего къ явленіямъ мѣстной жизни и всего, что тѣсно связано съ нею. Вотъ почему наряду съ общепозновательными предметами вводится рядъ курсовъ, преимущественно по Балкановѣдѣнію, а практическія занятія, привлекающія къ себѣ значительное вниманіе, касаются вопросовъ, относящихся къ Ближнему Востоку и, въ особенности, къ Балканскому полуострову. Практическимъ занятіямъ придается въ постановкѣ преподаванія настолько большое значеніе, что прохожденіе нѣкоторыхъ теоретическихъ курсовъ осуществляется не только по лекціонной системѣ, но и посредствомъ, такъ называемыхъ, конференцій примѣненія и усвоенія. На послѣднемъ (третьемъ) курсѣ занятія должны происходить почти исключительно практически. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что предположены экскурсіи подъ руководствомъ преподавателей въ страны, изучаемыя въ Институтѣ. Весьма большое значеніе имѣетъ также и обязательное изученіе языковъ, — одного изъ западно-европейскихъ и одного изъ славянскихъ. Желающимъ преподаются турецкій, ново греческій, румынскій и албанскій языки.

Со дня открытія Института прошло больше мѣсяца и, не смотря на то, что занятія въ немъ идутъ полнымъ ходомъ, прошенія со стороны желающихъ поступить въ него не прекращаются до послѣдняго времени. Къ поступающимъ въ дѣйствительные студенты, каковые составляютъ большинство состава учащихся, предъявляется требованіе законченнаго средняго образованія. Съ 10 Октября, когда было принято 230 студентовъ и слушателей, число это возросло до 324 человѣкъ, изъ которыхъ на дипломатическо-консульскомъ отдѣленіи числится 86, на административно-финансовомъ 105 и на торгово экономическомъ 133 студента. Говоря о составѣ учащихся въ Балканскомъ Ближневосточномъ Институтѣ, должно отмѣтить два слѣдующихъ обстоятельства. Прежде всего, значительное число студентовъ — лица уже обратившіяся къ практической дѣятельности, посѣщаютъ лекціи и учебныя занятія, состоя въ то же время на службѣ въ государственныхъ или частныхъ учрежденіяхъ, занимаясь журналистикою, торговлею, находясь, какъ офицеры, въ рядахъ армін. Такъ, напримѣръ, офицеровъ въ числѣ студентовъ числится 42 находящихся на дѣйствительной службѣ, и 15 запасныхъ, учителей — 9. Въ числѣ учащихся на всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ имѣется 69 бывшихъ и теперешнихъ студентовъ Университета. Во-вторыхъ, слѣдуетъ отмѣтить, что большая часть изъ поступившихъ въ Институтъ по ихъ возрасту старше, чѣмъ студенты, учащіеся въ Университетѣ.

Несомнѣнно, что Балканскій Ближневосточный Институтъ принадлежитъ къ типу высшихъ учебныхъ заведеній, получившихъ въ теченіе послѣдняго полувѣка, отчасти подъ вліяніемъ парижской свободной школы по-

литическихъ наукъ, распространеніе въ нѣсколькихъ культурныхъ центрахъ Европы. Возникши благодаря частной иниціативѣ, всѣ эти школы политико-юридическихъ и экономическихъ наукъ отмѣчены постановкою учебнаго дѣла, которая уже въ періодъ учснія сближаетъ ихъ питомцевъ съ задачами предстоящей имъ работы. Какъ учрежденіямъ частнаго характера имъ свойственна, поскольку рѣчь идетъ о программахъ и методахъ преподаванія, большая приспособляемость къ потребностямъ практической дѣятельности. Какъ учрежденія, руководимыя людьми, близко стоящими къ текущимъ интересамъ общественной жизни, они развиваютъ въ своихъ слушателяхъ вѣрное пониманіе ея особенностей и укрѣпляютъ въ нихъ любовь къ созидательной работѣ. Въ рѣчи, произнесенной 10 Октября С. С. Бобчевымъ, неутомимой энергіи и опыту котораго Софійскій Институтъ обязанъ своимъ возникновеніемъ и организаціею, эта послѣдняя опредѣленно связывалась съ отмѣченнымъ теченіемъ въ современномъ ростѣ высшаго образованія. Заслуженная слава Парижской свободной школы политическихъ наукъ объясняетъ желаніе использовать ея обширный опытъ, и многое въ строѣ новаго болгарскаго высшаго учебнаго заведенія дѣйствительно покоится на данныхъ этого опыта. Самое названіе „Свободный университетъ по политическимъ и экономическимъ наукамъ“, принятое на ряду съ названіемъ „Балканскій Ближневосточный Институтъ“, отражаетъ принципъ Парижской школы, опредѣляющій возможность развивать ея цѣли и задачи сообразно съ выясняющимися жизненными потребностями. Но въ то же время, какъ явствуетъ изъ исторіи Балканскаго Ближневосточнаго Института, между нимъ и Кіевскимъ Ближневосточнымъ Институтомъ существуетъ братская связь.

Связь между обоими славянскими Институтами обусловлена не только формальнымъ основаніемъ. Если ихъ собратья въ западно-европейскихъ центрахъ сосредотачиваютъ свое вниманіе на изученіи общихъ условій политической и экономической жизни, то Кіевскій и Софійскій Ближневосточные Институты прежде всего имѣютъ въ виду всесторонее изученіе условій, складывающихся на почвѣ національныхъ отношеній. Кіевскій Институтъ, обращая свои силы въ сторону Ближняго Востока на первый взглядъ какъ бы суживаетъ свою задачу отечествовѣдѣнія Въ дѣйствительности, однако, именно въ этомъ интересѣ къ Ближнему Востоку сказывается стремленіе выдвинуть на первый планъ работу національно-государственнаго значенія. Вѣдь Россіи и природа, и исторія предопредѣлили путь къ бассейну Чернаго моря, вѣдь мы русскіе, благодаря духовной и племенной связи съ населеніемъ Балканскаго полуострова, вслѣдствіе продолжительныхъ и разнообразныхъ переживаній въ прошломъ, въ виду надеждъ на будущее должны изучать бытъ и жизнь на Балканахъ съ тѣми же обстоятельностью и любовью, какъ и жизнь собственной родины. Полагаю, что, разсматривая программы и основныя черты кіевской организаціи, иниціативная группа Софійскаго Института правильно признала существенною особенностью создаваемаго ею учрежденія преимущественное вниманіе къ вопросамъ отечествовѣдѣнія, національно-государственное значеніе какового еще опредѣленнѣе выступаетъ въ Балканскомъ Ближневосточномъ Институтѣ, какъ находящемся въ балканскомъ государствѣ.

Быть можетъ, подъ вліяніемъ отмѣченной особенности, воспринятой обоими славянскими Институтами, сказалась и вторая черта, отчетливо про-

являющаяся въ ихъ внутренней жизни. Въ наши годы государственнаго потрясенія обездоленныхъ народовъ всѣ ихъ граждане, принадлежащіе къ разнообразнымъ слоямъ населенія и ко всѣмъ состояніямъ, желаютъ работать на благо родины и вотъ, въ стѣнахъ вновь возникшаго въ Софіи учебнаго заведенія, какъ и въ Кіевѣ, мы присутствуемъ при исключительныхъ по своей живой энергіи занятіяхъ студентовъ, принадлежащихъ въ большой своей части къ матеріально необезпеченной средѣ, дѣятельно стремящейся, однако, къ высшему образованію. Едвали отъ этихъ труженниковъ, занятыхъ, къ тому же, помимо ученія, службой, мы услышимъ хронически повторяемыя въ высшей школѣ слезницы послѣднихъ лѣтъ по поводу внѣшнихъ условій, мѣшающихъ-де внимательно заниматься наукой! Напротивъ, въ отношеніи ихъ оба Ближневосточныхъ Института какъ бы призваны, несмотря на переживаемыя также и ими внѣшнія трудности, наиболѣе совершеннымъ и цѣлесообразнымъ образомъ осуществить задачу, которую, хотя и въ менѣе широкихъ предѣлахъ, чѣмъ они, ставятъ себѣ т. н. народные университеты.

Знаменательно, что національная основа какъ Кіевскаго, такъ и Софійскаго Институтовъ лишь увеличиваетъ значеніе братской связи этихъ учрежденій, духъ и стремленія которыхъ во многомъ одинаковы. Происходитъ это не только потому, что научная работа международна по самой своей природѣ. При осуществленіи славянскими свободными школами политическихъ и экономическихъ наукъ ихъ зздачъ проникновеніе именно національными интересами взываетъ къ болѣе или менѣе глубокому общенію съ тѣми, кто вслѣдствіе единства племенныхъ, религіозныхъ, культурныхъ и иныхъ условій долженъ быть вмѣстѣ. Поэтому, желая сотрудничества со всѣми вообще собратьями въ различныхъ западно-европейскихъ центрахъ, оба Ближневосточныхъ Института—Кіевскій всѣмъ своимъ устройствомъ, а Софійскій также и опредѣленными требованіями Устава—придаютъ особое значеніе общенію со славянскимъ академическимъ міромъ. Мы читаемъ въ Уставѣ Балканскаго Ближневосточнаго Института и о преподованіи въ немъ на болгарскомъ и на всѣхъ другихъ славянскихъ языкахъ, и о томъ, что кандидатами на профессорскую кафедру могутъ являться преподаватели всѣхъ славянскихъ университетовъ, и о приглашеніи для прочтенія спеціальныхъ курсовъ профессоровъ изъ славянскихъ университетовъ, а также и изъ подобныхъ Институту учрежденій, равно какъ о посылкѣ съ той же цѣлью болгарскихъ профессоровъ въ славянскія земли. Мы знаемъ въ то же время, что съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности Балканскій Ближневосточный Институтъ въ Софіи осуществилъ эти предположенія, пригласивъ рядъ русскихъ профессоровъ (П. М. Богаевскаго, М. Г. Попруженко и К. Н. Соколова). и лекторовъ (С. С. Левитскую и И. П. Нилова).

Воспринявъ въ своемъ строѣ принципы, положенія, провѣренные продолжительнымъ опытомъ учрежденія, какъ Парижская Свободная Школа, одухотворивъ свою дѣятельность мыслью о родинѣ, почерпая силы въ братскомъ стремленіи осуществить лучшіе идеалы, живущіе въ душѣ всѣхъ славянъ, сплотивъ вокругъ своего знамени крѣпную духомъ и волею болгарскую молодежь, Балканскій Ближневосточный институтъ въ Софіи призванъ служить великому дѣлу на благо Болгаріи, какъ славянскаго государства. Да здравствуетъ онъ, да процвѣтаетъ и да растетъ въ своихъ лучшихъ стремленіяхъ.

П. Богаевскій.

РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

СОФІЯ, СОФІЙСКІЙ БАНКЪ. Ул. БЕНКОВСКА, 5.

Телегр. адресъ: **Софія Рубокнига.**

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

И. Эренбургъ: „ЛИКЪ ВОЙНЫ.“ (Во Франціи).

РУССКІЕ СБОРНИКИ“ подъ ред. проф. Э. Д. Гримма и К. Н. Соколова. Книга первая.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

П. Н. Милюковъ: „ИСТОРІЯ ВТОРОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ“ въ 4 томахъ.

Кн. Н. С. Трубецкой: „ЕВРОПА И ЧЕЛОВѢЧЕСТВО.“

К. Н. Соколовъ: „ПРАВЛЕНІЕ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА.“

Г. Гребенщиковъ: „ЧУРАЕВЫ“, новый романъ.

„РУССКІЕ СБОРНИКИ“ подъ ред. проф. Э. Д. Гримма и К. Н. Соколова. Книга вторая.

Ал. Блокъ. „ДВѢНАДЦАТЬ“, съ предисловіемъ П. Сувчинскаго.

Русскія сказки для дѣтей съ иллюстраціями въ краскахъ: **„НОРКА ЗВѢРЬ“, „СЛОНИКЪ МОКА И МИШУКЪ“, „ТРИ МЕДВѢДЯ“.**

Каталогъ высылается по первому требованію.

РОССИЙСКО-
БОЛГАРСКОЕ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СОФИЯ

РУССКІЕ СБОРНИКИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРОВЪ

Э. Д. ГРИММА и К. Н. СОКОЛОВА

КНИГА ВТОРАЯ

СОФІЯ
РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

К. Н. Соколовъ. Оріентація 3

Э. Д. Гриммъ. Три цвѣта 19

Е. В. Спекторскій. Кризисъ Современнаго Государства . . . 40

Е. И. Чириковъ. Леонидъ Андреевъ. 57

Ю. Никольскій. Въ Совѣтской Россіи (по личнымъ впечатлѣніямъ) 76

ОБЗОРЫ.

Н. В. Карпинскій. Гражданская война въ Крыму 90

К. Парчевскій. Русскіе бѣженцы въ Болгаріи. 101

НОВЫЯ КНИГИ.

Кн. Н. С. Трубецкой. Европа и Человѣчество 110

Н. В. Станкевичъ. Воспоминанія 1914—1919 г. г. 111

ПРИДВОРНАЯ ТИПОГРАФІЯ, АКЦІОНЕРН. О-ВО
СОФІЯ — 1921.

РУССКІЕ СБОРНИКИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРОВЪ
Э. Д. ГРИММА и К. Н. СОКОЛОВА

КНИГА ВТОРАЯ

РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СОФІЯ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

К. Н. Соколовъ. Оріентація 3

Э. Д. Гриммъ. Три цвѣта 19

Е. В. Спекторскій. Кризисъ Современнаго Государства . . . 40

Е. И. Чириковъ. Леонидъ Андреевъ. 57

Ю. Никольскій. Въ Совѣтской Россіи (по личнымъ впечатлѣніямъ) 76

ОБЗОРЫ.

Н. В. Карпинскій. Гражданская война въ Крыму 90

К. Парчевскій. Русскіе бѣженцы въ Болгаріи. 101

НОВЫЯ КНИГИ.

Кн. Н. С. Трубецкой. Европа и Человѣчество 110

Н. В. Станкевичъ. Воспоминанія 1914—1919 г. г. 111

ПРИДВОРНАЯ ТИПОГРАФІЯ, АКЦІОНЕРН. О-ВО.
СОФІЯ — 1921.

Оріентація.

1.

Слову „оріентація“ посчастливилось въ Россіи. Оно вошло въ русскій политическій лексиконъ въ 1918 году и съ тѣхъ поръ пріобрѣло широкую популярность въ противобольшевистскихъ кругахъ. У совѣтской власти была и есть своя внѣшняя „политика“, всегда очень бойкая и беззастѣнчивая, часто очень искусная и гибкая. Противо-большевистскія военно-политическія организаціи, независимо отъ ихъ порою очень солиднаго удѣльнаго вѣса и очень крупныхъ иногда успѣховъ, во все время гражданской войны могли только „оріентироваться“ на ту или иную державу или группу державъ.

Слово „оріентація“, повидимому, впервые получило права гражданства въ Польшѣ, гдѣ въ періодъ борьбы за національное возрожденіе отдѣльныя партіи „оріентировались“ на Россію, или на Германію, или на Австрію. Потомъ его стали примѣнять къ небольшимъ балканскимъ государствамъ, которыя своею слабостью бывали вынуждаемы плыть въ фарватерѣ то той, то другой великой страны, могущей себѣ позволить роскошь самостоятельной „политики“, и придерживались сегодня австрійской, завтра русской „оріентаціи“. Но какъ бы ни былъ цѣненъ для Императорской Россіи союзъ съ Франціей, никому и въ голову не пришло бы при старомъ режимѣ говорить о „французской оріентаціи“ Петербурга, и какъ бы ни было велико для англійской политики значеніе сотрудничества съ Японіей на Дальнемъ Востокѣ, — о „японской оріентаціи“ лондонскаго кабинета никогда не было слышно. Сильной, самодовлѣющей государственности приличествуетъ внѣшняя политика, „оріентація“ довлѣетъ слабости, состоянію догосударственному или безгосударственному.

Русская внѣшняя политика, какъ и прочія проявленія русской державности, пережила при Временномъ Правительствѣ очень плачевный декадансъ. До апрѣльскихъ дней не только Россія не переставала быть полноправной участницей анти-германской коалиціи со своими особыми интересами и притязаніями, но была даже надежда, что съ паденіемъ самодержавія рухнули послѣднія препятствія на пути скораго и полнаго осуществленія національныхъ русскихъ идеаловъ, которое было гарантировано извѣстными соглашеніями 1915, 1916 г. г. Но когда „революціонная демократія“ свергла П. Н. Милюкова и въ образѣ первой „коалиціи“ установила режимъ подчиненія Временнаго Правительства полу-ленинской идеологіи петроградскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, престижъ Россіи началъ катастрофически падать и въ лагерѣ „согласія“, и въ станѣ центральныхъ державъ. Нѣмцы оголяли восточный фронтъ, на которомъ имъ противостояла разлагавшаяся и братавшаяся революціонная армія. Союзники снисходительно слѣдили за тѣмъ, какъ революціонная Россія „пересматривала“ и урѣзывала національныя „цѣли войны“, по настоящему опасаясь только серьезной попытки заключенія сепаратнаго мира съ Германіей или слишкомъ стремительной фактической ликвидаціи фронта. Тактика коалиціоннаго Временнаго Правительства, которое, отказавшись отъ лозунга „война до побѣднаго конца“, все же не усвоило полностью пораженческой доктрины Циммервальда, приблизительно „устраивала“ союзниковъ въ этихъ двухъ отношеніяхъ. Угроза сепаратныхъ переговоровъ между Россіей и Германіей была отсрочена на нѣсколько мѣсяцевъ, и втеченіе этихъ мѣсяцевъ сохранялось подобіе восточнаго фронта. Если бы режимъ А. Ф. Керенскаго продержался до весны 1918 года, когда впервые должна была дать себя почувствовать во всей силѣ американская помощь, союзники были бы совершенно удовлетворены. Раннее наступленіе большевистскаго переворота спутало ихъ разсчеты и побудило ихъ сначала разрабатывать даже фантастическіе планы кооперації съ совѣтской властью, все въ тѣхъ же видахъ дальнѣйшаго сохраненія восточнаго фронта, потомъ — войти въ конспиративныя сношенія съ русскими противо-большевистскими организаціями, чтобы добиться его возстановленія. Къ этому послѣднему моменту и опредѣлились въ русской противо-боль-

шевистской средѣ двѣ „оріентаціи“ — союзническая и германская.

Потребность въ „оріентаціи“ сказалась, прежде всего, въ формѣ смутной тоски обывательской массы сѣверной и центральной Россіи по „комъ-то“, кто придетъ, свергнетъ ненавистное коммунистическое иго и возстановитъ „человѣческія“ условія жизни. Въ Ноябрѣ 1917 года этотъ „кто-то“ былъ свой русскій Калединъ, который „взялъ“ Воронежъ и Харьковъ и готовился двинуться на Москву. Потомъ „онъ“ сталъ рисоваться иностранцемъ или даже окраиннымъ „инородцемъ“, — нѣмцемъ, японцемъ или финомъ, украинцемъ. Наконецъ, когда былъ подписанъ Брестъ-Литовскій миръ, большевистская Россія перешла на нейтральное положеніе, а Украйна была оккупирована нѣмцами, когда въ разныхъ пунктахъ необъятной страны стали завязываться узлы національной борьбы, „оріентація“ приняла свой настоящій видъ разсчета тѣхъ или иныхъ національно-русскихъ организацій, поднимавшихся съ оружіемъ въ рукахъ противъ большевизма, на помощь извнѣ со стороны той или иной державы или группы державъ.

По признаку „оріентаціи“ противо-большевистская Россія подѣлилась вскорѣ на два лагеря — „германофиловъ“ и „антантофиловъ“. „Германофильство“ активно культивировалось на Украйнѣ и на Дону, имѣя успѣхъ, по преимуществу, въ правыхъ политическихъ кругахъ. Сторонники „германофильской оріентаціи“ разсчитывали на вооруженную помощь Германіи только для сокрушенія совѣтской власти. Они надѣялись, что имъ удастся по соглашенію съ нѣмцами окончательно „вывести Россію изъ войны и, по возстановленіи національнаго правительства, удержаться на позиціи благожелательнаго нейтралитета. Приверженцы „союзнической оріентаціи“, напротивъ, были настроены воинственно. Они представляли себѣ вооруженную борьбу, въ „союзѣ“ съ державами „согласія“, противъ большевиковъ — ставленниковъ Германіи, — какъ эпизодъ міровой борьбы между союзниками и центральными монархіями. Они рекрутировались изъ либераловъ и умѣренныхъ „соціалъ-патріотовъ“. Союзническая оріентація была принята въ Сѣверной области и въ Сибири. Несмотря на многіе соблазны, ей оставалась непоколебимо вѣрной Добровольческая Армія.

2.

Условія, въ которыхъ была начата вооруженная борьба на Сѣверѣ, при поддержкѣ союзнаго десанта, и на Востокѣ, за завѣсой чехо-словацкихъ отрядовъ, естественно исключали самую возможность въ этихъ районахъ какой либо иной „оріентаціи", кромѣ союзнической. Это было настолько очевидно, что даже нѣкоторые „германофилы" соглашались выдѣлить Сѣверную Область и Сибирь изъ своихъ схемъ и примириться съ неизбѣжнымъ сотрудничествомъ съ союзниками оперировавшихъ тамъ національно-русскихъ силъ. Дѣйствительно, съ первыхъ же своихъ шаговъ мѣстныя русскія правительства твердо стали на платформѣ „согласія" и оффиціально заявили о „незыблемости союзныхъ договоровъ" и о своей готовности, при поддержкѣ союзниковъ, возсоздать восточный фронтъ.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находилась Добровольческая Армія. Когда лѣтомъ 1918 года, отдохнувъ въ Задоньѣ, она двинулась во второй кубанскій походъ, къ ней со всѣхъ сторонъ назойливо подступали волны германскаго вліянія. Въ Донской Области были нѣмцы, передовые посты которыхъ стояли у Батайска. Черное море, Крымъ, Украйна и Закавказье были въ нѣмецкихъ рукахъ. Даже на Таманскомъ полуостровѣ, на который вскорѣ должны были распространиться дѣйствія добровольцевъ, оперировали нѣмцы, занимавшіе въ общемъ линію Кубани. Соглашеніе съ нѣмцами могло обезпечить Добровольческой Арміи огромныя матеріальныя и техническія преимущества, открытая ссора съ ними могла угрожать многими тяжелыми непріятностями. Всякія надежды на союзниковъ, безконечно далекихъ и всецѣло поглощенныхъ трудной борьбой на западномъ фронтѣ, казались тщетными. Не было недостатка въ весьма авторитетныхъ политическихъ дѣятеляхъ, совѣтовавшихъ добровольческому командованію вступить на путь „германской оріентаціи" . . .

Командованіе Добровольческой Арміи отвергло безъ колебанія эти совѣты. Отрѣзанное отъ союзниковъ, оно продолжало вѣрить въ побѣду ихъ оружія и свято хранило „вѣрность договорамъ". Соображенія цѣлесообразности и, больше всего, мотивы морально-политическаго характера побуждали его держаться „союзнической оріентаціи. Въ пер-

вомъ положеніи объ Особомъ Совѣщаніи при Верховномъ Руководителѣ Добровольческой Арміи, утвержденномъ еще генераломъ Алексѣевымъ 18 Августа 1918 года, говорилось, между прочимъ, что Особое Совѣщаніе имѣетъ цѣлью „. . . организацію сношеній съ представителями державъ согласія, бывшихъ въ союзѣ съ нами и выработку плановъ совмѣстныхъ дѣйствій въ борьбѣ противъ коалиціи центральныхъ державъ". Побѣда союзниковъ надъ Германіей, какъ будто, оправдала политическій разсчетъ добровольцевъ, и въ своей извѣстной рѣчи въ торжественномъ засѣданіи Кубанской Краевой Рады I Ноября того же года генералъ Деникинъ посвятилъ вопросу объ „оріентаціи" слѣдующія краснорѣчивыя слова: „Проходя свой крестный путь, считая себя преемницей русской арміи, Добровольческая Армія въ самыхъ тяжелыхъ, казалось, безвыходныхъ обстоятельствахъ своей жизни осталась вѣрной договорамъ съ союзными державами и ни на одну минуту не запятнала себя предательствомъ. Событія послѣднихъ дней доказали, что прямая и честная политика вѣрнѣе... И мы съ открытой душой шлемъ свои сердечныя пожеланія доблестнымъ войскамъ нашихъ союзниковъ".

Въ Ноябрѣ 1918 года сторонники „союзнической оріентаціи" ожидали скораго и самаго благотворнаго вліянія побѣды союзниковъ на ходъ вооруженной борьбы съ большевиками. Ихъ надеждамъ не суждено было сбыться. Но никакія испытанія и разочарованія не могли побудить Верховнаго Правителя, адмирала Колчака, и Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Югѣ Россіи, генерала Деникина, отклониться отъ однажды намѣченной линіи поведенія. 30 мая 1919 года генералъ Деникинъ объявилъ о своемъ подчиненіи адмиралу Колчаку, какъ Верховному Правителю Русскаго Государства и Верховному Главнокомандующему Русскихъ Армій. Этотъ огромной важности политическій актъ былъ предпринятъ, повидимому, въ значительной степени во вниманіе къ союзникамъ. Во концѣ мая въ Екатеринодарѣ появились командированные къ генералу Деникину изъ Парижа Русскимъ Политическимъ Совѣщаніемъ генералъ Щербачевъ, М. С. Аджемовъ и В. В. Вырубовъ. Они связывали объединеніе подъ властью Верховнаго Правителя всѣхъ противо-большевистскихъ силъ съ предстоявшимъ будто бы признаніемъ адмирала Колчака державами „согласія". Генералъ Деникинъ ад-

миралу Колчаку подчинился. Адмиралъ Колчакъ международнаго признанія не получилъ.

Во второй половинѣ 1919 года политика союзниковъ по отношенію къ національной Россіи стала дѣлаться все болѣе и болѣе двусмысленной. Въ ноябрѣ Ллойдъ-Джорджъ открыто выступилъ съ руссофобскими заявленіями. Рыцарская „вѣрность договорамъ", характерная для Южно-Русской власти, все же устояла. 14 Декабря въ Наказѣ Особому Совѣщанію генералъ Деникинъ писалъ: „Внѣшняя политика — только національная, русская. Несмотря на возникающія иногда колебанія въ русскомъ вопросѣ у союзниковъ — итти съ ними. Ибо другая комбинація морально недопустима и реально неосуществима". . .

3.

„Союзныя и ассоціированныя державы удовлетворены отвѣтомъ адмирала Колчака, который, какъ имъ кажется, содержитъ достаточныя гарантіи свободы, самоуправленія и мирнаго сожительства народовъ Россіи и ихъ сосѣдей. Онѣ готовы содѣйствовать адмиралу Колчаку и его сотоварищамъ снабженіемъ денежными средствами и продовольствіемъ въ образованіи имъ Всероссійскаго Правительства". Такъ, за подписью Клемансо, Ллойдъ-Джорджа, Орландо, Вильсона и Сайондзи, Верховный Совѣтъ реагировалъ лѣтомъ 1919 года на очередную демократическую декларацію Верховнаго Правителя, истребованную отъ него союзниками. Дальше этого полу-признанія дѣло не пошло.

Между тѣмъ руководители противо-большевистскихъ силъ всегда придавали огромное значеніе настоящему, полному признанію союзниками національно-русскаго правительства. Такое признаніе было бы, дѣйствительно, чрезвычайно цѣнно съ многихъ точекъ зрѣнія. Прежде всего, оно окончательно устранило бы всякую возможность признанія совѣтской власти. Оно подняло бы престижъ національно-русской государственности по обѣ стороны фронта гражданской войны. Логическимъ выводомъ изъ него явилось бы допущеніе представителей національной Россіи къ участію съ рѣшающимъ голосомъ во всѣхъ международныхъ совѣтахъ и конференціяхъ. Признавъ національное правительство Россіи и тѣмъ

самымъ неразрывно связавъ себя съ нимъ, союзники были бы вынуждены оказывать ему, въ собственныхъ интересахъ, систематическую и дѣятельную помощь. Въ то же время они должны были бы усвоить и санкціонировать своимъ авторитетомъ основной лозунгъ Колчака и Деникина, лозунгъ воссозданія Единой Россіи и, слѣдовательно, навсегда порвать съ окраинными сепаратистами. Никто не станетъ отрицать, что признаніе національно-русской власти сопровождалось бы для союзниковъ извѣстнымъ рискомъ. Но безъ риска никогда не обходится политика „большого стиля“. . .

Политика непризнанія противо-большевистской государственности, и въ самомъ дѣлѣ, сочеталась у союзниковъ съ неяснымъ отношеніемъ къ совѣтской власти. Правда, они всегда произносили по адресу Ленина и Троцкаго очень страшныя слова. По существу же, они никогда не обнаруживали здѣсь принципіальной непримиримости. Въ началѣ 1919 года союзники выступили съ предложеніемъ о конференціи на Принкипо, которое ставило на одну доску представителей совѣтскаго режима и противо-большевистскихъ организацій. Годъ спустя, они приняли рѣшеніе возобновить торговыя сношенія съ совѣтской Россіей, что, по существу, было бы равносильно фактическому признанію большевистскаго правительства, и преподали окраиннымъ „образованіямъ“ свои знаменитые „совѣты“ о воздержаніи отъ активныхъ дѣйствій противъ большевиковъ. Если эти „авансы“ красной Москвѣ не получали каждый разъ значительнаго развитія, то объясненія тому нужно искать уже въ тактикѣ самихъ большевиковъ.

Не признавая ни большевистской, ни противо-большевистской русской государственности, союзники естественно пришли къ совершенному международному обезличенію Россіи. Въ концѣ 1918-го и началѣ 1919 года, когда происходили приготовленія къ созыву мирной конференціи, русскіе патріоты на Востокѣ и на Югѣ ласкали себя мечтой, что „вѣрность договорамъ“ и работа по возстановленію восточнаго фронта обезпечатъ имъ мѣсто на международномъ конгрессѣ. Въ Парижѣ въ это время находился С. Д. Сазоновъ, совмѣщавшій должности министра иностранныхъ дѣлъ въ правительствѣ адмирала Колчака и управляющаго дипломатическимъ отдѣломъ Особаго Совѣщанія при генералѣ Деникинѣ.

Въ Парижѣ пребывала и русская политическая делегація, такъ называемая „четверка", выдвинутая Русскимъ Политическимъ Совѣщаніемъ и снабженная надлежащими полномочіями отъ адмирала Колчака и генерала Деникина. Союзники уклонились отъ оффиціальнаго общенія съ этими представителями противо-большевистской Россіи. Русскіе люди „союзнической оріентаціи", *не ждавшіе побѣды согласія, чтобы отвергнуть Брестъ-Литовскій миръ*, наталкивались въ высокихъ сферахъ международной политики на своеобразный „заговоръ молчанія". На праздникѣ побѣды 14 Іюля не нашлось самаго скромнаго мѣста для Россіи. Къ подножію „Памятника Мертвымъ" подъ Тріумфальною Аркой однимъ изъ чиновъ военной миссіи былъ возложенъ вѣнокъ отъ имени милліона русскихъ людей, „павшихъ за общее дѣло". Объ этомъ едва упомянули въ газетахъ.

Могутъ, пожалуй, сказать, что формально не признавая русскихъ противо-большевистскихъ организацій, союзники за то фактически оказывали имъ помощь, и что, въ концѣ концовъ, это самое главное. Дѣйствительно, въ разное время на Сѣверѣ, Востокѣ и Югѣ дѣйствовали на фронтахъ гражданской войны болѣе или менѣе крупные отряды союзныхъ войскъ; дѣйствительно, союзники содержали чехо-словаковъ, сыгравшихъ на восточномъ фронтѣ сначала такую героическую, потомъ такую гибельную роль; союзный флотъ блокировалъ занятые большевиками черноморскіе порты, и арміи адмирала Колчака, генерала Деникина, генерала Миллера и генерала Юденича получали обмундированіе и снаряженіе отъ союзниковъ. Было бы черною неблагодарностью и непростительнымъ легкомысліемъ забывать объ этой матеріальной поддержкѣ, безъ которой національныя арміи вообще не могли бы существовать. Но не слѣдуетъ и преувеличивать ея значенія, размѣровъ и дѣйственности. Помощь оказывалась медлительно, какъ то стыдливо, иногда, можно сказать, „изъ подъ полы". Она оказывалась отъ „избытка" и носила, по существу, *характеръ ликвидаціи запасовъ, оставшихся отъ великой войны*. Въ палатѣ общинъ было однажды сказано, что если не посылать эти излишки генералу Деникину, то ихъ все равно пришлось бы сбывать за безцѣнокъ. Болѣе же широко поставленные опыты активнаго вмѣшательства союзниковъ въ русскія дѣла неизмѣнно оканчивались неу-

дачей. Позорная исторія бѣгства французовъ изъ Одессы и Крыма еще у всѣхъ въ памяти...

Ни въ чемъ, впрочемъ, не сказывалась такъ наглядно половинчатость русской политики союзниковъ, какъ въ ихъ отношеніи къ идеѣ Единой Россіи. Эта идея была положена во главу угла программы иниціаторовъ и первыхъ руководителей вооруженной борьбы съ большевиками. Во имя нея стекались къ Алексѣеву и Корнилову, Колчаку и Деникину и жертвовали жизнью многія тысячи русскихъ людей. Сторонники „союзнической оріентаціи" едва ли не главный аргументъ въ ея пользу видѣли въ томъ, что союзники стоятъ за возсозданіе Единой Россіи, и уже, конечно, главнымъ доводомъ противъ „германской оріентаціи" служила имъ ссылка на расчлененіе Россіи нѣмцами. *На дѣлѣ не было почти ни одного окраиннаго сепаратистскаго движенія, въ которомъ вслѣдъ за нѣмцами не скомпрометировали бы себя и союзники.* Въ Одессѣ французы кокетничали съ украинцами. Въ Закавказьѣ, въ Батумѣ, Тифлисѣ и Баку работали специфическаго типа „колоніальные англичане". Въ сѣверо-западномъ краѣ прославили себя представители англійской военной миссіи, генералъ Гофъ и полковникъ Маршъ. 10 Августа 1919 года полковникъ Маршъ, угрожая прекращеніемъ союзнической помощи генералу Юденичу, форсировалъ въ 40 минутъ — образованіе Сѣверо-Западнаго Правительства и вырвалъ у него признаніе независимости Эстоніи. Достойно вниманія, что къ этой операціи, кромѣ представителя Англіи, были причастны начальникъ французской военной миссіи и начальникъ американской политической миссіи . . .

Весной и лѣтомъ 1918 года союзники были кровно заинтересованы въ возстановленіи восточнаго фронта. Поэтому ихъ русская политика отличалась тогда наибольшею опредѣленностью, и руссофильскія ихъ тенденціи были ярки и сильны. Послѣ осенней побѣды восточный фронтъ сталъ ненуженъ. Что еще могло связывать союзниковъ съ русскими противобольшевистскими организаціями? Страхъ передъ большевистской опасностью? Колеблющійся разсчетъ на то, что кому либо изъ вождей національной борьбы удастся таки пріобрѣсти всероссійское вліяніе? Чувство долга по отношенію къ людямъ, которые повѣрили имъ и на нихъ „оріентировались"? Политика союзниковъ начала запутываться въ противорѣ-

чіяхъ. Но въ 1920 году стало опять какъ будто виднѣе въ русскихъ дѣлахъ. Одинъ за другимъ потерпѣли пораженіе Юденичъ, Колчакъ и Деникинъ, вяло поддержанные союзниками. Сложилъ оружіе обезсиленный уходомъ союзниковъ Миллеръ. Совѣтская власть оказалась жизнеспособнѣе, чѣмъ думали. Союзники не замедлили учесть новое положеніе вещей и пути ихъ разошлись. Соединенные Штаты склонились къ политикѣ невмѣшательства и благожелательнаго выжиданія, нашедшей себѣ законченное и прекрасное выраженіе въ нотѣ 10 Августа. Англія рѣшила, во что бы то ни стало, завязать торговыя сношенія съ большевиками, по-прежнему уклоняясь отъ признанія совѣтскаго правительства. Франція — послѣ того, какъ красная армія одержала на польскомъ фронтѣ головокружительныя и эфемерныя побѣды—признала генерала Врангеля . . .

Послѣдніе мѣсяцы крымской эпопеи ознаменовались, такимъ образомъ, послѣднею вспышкой уже не „союзнической“ вообще, а спеціально „французской оріентаціи“. Русскіе патріоты съ энтузіазмомъ привѣтствовали потерянную и вновь обрѣтенную „союзницу“. Французы не остались въ долгу. Франція присоединилась къ принципамъ американской ноты. Съ трибуны французской палаты депутатовъ раздались, наконецъ, слова запоздалой благодарности Россіи, сдѣлавшей возможными побѣду на Марнѣ и славную оборону Вердена. 20 Октября на торжественномъ пріемѣ у генерала Врангеля дипломатическій представитель Франціи говорилъ о „традиціонномъ союзѣ и дружбѣ“. Графъ де-Мартель обѣщалъ при этомъ Южно-Русскому Правительству „поддержку *въ предѣлахъ возможности*, полную моральную и матеріальную помощь *въ предѣлахъ возможности*“. Эти „предѣлы“, вѣроятно, не случайно упомянутые дважды, оказались довольно узкими. Франція не имѣла „возможности“ помѣшать заключенію въ Ригѣ прелиминарнаго мира между Польшей и большевиками. А рижскій миръ, освободившій значительныя силы красной арміи, автоматически повлекъ за собой прорывъ крымскаго фронта, послѣдняго серьезнаго фронта гражданской войны въ Россіи.

Крымская катастрофа снова сблизила политику Франціи съ политикой Англіи. Французскій министръ-президентъ Жоржъ

Лейгъ тотчасъ заявилъ себя закоренѣлымъ противникомъ „блокады“ совѣтской Россіи и сторонникомъ „приватныхъ“ торговыхъ сношеній.

4.

Запросы, которыми союзники періодически донимали всѣхъ руководителей національной борьбы въ Россіи, касались обыкновенно двухъ темъ — „демократической“ политической программы, въ частности „либеральнаго“ отношенія къ окраинамъ, и подтвержденія „ненарушимости“ международныхъ обязательствъ „старой“ Россіи. Будучи вообще настроены крайне „революціонно“ въ русскихъ дѣлахъ и за русскій, конечно, счетъ, союзныя правительства обнаруживали самый упорный „консерватизмъ“, когда дѣло доходило до международныхъ обязательствъ Россіи, особенно обязательствъ финансовыхъ. О признаніи долговъ „старой“ Россіи союзные государственные дѣятели говорили, писали и телеграфировали съ настойчивостью, доходившею до безвкусія, лишній разъ подтверждая справедливость извѣстной нѣмецкой поговорки, согласно которой въ денежныхъ дѣлахъ „hört jede Gemütlichkeit auf“.

Въ анти-большевистской Россіи это обстоятельство было хорошо извѣстно. Лѣтомъ 1918 года, когда начиналась организованная вооруженная борьба противъ большевиковъ въ Сибири, Временное Сибирское Правительство выдвигало въ качествѣ двухъ главныхъ пунктовъ своей программы „созданіе хорошо дисциплинированной русской арміи для возстановленія, совмѣстно съ союзниками, боевого фронта противъ Германіи“ и „признаніе всѣхъ международныхъ договоровъ и соглашеній, заключенныхъ Россіей до 25 октября 1917 года“. Въ переговорахъ, предшествовавшихъ признанію Франціей генерала Врангеля, тема о международныхъ обязательствахъ трактовалась съ величайшею подробностью и рѣшительностью. Еще 20 Іюля, говоря въ палатѣ депутатовъ о „фактическомъ Южно-Русскомъ Правительствѣ“, министръ-президентъ Мильеранъ коснулся военныхъ успѣховъ генерала Врангеля, подчеркнулъ демократическій характеръ его земельной реформы и сказалъ: „Въ тотъ день, когда это фактическое правительство возбудило бы вопросъ о международномъ

признаніи его въ качествѣ такового, ему, разумѣется, было бы поставлено одно предварительное условіе: чтобы оно прежде всего подтвердило свою отвѣтственность по всѣмъ обязательствамъ, принятымъ на себя прежними русскими правительствами въ отношеніи иностранныхъ государствъ". Къ 11 Августа соотвѣтствующія авторитетныя завѣренія были получены французскимъ правительствомъ. Находившійся въ Парижѣ начальникъ управленія финансовъ при генералѣ Врангелѣ, М. В. Бернацкій „формально заявилъ", что „его правительство" всегда стояло и стоитъ за признаніе всѣхъ обязательствъ Россіи по отношенію къ иностраннымъ государствамъ". Руководившій въ то время дѣятельностью русскихъ дипломатическихъ агентовъ заграницей М. Н. Гирсъ опубликовалъ декларацію изъ восьми пунктовъ, причемъ п. п. 7-й и 8-й спеціально говорили о „формальномъ признаніи международныхъ соглашеній, заключенныхъ между бывшими русскими правительствами и иностраннымы державами", и о „платежахъ по русскому долгу, гарантіей которыхъ должно явиться экономическое возрожденіе страны". Въ оффиціальной формулѣ признанія Южно-Русскаго Правительства опять таки нашла себѣ мѣсто ссылка на „соблюденіе прежнихъ обязательствъ Россійскаго Государства".

На генералѣ Врангелѣ оборвалась династія славныхъ военныхъ вождей національно-русскаго движенія, преемственно поддерживавшихъ традиціи законной русской государственности. Провозгласивъ, что съ паденіемъ Крыма отпали всѣ послѣдствія признанія Южно-Русскаго Правительства, и Франція — послѣдняя изъ „союзныхъ" державъ — отказалась отъ права и возможности въ своихъ сношеніяхъ съ будущимъ законнымъ правительствомъ Россіи использовать всѣ тѣ многочисленныя „завѣренія" и „подтвержденія", которыя были получены ею въ періодъ гражданской войны подъ флагомъ „союзнической ориентаціи". Конечно, никакое „правильное" русское правительство не будетъ въ состояніи, не рискуя всѣмъ своимъ международнымъ кредитомъ, отказаться отъ платежей по русскому государственному долгу. Но оно несомнѣнно увидитъ себя вынужденнымъ подвергнутъ тщательной провѣркѣ тотъ „счетъ", который не замедлятъ представить ему союзники. Очень замѣтную часть этого счета составятъ, очевидно, кредиты, отпущенные Россіи на веденіе войны. Россія будетъ въ правѣ потребовать, чтобы при под-

веденіи окончательнаго финансоваго баланса войны были приняты во вниманіе тѣ громадныя пріобрѣтенія, которыя доставила союзникамъ побѣда, подготовленная, между прочимъ, и милліонами русскихъ героевъ. Въ области же собственно политической никакихъ формальныхъ обязательствъ по отношенію къ союзникамъ на возстановленной Россіи лежать не будетъ. Бывшіе ея союзники сами позаботились о томъ, чтобы освободить Россію отъ нихъ.

Строго говоря, достаточно было бы простого здраваго смысла и принятой въ международномъ правѣ оговорки „rebus sic stantibus“, чтобы придти къ заключенію, что связывавшіе раньше Россію съ союзниками договоры политическаго характера разорваны вихремъ революціонныхъ событій. Но образъ дѣйствій державъ „согласія“ за годы гражданской войны еще болѣе упростилъ и выяснилъ положеніе. Собственно, военный союзъ державъ-участницъ анти-германской коалиціи былъ закрѣпленъ лондонскимъ соглашеніемъ о совмѣстномъ веденіи мирныхъ переговоровъ. Нарушенное сначала совѣтской властью, оно было затѣмъ нарушено и бывшими союзниками Россіи, которые закрыли двери мирной конференціи для представителей русской противо-большевистской государственности. Спеціально русскіе государственные интересы въ міровой войнѣ были гарантированы соглашеніями 1915 и 1916 г. г., которыя обезпечивали Россіи обладаніе Константинополемъ и господство надъ проливами. Въ Севрскомъ договорѣ бывшіе союзники отреклись отъ идеи, выраженной въ этихъ соглашеніяхъ, и, если онъ нынѣ будетъ пересмотрѣнъ, то, конечно, не въ интересахъ Россіи. Изъ договоровъ, предшествовавшихъ войнѣ и имѣвшихъ „конститутивное“ значеніе для „антанты“, особенно видная роль принадлежала англо-русскому соглашенію 1907 года по персидскимъ дѣламъ. Англо-персидскій договоръ 1919 года, который подчинилъ „русскую зону“ въ Персіи англійскому вліянію, равносиленъ возвращенію къ политикѣ соперничества между Англіей и Россіей въ Средней Азіи. Впрочемъ, надо ли увеличивать число этихъ примѣровъ? Не проще ли сослаться на договоръ объ „окончательномъ“ присоединеніи Бессарабіи къ Румыніи, который Англія, Франція и Италія подписали 28 Октября 1920 года и который представляетъ собой уже просто враждебный актъ по отношенію къ Россіи со стороны ея бывшихъ союзниковъ?

Россія начнетъ опять жить національно-государственной жизнью среди развалинъ. Когда она разстанется, наконецъ, съ „оріентаціей“ и получитъ возможность дѣлать международную политику, ей, прежде всего, придется снова искать себѣ союзниковъ.

5.

Въ выборѣ союзниковъ народы, какъ и отдѣльные люди, бываютъ движимы разсчетомъ и чувствомъ.

Если бы направленіе международной политики возстановленной Россіи опредѣлилось исключительно чувствомъ, то — въ этомъ можно быть заранѣе увѣреннымъ — оно не совпало бы съ направленіемъ „союзнической оріентаціи“. Политическіе эмигранты, „дѣлающіе русское дѣло“ въ столицахъ „согласія“, уже втеченіе двухъ или трехъ лѣтъ, могутъ баюкать себя и своихъ иностранныхъ слушателей фразами о предустановленной гармоніи интересовъ „демократической“ Россіи и западныхъ демократій. Люди, проведшіе эти годы въ гущѣ гражданской войны, хорошо знаютъ, какія чувства питаетъ русская сѣрая обывательская масса, — то есть самая подлинная „демократія“, — къ великимъ державамъ, на которыя ее „оріентировали“. У этой массы и въ сферѣ дѣйствія противобольшевистскихъ силъ, и въ центрѣ совѣтской Россіи сложилась типическая для побѣжденныхъ народовъ психологія подозрительности и озлобленія. Элементарная добросовѣстность по отношенію къ бывшимъ союзникамъ Россіи требуетъ не замалчивать этого факта, а указывать имъ на него просто и откровенно.

Во время войны русская масса была исполнена восторженнаго уваженія къ союзнымъ странамъ. Послѣ побѣды отъ союзниковъ зависѣло не только сохранить, но и преумножить этотъ драгоцѣнный капиталъ народныхъ симпатій. Благодаря своимъ ошибкамъ и колебаніямъ въ русской политикѣ, они растратили его почти безъ остатка. Неудержимое паденіе популярности „антанты“ въ Россіи часто приписываютъ демоническимъ происканъ вездѣсущихъ „германофиловъ“. Это очень оптимистическое объясненіе. Въ дѣйствительности, съ момента пораженія Германіи настоящіе „германофилы“, увѣренные, что „время работаетъ на нихъ“, ото-

шли отъ активной политики, и періодически возникавшія въ противо-большевистской Россіи вспышки „германской ориентаціи“ были проявленіями стихійной реакціи на тѣ разочарованія и униженія, которыя принесла съ собой „союзническая ориентація“ и которыя заставляли даже русскихъ патріотовъ слишкомъ легко забывать о прошлой работѣ Германіи надъ расчлененіемъ Россіи. Германофильская пропаганда, въ лучшемъ для нея случаѣ, только ускоряла и обостряла этотъ совершенно закономѣрный процессъ.

Будущимъ руководителямъ внѣшней политики Россіи придется обнаружить величайшую выдержку, чтобы все же провѣрить эти указанія чувства соображеніями холоднаго разсчета. Но уже сейчасъ можно видѣть, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ чувство и разсчетъ вполнѣ совпадутъ. Нормально чувствующему русскому патріоту, при всемъ его преклоненіи передъ геніемъ англійскаго народа, безусловно чуждо сейчасъ англофильство, бывшее еще такъ недавно однимъ изъ догматовъ русскаго либерализма. Но нѣтъ и такихъ соображеній цѣлесообразности, которыя могли бы побудить русскихъ политиковъ, бравируя народныя симпатіи и антипатіи, во что бы то ни стало искать сближенія съ Англіей. Сама Англія сдѣлала свой выборъ. Давно было замѣчено, что англо-русскія отношенія не могутъ носить безразличнаго характера, что они неизбѣжно должны выливаться въ миролюбивое сотрудничество или въ открытое соперничество. Англійская политика, несмотря на трудное внутреннее состояніе Британской Имперіи, рѣшительно пошла по второму пути. Нѣтъ основаній думать, чтобы въ обозримомъ будущемъ она свернула съ него. Иначе обстоитъ дѣло съ русско-французскими отношеніями. Они отличались гораздо большею устойчивостью, потому что интересы Россіи и Франціи нигдѣ непосредственно не сталкивались, и самое географическое положеніе этихъ странъ дѣлало ихъ двумя естественными опорами европейскаго равновѣсія. Война, правда, чрезвычайно расширила сферу колоніальной активности Франціи и передѣлала карту Европы. Тѣмъ не менѣе, въ старомъ франко-русскомъ союзѣ была такая сила внутренней логики, что съ обѣихъ сторонъ будутъ, навѣрно, предприняты попытки возстановленія его на новыхъ основаніяхъ. Эти попытки будутъ только въ томъ случаѣ жизненны, — опять таки съ точки зрѣнія и чувства, и разсчета —, если,

разъ навсегда отказавшись отъ тенденцій къ ослабленію Россіи чрезъ расчлененіе ея, прорывающихся сейчасъ и въ радикальной, и въ консервативной французской печати, Франція снова свяжетъ свои историческія судьбы съ мощной Единой Россіей.

Пока нѣтъ ни возможности, ни надобности вдаваться въ болѣе детальныя разсужденія о будущей внѣшней политикѣ Россіи. Детали относятся уже къ компетенціи грядущаго всероссійскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Его роль будетъ очень отвѣтственна, не менѣе, чѣмъ роль его коллеги по финансовому вѣдомству. Но въ его положеніи будетъ одна благодарная сторона — возможность выбора между нѣсколькими международными комбинаціями. Если европейская промышленность изголодалась по русскому сырью, то международная политика изголодалась по Россіи, какъ факторѣ мірового равновѣсія. При всей своей, вѣроятной на первое время, финансовой и экономической слабости, возстановленная Россія недостатка въ союзникахъ испытывать не будетъ.

К. Соколовъ.

Три цвѣта.

„Les révolutions sont la forme barbare du progrès. Si noble, si féconde, si necessaire que soit une révolution, elle appartient toujours à l'époque inférieure et demibestiale de l'humanité". J. Jaurès, la Convention p. 1671. (Histoire socialiste).

Послѣдовательныя пораженія Колчака, Деникина и Врангеля, не говоря уже о гибели болѣе слабыхъ центровъ вооруженной борьбы съ большевизмомъ, вызвали какъ среди части русскихъ людей, такъ, въ особенности, среди иностранцевъ представленіе о чрезвычайной силѣ и національномъ характерѣ русскаго большевизма. Никакія статистическія данныя, говорящія о распадѣ русской хозяйственной и культурной жизни, никакіе разсказы свидѣтелей, совершенно безспорныхъ даже съ общеевропейской точки зрѣнія, о деспотизмѣ вождей третьяго интернаціонала не производятъ впечатлѣнія. Фактъ пораженія русскихъ враговъ большевизма красными войсками дѣйствуетъ сильнѣе и болѣе непосредственно на впечатлительность массъ, чѣмъ самыя краснорѣчивыя цифры и самые яркіе разсказы очевидцевъ большевистскаго террора.

Европейское общество потеряло вѣру въ себя. Всѣ его недавнія убѣжденія — вѣра въ традиціонныя формы демократіи, въ парламентаризмъ и, что серьезнѣе всего, въ основы европейской культуры—подорваны. Не только народныя массы, но и тѣ слои европейскаго общества, которые въ первую голову пользовались благами цивилизаціи и творили ихъ, охвачены одни радостнымъ, другіе скорбнымъ, но всегда, по существу своему однороднымъ чувствомъ, — чувствомъ, что старая европейская жизнь изжила себя и должна уступить мѣсто

чему то новому. Это новое представляется однимъ полнымъ глубокаго содержанія, другимъ какъ начало конца, но и тѣ и другіе все больше проникаются фаталистической вѣрой въ крушеніе нынѣшняго и въ наступленіе новаго порядка. Первыхъ этотъ фатализмъ вдохновляетъ, вторыхъ онъ лишаетъ воодушевленія и силы сопротивленія; но какъ бы ни относиться къ нему, ясно, что въ созданіи его немалую роль сыграли событія послѣднихъ трехъ лѣтъ русской жизни. Даже свѣдѣнія о мрачныхъ сторонахъ совѣтской жизни скорѣе содѣйствуютъ росту его: въ томъ, что русскій народъ переноситъ тяжелый ужасъ совѣтской жизни, усматриваютъ доказательство въ пользу стихійной неизбѣжности движенія, которому не мѣшаетъ существовать и одерживать военныя и дипломатическія побѣды даже этотъ ужасъ.

Красные — таково общее мнѣніе — побѣдили бѣлыхъ потому, что первые пользовались, вторые не пользовались поддержкой народныхъ массъ. По мнѣнію однихъ, народныя массы дѣйствовали при этомъ въ смутномъ или ясномъ сознаніи своихъ интересовъ; по мнѣнію другихъ, они дѣйствовали такъ вопреки имъ. Но существо пониманія побѣды красныхъ надъ бѣлыми отъ этого не мѣняется.

Есть, правда, еще одно, довольно распространенное, объясненіе совершившихся на нашихъ глазахъ событій. Оно сводится къ тому, что, пріученный ходомъ своего историческаго развитія къ пассивному повиновенію государственной власти, русскій народъ оказался и понынѣ оказывается безвольной жертвой безграничнаго деспотизма большевиковъ.

Было бы странно отвергать полностью всякое основаніе какъ перваго, такъ и второго изъ этихъ взглядовъ. Только страдая безнадежной близорукостью, можно отрицать значеніе личнаго эгоизма въ жизни людей и обществъ или отрицать, наряду съ нимъ, вліяніе большевистскаго террора на русскую жизнь. Ни то, ни другое объясненіе, однако, не исчерпываютъ всей сложности русской жизни и не подходятъ достаточно близко къ пониманію ея существа.

* * *

Что собственно происходило въ Россіи за эти три года и въ чемъ заключаются сейчасъ характерныя черты ея жизни?

Вѣрно ли, въ частности, что красные побѣдили бѣлыхъ благодаря тому, что они опираются на народныя массы? А если невѣрно, то почему же они все-таки одержали безспорную побѣду и каковъ удѣльный вѣсъ этой побѣды?

Еще до 27 Февраля 1917 г. въ русской жизни множились признаки растущаго бытового протеста массъ противъ государственнаго порядка во всѣхъ его видахъ. Случаи самовольнаго ухода солдатъ какъ съ позицій, такъ и изъ выросшихъ до нелѣпо сказочныхъ цифръ тыловыхъ частей стали настолько многочисленными, что становилось все болѣе труднымъ бороться съ этимъ зломъ. Желѣзныя дороги уже брались порой съ бою, когда — какъ напримѣръ, лѣтомъ 1916 г. по сѣверной дорогѣ — по нимъ потянулись массы солдатъ, получившихъ кратковременный отпускъ и стремившихся возможно скорѣе попасть, кто въ Новгородскую, кто въ Вятскую, кто въ Пермскую губернію. Правда, солдаты еще не считали себя настолько хозяевами положенія, чтобы сгонять пассажировъ, въ особенности пассажировъ двухъ первыхъ классовъ, съ ихъ мѣстъ, но никакіе окрики и распоряженія начальниковъ даже крупныхъ пунктовъ, располагавшихъ, казалось, достаточными силами, чтобы придать своимъ словамъ вѣсъ, уже не были дѣйствительны, когда они дѣлали попытки заставить солдатъ не занимать сплошь крыши всѣхъ вагоновъ, всѣ проходы, буфера и т. д. Тоже самое совершалось нерѣдко и на пароходахъ. Понятно, что эти факты особенно сильно бросались въ глаза, когда они касались арміи, вызывая, кстати сказать, и тогда скорѣе всего снисходительное отношеніе со стороны зрителей, непосредственно отъ нихъ пострадавшихъ. Менѣе замѣтны — но, по своему, отнюдь не менѣе показательны и угрожающи — были тѣ многочисленные „случаи“ изъ деревенской и городской жизни, которые, каждый порознь и всѣ вмѣстѣ, свидѣтельствовали о возраставшемъ упадкѣ авторитета власти и уваженія къ повседневнымъ правиламъ бытового порядка. Говорили о ростѣ „хулиганства“, но явленіе было сложнѣе и важнѣе, чѣмъ простое количественное увеличеніе „преступныхъ элементовъ“, процентъ которыхъ на массу населенія всегда имѣетъ свой естественный предѣлъ. Важнѣе было то, что безспорно не преступные элементы, а масса самыхъ обыкновенныхъ обывателей стала проявлять еще болѣе усиленное пренебреженіе къ законности

и порядку чѣмъ то, какое свойственно народамъ, находящимся на культурномъ и административно-политическомъ уровнѣ русскаго народа до-революціоннаго времени.

Въ связи со всѣмъ этимъ, все чаще въ политически мыслящихъ кругахъ, въ томъ числѣ даже весьма и весьма лѣвыхъ, говорилось съ тревогой о грядущей пугачевщинѣ. Однако, при всей своей искренности, эта тревога сохраняла все же какой то формальный, словесный, не глубокій и не дѣятельный характеръ. Во всякомъ случаѣ она не приводила къ тому, чтобы русское общество серьезно вдумалось въ огромныя трудности, которыя, даже въ лучшемъ случаѣ, должны были возникнуть въ моментъ, когда, наконецъ, грянетъ давно ожидаемая всѣми революція. Частью это случилось потому что никто, строго говоря, въ скорое наступленіе революціи не вѣрилъ; никто, въ особенности, не допускалъ, что она совершится, пока продолжается война, а потому необходимость вдуматься въ существо вопроса какъ бы отодвигалась въ какую то неопредѣленную даль. Частью въ этомъ сказывалась привычная идеализація революцій и привычное же замалчиваніе ихъ мрачныхъ чертъ въ преобладающей массѣ литературы, посвященной ихъ изображенію и анализу. Извѣстную роль играла смутная надежда, что не будетъ же русская революція болѣе разрушительной, чѣмъ рядъ революцій XIX вѣка, надежда, вслѣдствіе которой самое понятіе пугачевщины не воспринималось во всемъ его роковомъ ужасѣ.

Впрочемъ, самая мысль о возможности всероссійской пугачевщины была удѣломъ въ общемъ небольшого круга людей. Настроеніе огромной массы интеллигентнаго и полуинтеллигентнаго общества — крайне наивнаго по части историческихъ знаній, привычки считаться съ психологіей массъ и административно-политическаго опыта—было далеко даже отъ той суммы мрачныхъ предвидѣній, которая заставляла другихъ людей, признававшихъ необходимость и даже вѣрившихъ въ конечную благодѣтельность революціи, морщиться и возражать, когда кругомъ раздавались наивныя пѣсни въ хвалу „Великой, Безкровной, Славной".

Первымъ и важнѣйшимъ результатомъ революціи былъ совершенно исключительной силы параличъ *государственной* власти, — именно государственной власти, какъ таковой, а не власти дома Романовыхъ или какого бы то ни было гос-

подствовавшаго сословія или класса. Все огромное значеніе этого факта, продолжающаго проявлять свое роковое вліяніе посейчасъ, не проникло, кажется, *до сихъ поръ* въ сознаніе даже внимательныхъ наблюдателей. Именно оно опредѣляетъ понынѣ характеръ русской народной жизни.

Здѣсь не мѣсто говорить о причинахъ этого явленія. Фактъ тотъ, что изъ всѣхъ остальныхъ европейскихъ народовъ до русской революціи только одинъ народъ, а именно французскій въ 1789 и слѣдующихъ годахъ пережилъ такое разложеніе государственнаго аппарата, зрителемъ котораго стали мы. Послѣ психоза „великаго страха", охватившаго лѣтомъ 1789 г. всю Францію и уничтожившаго всю прежнюю организацію государства, Франція, по образному выраженію одного историка, распалась на 40000 городскихъ и сельскихъ коммунъ-республикъ. Крайне неудачное административное законодательство Учредительнаго Собранія только закрѣпило этотъ фактъ, но отнюдь не создало его. Отдѣльные города, даже отдѣльныя деревни стали вести свою собственную продовольственную политику, пропускать или не пропускать не только подозрительныхъ, по ихъ мнѣнію, путешественниковъ, но и хлѣбные и иные транспорты, отбивать ихъ другъ у друга и т. д.

Въ крупныхъ городахъ, напримѣръ, въ Парижѣ, отдѣльныя части города проявляли, въ свою очередь, такую же точно тенденцію къ дальнѣйшему развитію „автономіи", какую проявляла въ Петроградѣ одно время пунцово-красная Выборгская сторона, недовольная недостаточной революціонностью „Краснаго Петрограда".

Старая королевская армія Франціи фактически перестала существовать тотчасъ послѣ революціи, а новая начала создаваться лишь года три-четыре спустя. Мѣстная администрація, суды, полиція—все это либо совершенно исчезло, либо пользовалось признаніемъ лишь „постольку, поскольку". Поступленіе прямыхъ налоговъ упало въ первый же годъ революціи на 80%, и даже косвенныхъ налоговъ поступило на 25% меньше нормы. За отсутствіемъ нормальныхъ доходовъ государство было вынуждено прибѣгнуть къ печатанію бумажныхъ денегъ, количество которыхъ быстро возрастало, чѣмъ подрывался какъ кредитъ государства, такъ и всякій нормальный оборотъ.

Теоретически Франція стояла передъ выборомъ между полнымъ распадомъ и энергичными усиліями въ сторону возстановленія государственной, — опять таки именно государственной, а не старой королевской власти, дни которой безнадежно миновали. Несмотря на все довольно глубокое расхожденіе провинціальныхъ традицій, несмотря на существованіе полусепаратистскихъ тенденцій, связь провинцій входившихъ въ составъ страны, какъ въ силу историческихъ воспоминаній, такъ и въ силу экономическихъ интересовъ была настолько крѣпка, что уже съ весны 1790 г. появились первые признаки, что на смѣну центробѣжнымъ тенденціямъ начинаетъ появляться тенденція центростремительная. Первымъ ея проявленіемъ были знаменитыя „федераціи": почуявъ опасность отъ чрезмѣрнаго обособленія десятки тысячъ гражданъ сосѣднихъ областей, охваченные какимъ то стихійнымъ настроеніемъ, стали собираться въ разныхъ мѣстахъ, чтобы обмѣняться объясненіями въ братской любви и клятвенными обѣщаніями взаимной помощи.

Отсюда до возсозданія государственной власти было, однако, еще чрезвычайно далеко. Исторія ряда лѣтъ пестритъ все тѣми же фактами глубокаго разложенія государства, анархичности мѣстной и массовой жизни. Первой силой, принявшейся за дѣйствительную борьбу съ быстро усвоенной привычкой не повиноваться государству, были якобинцы. Одной изъ характернѣйшихъ сторонъ сложнаго явленія, подводимаго подъ понятіе якобинизма, предстaвляется роль якобинцевъ въ качествѣ первыхъ убѣжденныхъ и властныхъ носителей реакціи государственной идеи противъ анархическаго разложенія французской жизни. Чѣмъ болѣе глубокій откликъ дезорганизація встрѣтила въ душѣ французскаго народа, тѣмъ свирѣпѣе была, по необходимости, эта реакція,—реакція при помощи гильотины, нантскихъ потопленій, ліонскихъ массовыхъ разстрѣловъ, колоссальнаго развитія системы реквизицій, принудительныхъ повинностей и т. д., и т. д. Не слѣдуетъ, разумѣется, впадать въ преувеличенія. Система террора имѣла и иные источники, но однимъ изъ главныхъ въ ихъ числѣ была невозможность достигнуть инымъ путемъ возстановленія государства.

Дѣло, начатое якобинцами, было закончено лишь Наполеономъ I черезъ десять лѣтъ послѣ начала революціи.

Французское государство вышло изъ революціоннаго испытанія и испытанія наполеоновскихъ войнъ еще болѣе крѣпкимъ, французская нація—еще болѣе спаянной, чѣмъ какими они были до 1789 г. Никто, однако, не скажетъ въ точности, какимъ количествомъ убитыхъ, искалѣченныхъ и казненныхъ, какими колоссальными потерями имущественнаго характера, какими послѣдствіями психо-физіологическаго характера французскій народъ заплатилъ за возможность выйти изъ состоянія анархіи, въ которую его ввергла его „великая“ революція.

* * *

Когда теперь говорятъ о борьбѣ красныхъ и бѣлыхъ, происходящей въ Россіи, многіе забываютъ о томъ, что ни тѣми, ни другими не исчерпывается и десятая часть русскаго населенія. Забываютъ о третьей, безконечно болѣе многочисленной величинѣ, о „зеленыхъ“. А тѣ, которые говорятъ о „третьей Россіи“, представляютъ ее себѣ совсѣмъ иначе, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ.

„Зелеными“, какъ извѣстно, въ южной Россіи называютъ себя многочисленныя группы вооруженныхъ и невооруженныхъ людей, уходящихъ въ однихъ случаяхъ отъ бѣлыхъ, въ другихъ случаяхъ отъ красныхъ—а главное, отъ предъявляемыхъ тѣми и другими требованій, будь то мобилизація, будь то дорожная или какая либо иная повинность—въ горы, въ лѣса, въ плавни, куда угодно... Въ тѣхъ областяхъ, гдѣ господствовали красные, „зеленые“ сочувствовали бѣлымъ и готовы были оказывать имъ порой самое активное содѣйствіе вплоть до присоединенія по одиночкѣ или цѣлыми группами къ ихъ воинскимъ частямъ. Тамъ, наоборотъ, гдѣ господствовали бѣлые, они встрѣчались неизмѣнно съ такимъ же точно сочувственнымъ отношеніемъ „зеленыхъ“ къ краснымъ. Въ связи съ этимъ приходилось слышать и такія опредѣленія: „зелено-бѣлые“, или „зелено-красные“...

Первоначально къ этому явленію относились скорѣе юмористически, какъ въ первые дни революціи юмористически относились къ извѣстію о томъ, что такая то волость проявляетъ твердое желаніе „самоопредѣлиться вплоть до отдѣленія“. На самомъ же дѣлѣ и та и другая, группа фактовъ заслуживаетъ самаго пристальнаго вниманія.

Всякая революція характеризуется двумя началами. Первое заключается въ рѣзкомъ пониженіи готовности подавляющей массы гражданъ-обывателей служить своимъ трудомъ, своими средствами и своимъ пожертвованіемъ государственному дѣлу: *говорятъ о res publica, а думаютъ о res privata*, говорятъ о гражданскихъ чувствахъ, а въ массѣ не платятъ налоговъ, уклоняются отъ воинской повинности и т. д. Второе заключается въ рѣзкомъ повышеніи всеобщей требовательности къ жизни и къ ея благамъ въ ожиданіи, что новый революціонный строй долженъ *всѣмъ сразу* обезпечить великія и богатыя милости, улучшеніе матеріальныхъ и бытовыхъ условій — вообще, привести, коротко выражаясь, къ *всеобщему облегченію жизни*: новый строй долженъ вѣдь руководиться принципомъ *salus publica suprema lex*, и каждый недоумѣваетъ, о какомъ же можетъ быть рѣчь „общемъ благѣ", если оно не совпадаетъ непосредственно-ощутительно съ его собственнымъ благомъ въ томъ видѣ, какъ онъ его понимаетъ сейчасъ—въ моментъ, когда онъ только что „произвелъ революцію" или своимъ „присоединеніемъ" къ ней послужилъ ея „укрѣпленію"?... О томъ, что *революціи представляютъ по самому своему существу организаціонные сдвиги въ народной жизни*, именно поэтому ставящіе передъ произведшимъ ихъ поколѣніемъ вопросы повышеннаго *организаціоннаго* напряженія воли въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ жизни, т. е. о томъ, что онѣ требуютъ не пониженной, а повышенной общественной и личной строительной энергіи, массы не думаютъ и... не знаютъ. Не знаютъ не по своей винѣ, а потому, что имъ никто объ этомъ серьезно не говорилъ. Или кто нибудь станетъ отрицать, что пропаганда революціонной идеи внушаетъ массамъ какъ разъ обратное представленіе о послѣдствіяхъ революціи? Кто станетъ отрицать, что и у насъ сторонники революціонной пропаганды разсчитывали какъ разъ на то, что имъ удастся увлечь народъ картиной *немедленнаго облегченія всей его жизни?* Кто говорилъ настойчиво о томъ, что революція, устранивъ рядъ правоограниченій и рядъ преградъ къ хозяйственному и культурному развитію народа, только и сдѣлаетъ, что поставитъ его *въ условія, сравнительно болѣе благопріятныя для примѣненія его личной и національной трудовой энергіи*, чѣмъ тѣ, которыми онъ до нея былъ болѣе или менѣе осно-

вательно недоволенъ? Вѣдь нельзя же сказать, что этихъ мыслей никто въ Россіи не высказывалъ, а между тѣмъ можно ли утверждать, что онѣ проникли своевременно сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ хотя бы даже въ среду массы россійской интеллигенціи, окрасивъ ея образъ дѣйствій какъ до революціи, такъ и во время ея?

Какъ бы то ни было, на фонѣ этого специфически революціоннаго настроенія массъ и развилась та картина анархическаго развала государственности, о которой было сказано выше. Поведеніе интеллигенціи, партійной и непартійной, правительственной и революціонной, только ускоряло процессъ и „углубяло“ его, но не оно создало его. Оно само служило своеобразнымъ отраженіемъ того же самаго массоваго настроенія. Жажда увидѣть скорое облегченіе жизни была всеобщей. Еще сильнѣе было, однако, убѣжденіе, что *народъ* то уже безусловно въ правѣ ожидать немедленнаго улучшенія жизни и что активная борьба даже съ явными увлеченіями его на этомъ пути не только безплодна, но даже этически — *съ точки зрѣнія революціонной этики* — не можетъ быть оправдана. Въ этомъ заключается едва-ли не самая глубокая причина, почему мысль о примѣненіи въ борьбѣ съ анархическими дѣйствіями „массъ“ — точнѣе, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ: съ выступленіями сравнительно малочисленной группы людей — принудительныхъ силъ государственной власти обычно рѣзко отвергалась, какъ посягательство на права народа. Въ результатѣ разстройство государственнаго аппарата осложнилось параличемъ государственной воли, проявившимся съ одинаковой силой какъ въ средѣ Временнаго Правительства, такъ и въ средѣ органовъ „революціонной демократіи“, т. е. разнаго наименованія Совѣтовъ.

Самая серьезная сторона разлившейся по лицу всей Россіи анархіи заключалась не въ своеволіи мѣстныхъ, профессіональныхъ и партійныхъ организацій, а въ томъ, что все населеніе Россіи поголовно перестало считаться съ государственной властью и какъ съ *прежней принудительной* организаціей и какъ съ представительницей ихъ *собственныхъ новыхъ* потребностей, и признавали ее лишь *„постольку, поскольку“* это имъ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, нравилось. Событія этого времени еще такъ свѣжи въ памяти

всѣхъ, что останавливаться на болѣе детальномъ воспроизведеніи ихъ едва-ли есть основаніе.

Такъ же точно, какъ передъ Франціей въ концѣ XVIII вѣка, и передъ Россіей сталъ, въ качествѣ основного вопроса ея дальнѣйшаго бытія, вопросъ о возстановленіи государственной власти. Даже въ средѣ лѣвыхъ общественныхъ теченій постепенно стало наростать чувство остраго недомоганія отъ безсилія всѣхъ призывовъ, обращавшихся къ населенію отъ имени Россіи и ея общихъ національно-государственныхъ нуждъ. Даже Керенскій заговорилъ о „взбунтовавшихся рабахъ", неспособныхъ подчинить свои лично-эгоистическіе интересы требованіямъ россійской государственности. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше вопросъ о борьбѣ съ всеобщей анархизаціей становился центральнымъ вопросомъ русской жизни.

По неисповѣдимой ироніи судьбы, главными идеологическими носителями всенародной тяги къ *уклоненію отъ признанія необходимости, цѣнности и незамѣнимости государственной власти* были тѣ самые, которые впослѣдствіи фактически сдѣлались наиболѣе безпощадными носителями реакціи государственной идеи противъ общественно-личнаго ея развала, а именно большевики. Ведя тогда всякими средствами борьбу противъ прежняго соціально-политическаго строя, они расшатывали не только его, но и государство и всѣ его устои болѣе рѣшительно, чѣмъ даже анархо-синдикалистскіе „Викжели", „Петели" и иныя подобныя организаціи. Рѣзче всего ихъ пропаганда сказывалась при этомъ на арміи, и понятно, что этотъ фактъ, особенно серьезный во время продолжавшейся войны, направлялъ вниманіе всѣхъ, начинавшихъ понимать грозный характеръ событій, прежде всего на большевиковъ. Можно даже сказать, что большевизмъ заслонилъ въ глазахъ подавляющей массы русскаго общества параллельное большевизму, но не совпадавшее съ нимъ и болѣе всеобъемлющее явленіе — *бытовой анархизмъ*. Причина всѣхъ золъ усматривалась не въ анархизмѣ, а въ большевизмѣ и всѣ удары были направлены противъ него. Не подлежитъ сомнѣнію, что для такого смѣшенія имѣлось не мало основаній въ характерѣ большевистской доктрины и агитаціи (существо ихъ агитаціи въ арміи, проповѣдь гражданской войны и т. д.) и тѣмъ не менѣе уже тогда можно было предвидѣть, — а ходъ событій подтвердилъ эти предвидѣнія. —

что, въ случаѣ „захвата большевиками власти“, они окажутся *уже въ силу своего ученія о диктатурѣ пролетаріата* идеологами самаго широкаго и лютаго развитія той новой государственной власти, которую они создадутъ.

Но еще раньше, чѣмъ большевики показали то свое лицо, о которомъ тогда знали лишь немногіе, появилось стремленіе къ возсозданію какой ни на есть государственности. Петроградскій Совѣтъ разсчитывалъ на вліяніе всероссійскихъ съѣздовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ; Керенскій — на нравственное воздѣйствіе, достигаемое системой всероссійскаго уговариванія; другіе готовили возможность военной диктатуры, функціи которой неизбѣжно должны были выйти за предѣлы арміи и проникнуть постепенно насквозь всю жизнь тыла; еще иные — и ихъ было немало и они были отнюдь не худшіе — разсчитывали на то, что рано или поздно сама собою скажется государственная мудрость русскаго народа . . . и они мечтали объ этомъ моментѣ и боялись препятствовать своимъ поведеніемъ его скорѣйшему наступленію . . .

Наряду съ этими теченіями общероссійскаго характера, развивались и болѣе узкія, имѣвшія, безспорно, и другіе источники и цѣли, но въ которыхъ въ тоже время несомнѣнно отражалось стремленіе хотя бы въ ограниченныхъ предѣлахъ, но возстановить формы государственнаго бытія и повести борьбу противъ полнаго разложенія нормальныхъ условій хозяйственнаго, правового и культурнаго существованія. Такова въ самомъ дѣлѣ одна изъ характерныхъ сторонъ національныхъ и даже сепаратистскихъ стремленій въ послѣреволюціонной Россіи.

Многіе „государственно-мыслящіе“ элементы великорусскаго общества были склонны привѣтствовать не только мѣстныя „государственныя“ стремленія разныхъ, входившихъ въ составъ государства россійскаго національныхъ элементовъ, но даже и выдѣленіе какъ польскихъ, такъ и „эстонскихъ“, „латышскихъ“, „украинскихъ“ и т. п. воинскихъ частей изъ привычной организаціи прежней всероссійской арміи. Имъ казалось, что слѣдуетъ отдать предпочтеніе національному движенію передъ соціальнымъ. Они полагали, что національные полки окажутъ большее сопротивленіе большевистскому разложенію, чѣмъ какое можно было ожидать отъ уже охва-

ченной большевизмомъ собственно — русской арміи. Изгоняя дьявола при помощи Вельзевула, они въ тоже время фактически лишь содѣйствовали сами скорѣйшему распаду русской арміи и увеличенію безпорядка въ передвиженіи войсковыхъ частей по желѣзнымъ дорогамъ, подрывавшихъ послѣдніе остатки организованнаго транспорта и правильнаго хозяйственнаго и бытового обмѣна между отдѣльными областями Россіи . . .

* * *

Большевистскій переворотъ первоначально привелъ лишь къ новому подъему анархической волны. Теперь-то Россія, казалось, уже окончательно развалилась. Большевики спѣшили добить армію и въ то же время принялись за уничтоженіе судовъ и за разрушеніе всего хозяйственнаго аппарата „буржуазнаго строя", начиная съ банковъ. А въ тоже время объявленный захватчикамъ власти длительный бойкотъ служащихъ центральныхъ вѣдомствъ совершенно разстроилъ правительственную организацію Россіи.

Въ отвѣтъ на эту всеобщую анархію на югѣ Россіи тогда же раздался голосъ М. В. Алексѣева. Призывая къ образованію Добровольческой Арміи, онъ ставилъ ей цѣлью стать кристаллизаціоннымъ центромъ въ борьбѣ за спасеніе Россіи отъ анархіи вообще, отъ большевистской анархіи въ частности. Однако, образованіе Добровольческой Арміи шло медленно; люди и средства притекали туго, и даже въ той самой области, въ которой возникла Армія и работалъ Алексѣевъ, ея глава не получилъ признанія въ качествѣ главы всероссійскаго правительства. Если у кого и была надежда на то, что Армія быстро обрастетъ признающими ее областями, городскими и т. д. властями, то эта надежда, можно сказать, сразу рухнула. Было ясно, что цѣль можетъ быть достигнута лишъ долгой борьбой — своего рода вооруженнымъ „собираніемъ" Россіи и отвоеваніемъ ея у большевиковъ. . .

А въ то же время „власть", захваченная большевиками, также признавалась лишь постольку, поскольку въ той или иной мѣстности появлялись отряды матросовъ и красной *гвардіи*, а позднѣе отряды латышей, китайцевъ и разныхъ военноплѣнныхъ (особенно венгерцевъ), и поскольку они на-

водили тамъ свои порядки. Да и то, напримѣръ, въ Харьковѣ въ январѣ 1918 г. мѣстные жители насчитывали не менѣе семи властей, такъ или иначе претендовавшихъ на авторитетъ, изъ нихъ, кажется, три большевистскихъ, причемъ каждая изъ послѣднихъ располагала какимъ либо отрядомъ.

Съ весны 1918 г. стало однако намѣчаться укрѣпленіе большевистской власти и появились первые замѣтные признаки, что она переходитъ какъ къ организаціи своихъ центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій, такъ и къ „организаціонной" работѣ вообще и въ особенности въ хозяйственномъ отношеніи. Нѣсколько позднѣе началась работа по созданію красной арміи; до образованія ея большевики располагали въ качествѣ опоры своего владычества и органовъ принудительнаго воздѣйствія на населеніе лишь упомянутыми отрядами, чрезвычайками и добровольнымъ содѣйствіемъ разныхъ мѣстныхъ, сочувствовавшихъ имъ, организацій. Но и тогда ихъ обращеніе съ населеніемъ и тонъ ихъ приказовъ рѣзко отличались отъ безвольной манеры Временнаго Правительства и были куда „энергичнѣе", чѣмъ даже образъ дѣйствій стараго императорскаго правительства. *Стало выясняться, что анархическій періодъ большевизма прошелъ и что наступилъ новый періодъ, — деспотическій.* Съ тѣхъ поръ деспотическое начало, вытекавшее по необходимости изъ идеи диктатуры пролетаріата, съ каждымъ мѣсяцемъ все болѣе развивалось и продолжаетъ развиваться и по сейчасъ.

Гораздо медленнѣй шло развитіе южно-русской, а также прочихъ антибольшевистскихъ властей. Надо признать, что оно не достигло даже къ моменту наибольшихъ успѣховъ Колчака и Деникина того размаха и той степени проникновенія въ мѣстную жизнь, какіе, худо-ли, хорошо-ли, удалось достигнуть большевикамъ Это относится одинаково какъ къ области гражданской, такъ и къ области военной жизни; событія показали, что красная армія оказалась менѣе ничтожной, чѣмъ о ней думали.

Какъ бы то ни было, въ Россіи образовалось такимъ образомъ нѣсколько центровъ возстановленія государственной власти. Принципы, которыми руководились московскіе владыки съ одной стороны, ихъ противники съ другой стороны, правда рѣзко расходились, но въ одномъ пунктѣ они всѣ сходились, — въ стремленіи справиться съ охватившей страну

анархіей и въ желаніи наладить, хотя бы и на діаметрально противоположныхъ началахъ, хозяйственную организацію всей страны въ цѣломъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ они сталкивались съ однимъ и тѣмъ же фактомъ, — съ глухимъ или открытымъ сопротивленіемъ широкихъ массъ населенія. Населеніе по прежнему уклонялось отъ уплаты податей, отъ мобилизацій, отъ всякаго рода повинностей, отъ исполненія всѣхъ вообще неудобныхъ для него распоряженій властей, растаскивало, гдѣ могло, національно-государственное достояніе (хотя бы, напримѣръ, телеграфные и телефонные провода), а когда бѣлая или красная власть очень на него нажимала, то либо глухо волновалось и при удобномъ случаѣ возставало, либо уходило къ „зеленымъ“. Рудники и фабрики работали въ общемъ изъ рукъ вонъ плохо, транспортъ во всѣхъ его видахъ функціонировалъ отвратительно, а крестьяне по общему правилу бойкотировали города и ихъ базары или поднимали цѣны на всѣ продукти до баснословныхъ размѣровъ, накапливая въ своихъ кубышкахъ пуды керенокъ, пятаковскихъ, донскихъ и всякихъ иныхъ „денегъ“.

Одновременно съ работой бѣлыхъ и красныхъ надъ возсозданіемъ аппарата государственной власти шла ожесточенная борьба между тѣми и другими. Какъ бы серьезно эта борьба ни отражалась на массахъ, *активнаго участія они въ ней не принимали*. Скорѣе всего можно сказать, что они ее претерпѣвали какъ нѣчто и въ томъ и въ другомъ случаѣ имъ почти одинаково чуждое. И хотя рѣзче всего это настроеніе сказывалось среди крестьянства, а не среди городского населенія, отъ этого дѣло почти не мѣнялось; такъ анемиченъ сталъ русскій городъ въ связи съ хозяйственной разрухой, охватившей всю страну. Впрочемъ и въ его средѣ бытовой анархизмъ продолжалъ играть огромную роль, приводя и въ бѣлыхъ, и въ красныхъ областяхъ къ враждебному отношенію значительной части городского населенія къ данной мѣстной власти, все равно будь она красная или бѣлая.

Характернѣйшей чертой жизни южно-русскихъ правительствъ являлась невозможность добраться до психологіи народныхъ массъ — невозможность вступить съ ними во внутренній контактъ, поднять въ нихъ настроеніе въ пользу поддержки власти, добиться того молчаливаго согласія массъ

исполнять наипростѣйшія требованія государственности, безъ котораго никакая разумная и послѣдовательная политика власти невозможна. Это наблюдалось одинаково и въ гетмановщинѣ, и во времена Крымскаго Краевого Правительства, и при Деникинѣ, и при Врангелѣ.

Совершенно то же самое вытекаетъ по отношенію къ Совѣтской Россіи какъ изъ рѣчей народныхъ комиссаровъ съ ихъ горькими упреками по адресу крестьянъ и рабочихъ и съ ихъ постоянными призывами къ населенію, такъ и изъ постоянно растущаго примѣненія ими принудительныхъ мѣръ, трудовыхъ повинностей, реквизицій, организаціи „трудовой арміи“ и т. д.

Массы съ нетерпѣніемъ ждали то прихода бѣлыхъ, то прихода „красныхъ“, то опять прихода бѣлыхъ и т. д., но ждали они ихъ не потому, что были увлечены организаціонными идеями бѣлыхъ или красныхъ, а потому, что онѣ ждали то отъ тѣхъ, то отъ другихъ *непосредственнаго, немедленнаго облегченія жизни, отмѣны требованій побѣжденной стороны безъ замѣны ихъ требованіями другой.* Лозунгомъ массъ было и осталось: „долой“, а не „да здравствуетъ“, иначе говоря — чисто отрицательное, а не положительное начало.

А если такъ, то говорить, будто красные побѣдили, благодаря поддержкѣ массъ, очевидно, нельзя. Массы никогда не были красными; онѣ были и оставались зелеными.

* * *

Но почему же въ такомъ случаѣ красные всетаки побѣдили бѣлыхъ въ вооруженной борьбѣ?

Причинъ этого факта много, и едва ли теперь кто либо смогъ бы исчерпать ихъ полностью. Но рядъ ихъ можетъ быть указанъ уже теперь.

Первая и самая главная заключается въ механическомъ несоотвѣтствіи силъ тѣхъ и другихъ. Захвативъ центральную власть въ государствѣ, большевики не только наложили руку на остатки правительственнаго аппарата какъ въ центрѣ, такъ и въ привыкшей присматриваться къ центру провинціи, но присвоили себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ средства Государственнаго Банка, такъ и продукты работы экспедиціи заготовле-

нія государственныхъ бумагъ. Тѣмъ самымъ они очутились съ самаго начала въ положеніи, несоизмѣримо болѣе выгодномъ, чѣмъ всѣ ихъ противники.

Распоряженіе средствами государственнаго казначейства повергло, спустя сравнительно короткій промежутокъ времени непримиримаго бойкота, къ ногамъ большевистской власти подавляющее большинство служащихъ центральныхъ учрежденій, далѣе служащихъ частныкъ банковъ и всякаго рода торгово-промышленныхъ предпріятій, не говоря уже о служащихъ желѣзно-дорожнаго, почтово-телеграфнаго и т. п. вѣдомствъ, среди которыхъ еще раньше существовало болѣе чѣмъ достаточное количество „полуленинцевъ". Этимъ же фактомъ, — даже независимо отъ другихъ причинъ, — опредѣлялось господство большевиковъ надъ всѣмъ, или почти всѣмъ рабочимъ классомъ, а, стало быть, надъ всей территоріей русской торгово-промышленной жизни. Откуда же какъ не изъ средствъ государственнаго казначейства можно было удовлетворить все возраставшую требовательность рабочихъ насчетъ заработной платы при падавшей безпрерывно производительности труда и столь же безпрерывно ухудшавшейся торгово-промышленной конъюнктурѣ? Запасы предшествующаго времени, денежные и матеріальные, быстро истощались; дальнѣйшее производство становилось коммерчески невыгоднымъ, а тамъ и просто нелѣпымъ; заводы, фабрики и рудники, одинъ за другимъ, должны были поступать „на содержаніе" къ казнѣ. а казна была въ рукахъ большевиковъ. Какъ же можно удивляться тому, что двѣ третьихъ и болѣе Европейской Россіи оказались вскорѣ подъ властью большевиковъ?

Удивляться при данныхъ условіяхъ надо не „всероссійскому" успѣху большевиковъ, практически ограничивавшемуся физическимъ ихъ господствомъ надъ желѣзнодорожными линіями съ ихъ раіономъ и надъ городами, а тому упорству, съ которымъ вели противъ нихъ вооруженную борьбу ихъ противники, не имѣвшіе возможности говорить съ народомъ отъ имени привычныхъ центровъ государства, Петрограда и Москвы, обладавшіе лишь самыми ничтожными денежными средствами, не располагавшіе ни однимъ изъ крупныхъ военныхъ заводовъ, ни одной крупной желѣзнодорожной мастерской, ни вообще первоклассными фабрично-заводскими предпріятіями по выработкѣ предметовъ первой необходимости.

Едва ли можно сомнѣваться, что не будь нѣмецкаго вмѣшательства въ пользу „самостійной Украіны“ и не обезпечь себѣ „Всевеликое Войско Донское“, въ лицѣ ген. Краснова, нѣмецкое покровительство, владычество народныхъ комиссаровъ распространилось бы уже втеченіе 1918 г. на всю Европейскую Россію. Въ частности и Добровольческой Арміи, никогда ни въ какой степени съ нѣмцами не связанной, но заслоненной втеченіе самаго критическаго для нея времени съ сѣвера территоріей Дона, едвали удалось бы окрѣпнуть настолько, чтобы впослѣдствіи выступить грозной для большевиковъ силой. Ясно, что аналогичныя условія сыграли свою роль и въ Сибири.

Во всякомъ случаѣ красная Москва благодаря указаннымъ условіямъ заняла съ самаго начала настолько выгодную, въ смыслѣ своего центральнаго положенія (возможность дѣйствовать по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ), своей хозяйственной структуры и подвластнаго ей количества населенія, позицію, что при прочихъ равныхъ условіяхъ. — т. е. при одинаково равнодушномъ какъ къ ней, такъ и къ ея противникамъ отношеніи массъ — она должна была побѣдить. Пораженіе бѣлыхъ доказало только одно, а именно, что эти прочія условія были въ самомъ дѣлѣ равны, и когда это полностью выяснилось, дѣло бѣлыхъ стало безнадежнымъ.

Вѣдь независимо отъ всего прочаго, указанныя условія обезпечивали красной Москвѣ неизмѣримо большій резервуаръ человѣческихъ силъ, чѣмъ какимъ располагали ея противники. Центръ тяжести заключался при этомъ отнюдь не въ массѣ мирнаго населенія, а въ количествѣ тѣхъ профессіоналовъ военнаго дѣла, которые появились не въ одной только Россіи за время внѣшней и гражданской войны. Сотни тысячъ, а можетъ быть и милліоны людей *отвыкли отъ мирнаго труда*. Среди нихъ были и есть и такіе, нервная система которыхъ пріучилась къ острымъ переживаніямъ военной опасности и своеобразному психическому возбужденію боя; есть и такіе, которые просто ничего другого не умѣютъ, какъ держать въ рукахъ винтовку, отдавать или получать приказы; всѣ они такъ или иначе отучились видѣть *источникъ своего существованія въ планомѣрномъ, личномъ, хозяйственномъ трудѣ и привыкли разсчитывать на военный паекъ и иные доходы, связанные съ войной*. Всѣ они, — назовите ихъ ландскнехтами, ушкуйниками,

современной вольницей, какъ хотите, — составляютъ готовый матеріалъ для организаціи арміи и для боевыхъ опер Изъ нихъ, главнымъ образомъ, составляется красная армія; ихъ было болѣе чѣмъ достаточно и въ арміяхъ бѣлыхъ. Само собою ясно, что при размѣрахъ Совѣтской Россіи и при особенно плачевномъ состояніи ея хозяйственной жизни именно она должна была располагать въ этомъ отношеніи особенно обильнымъ матеріаломъ „пушечнаго мяса". Въ этомъ, кстати сказать, заключается опасность, которую съ теченіемъ времени можетъ представить красная армія для всей западной Европы.

Есть, наконецъ, еще одно обстоятельство, на которое слѣдуетъ обратить самое серьезное вниманіе. Это та сила, которая заключается въ организаціи и характерѣ коммунистической партіи. Такой крѣпкой и энергичной общественной организаціи Россія до сихъ поръ еще не знала. Въ значеніи этого фактора русское общество еще не отдаетъ себѣ полнаго отчета.

Чѣмъ рѣшительнѣе мы ведемъ борьбу съ большевистскимъ коммунизмомъ, тѣмъ серьезнѣе мы должны вдумываться въ его сильныя, въ боевомъ смыслѣ, стороны. Партія, насчитывающая въ своихъ рядахъ отъ 200,000 до полумилліона членовъ, спаянная необычайно сильной дисциплиной, руководимая одной, безспорно односторонней, общественно и культурно вредной, но логически стройной и безпощадно-послѣдовательной идеологіей, представляетъ огромную силу. Этой силѣ противопоставлялись до сихъ поръ лишь дробныя политическія группировки и неувѣренная въ себѣ мысль, да „тактическія" соглашенія и „совѣщанія" при отсутствіи идейно обоснованной, рѣзко противоположной коммунизму идеологіи. „Практическіе политики" склонны относиться къ „идеологіямъ" болѣе или менѣе пренебрежительно. Надо надѣяться, что грозныя событія нашихъ дней заставятъ ихъ пересмотрѣть — въ числѣ прочихъ — и этотъ пунктъ ихъ взглядовъ.

* * *

Еще два слова. Изъ изложеннаго явствуетъ, что совѣтская власть представляетъ — между прочимъ — реакцію противъ бытового анархизма, охватившаго русскую жизнь въ

1917 г. Мало того: *сейчасъ* она представляетъ *единственную сохранившуюся форму этой реакціи*. Мы рѣшаемся утверждать, что въ этомъ заключается ея *положительная сторона* съ точки зрѣнія дальнѣйшаго развитія Россіи.

Надо ли доказывать, что изъ этого не слѣдуетъ, будто мы готовы привѣтствовать, поддерживать или хотя бы оправдывать большевиковъ? Казалось бы, что въ такое недоразумѣніе можетъ впасть лишь завѣдомо недобросовѣстный читатель или критикъ . . .

Въ области возстановленія государственной власти большевики исполняютъ въ русской жизни точно такую же функцію, какъ французскіе якобинцы-террористы конца XVIII вѣка, только съ еще большей беззастѣнчивостью, лютостью и — эгоистической дальновидностью.

Эта дальновидность—мелкопрактическая. Она основывается на томъ, что большевики изъ опыта исторіи знаютъ лучше якобинцевъ, что за ними придутъ другіе, — другіе, которыхъ ни они, ни мы пока назвать не можемъ. Но они придутъ. Именно потому, что большевики это твердо знаютъ и въ тоже время желаютъ предотвратить вопреки своему разумѣнію и въ сущности только потому, что имъ такъ хочется, то, что по ихъ же мнѣнію всеравно неотвратимо, они проливаютъ и прольютъ еще много больше крови, чѣмъ пролили нѣкогда родные имъ по духу якобинцы.

Никакія ухищренія не помогутъ большевикамъ. Никакому, ни единоличному, ни колективному деспоту, не дано ломать народную жизнь до основанія и направлять ее по своему усмотрѣнію. „Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно". Принципы и цѣли большевистскаго коммунизма еще болѣе противоестественны, чѣмъ принципы и цѣли якобинизма. И владычество коммунистовъ отойдетъ также въ область исторіи, какъ нѣкогда владычество якобинцевъ. Они могли начать возстановленіе государственной власти, но *закончить* его они сами не могутъ. Этому препятствуютъ какъ ихъ соціально-культурные принципы, такъ и основы ихъ внутренняго управленія.

Также точно, какъ якобинцы, большевики построили свою дѣятельность на безнадежной идеѣ принудительнаго, — а по условіямъ времени и террористическаго — осуществленія своей фанатической идеи спасенія міра, а кстати и Россіи.

Когда мы говоримъ, что большевики работаютъ надъ возстановленіемъ россійскаго государственнаго аппарата, это вовсе не значитъ, что они стремятся именно къ этой цѣли. О Россіи если не всѣ, то очень многіе изъ нихъ думаютъ очень мало. Лучшіе изъ нихъ думаютъ о нѣкоемъ абстрактномъ государствѣ, въ которомъ надлежитъ произвести опытъ коммунистическаго строительства. Жизнь заставила ихъ убѣдиться въ томъ, что этотъ опытъ безъ принудительнаго руководства центральныхъ государственныхъ учрежденій не можетъ быть осуществленъ. А разъ это такъ, то они примѣняютъ всю свою энергію къ тому, чтобы это принудительное руководство государственнаго центра было создано или — возсоздано.

Когда Робеспьеръ, Сенъ-Жюстъ или Кутонъ занялись въ свое время такимъ же дѣломъ, они думали, что они создадутъ какую-то французскую Спарту съ равно-богатыми (точнѣе: равнобѣдными), далекими отъ всякой „спекуляціи", преданными Верховному Существу гражданами. А создали они — основы для имперіи Наполеона и для нынѣшней Франціи. Власть порой думаетъ, что она можетъ переродить всю жизнь народа. Она ошибается. Если ея дѣйствія вытекаютъ изъ сознанія длительныхъ народныхъ потребностей или хотя бы идутъ *параллельно* съ ними, онѣ имѣютъ успѣхъ. Если нѣтъ, нѣтъ. Отъ французской Спарты не осталось и намека. Но обусловленное этой идеей (а также гражданской и внѣшней войной) убѣжденное преклоненіе передъ необходимостью государственнаго существованія и развитія, хотя и проявлявшееся въ самыхъ свирѣпыхъ формахъ, какъ оказалось, соотвѣтствовало смутному стремленію массъ къ организаціи ихъ совмѣстной жизни. Жирондисты и болѣе правые представители французскаго общества оказались неспособными проявить необходимую волю къ власти съ той фанатической увѣренностью, которая была у якобинцевъ. А потому они были побѣждены, а Робеспьеръ сталъ на нѣкоторое время фактическимъ диктаторомъ Франціи.

Современные народы, прошедшіе черезъ стадію желѣзныхъ дорогъ и міровыхъ пароходныхъ сообщеній, могутъ временно приспособиться къ режиму среднихъ вѣковъ и даже каменнаго вѣка. Вѣдь къ этому, по существу своему, ведетъ бытовой анархизмъ. Однако, длительно жить въ условіяхъ такого режима „блестящаго уединенія" они уже не могутъ.

Ихъ снова тянетъ къ тому, что имъ, — даже крайне обездоленнымъ изъ ихъ числа, — давали желѣзныя дороги и пароходныя сообщенія, телеграфы и телефоны и многое, многое другое изъ богатой, несмотря на всѣ ея огромныя недостатки, жизни европейской культуры.

Эта тяга къ государству есть и въ русскомъ народѣ. Въ его глубинахъ происходитъ сейчасъ борьба между той „правдой жизни", которая сдѣлала для него отвратительной войну, государство, весь механизмъ формальной европейской культуры, и той, не менѣе крѣпкой, „правдой жизни", которая заставила его строить великое Государство Россійское.

Онъ сейчасъ ослабѣлъ, этотъ русскій народъ, къ которому и свои, и чужіе относятся нынѣ такъ легко и такъ близоруко съ пренебреженіемъ. Но онъ остался все тѣмъ-же великимъ народомъ и ищетъ выхода изъ положенія, созданнаго временнымъ упадкомъ его собственаго государственаго чутья.

Сейчасъ въ немъ преобладаютъ еще разбуженные войною и революціей противогосударственные инстинкты. Сейчасъ онъ еще не съ красными и не съ бѣлыми, а съ зелеными. Общее неустройство жизни, полная матеріальная и правовая необезпеченность однако не могутъ не возродить въ немъ потребность имѣть государственную, руководящую и отвѣтственную власть, — власть, способную обезпечить ему *охрану его труда, его собственности и его личности.*

Этого настроенія русской народной массы коммунисты не поймутъ и не могутъ понять, для этого они слишкомъ увѣрены въ себѣ и въ своей бездарной теоріи. Они будутъ продолжать свою культурно-исторически нелѣпую работу надъ созданіемъ „коммунистической Россіи" съ націонализаціей производства и потребленія и всякими прочими коммунистическими прелестями.

Именно поэтому они и не доведутъ возсозданія Государства Россійскаго до конца. Ихъ должны будутъ смѣнить другіе люди — люди, совмѣщающіе твердую государственную волю съ уваженіемъ къ національнымъ традиціямъ и къ подлиннымъ правамъ человѣческой личности, — люди, руководящіеся не вѣрой въ интернаціоналъ, а вѣрой въ Россію.

Э. Граммъ.

Кризисъ современнаго государства.

Никто, кажется, такъ не превозносилъ государства, какъ Гоббесъ. Онъ его даже обожествилъ. Но онъ-же отмѣтилъ и его слабую сторону. Государство это Левіаѳанъ, смертный богъ. Это божество, но такое, которое можетъ и умереть. И современный французскій государствовѣдъ, Дюги, уже за нѣсколько лѣтъ до начала европейской войны и до русской революціи объявилъ, что это именно и случилось: l' état est mort, государство умерло. Дюги несомнѣнно преувеличивалъ. Современное государство, конечно, не умерло. Можетъ быть, оно даже и не умираетъ. Но оно несомнѣнно переживаетъ какой-то кризисъ. И неизвѣстно, чѣмъ онъ кончится, — можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ смертью. Въ чемъ же дѣло? Что случилось?

Для наличности государства, какъ извѣстно, считаются необходимыми три элемента: территорія, населеніе и власть. Когда говорятъ о гибели государства, то, очевидно, имѣютъ въ виду государственную власть. Территоріи, какъ таковыя, не погибаютъ. Да и населеніе никогда полностью не исчезаетъ. А государственная власть, если и не вообще, то по крайней мѣрѣ въ томъ или иномъ видѣ, дѣйствительно нерѣдко совсѣмъ исчезаетъ. Сообразно съ этимъ и современный кризисъ государства есть, собственно говоря, только кризисъ современной государственной власти.

Что-же такое государственная власть? Если взять это понятіе строго реалистически, безъ всякой метафизики, то оно сведется къ тому, что на опредѣленной территоріи одни люди приказываютъ, запрещаютъ и разрѣшаютъ, а другіе болѣе или менѣе безпрекословно повинуются. Глава англійской аналитической школы юристовъ, Остинъ, характеризовалъ это явленіе такъ, что повелѣваютъ лица опредѣленныя, что повинуется имъ большинство населенія и, наконецъ, что это повиновеніе обычно. Собственно говоря, Остинъ упустилъ изъ виду самое главное: почему именно одни люди повелѣваютъ, а другіе повинуются? чѣмъ, вообще, держится государственная власть? Не выяснивъ этого, нельзя объяснить, почему государственная власть ослабѣваетъ, а иногда и совсѣмъ погибаетъ.

Государственная власть только тогда дѣйствительна, когда она пользуется авторитетомъ и располагаетъ силою. Авторитетъ и сила — таковы двѣ основы власти, дѣлающія ее дѣйствительно сильною и

державною. Одна основа духовная, другая — матеріальная. И обѣ равно необходимы, ибо сильная, но не авторитетная власть такъ же непрочна, какъ и власть авторитетная, но безсильная; настоящее повиновеніе основывается и на страхѣ, и на совѣсти. Величіе государственной власти—это величіе ея авторитета и ея силы. Ея паденіе это ихъ упадокъ. Сообразно съ этимъ, если говорятъ, что современная государственная власть падаетъ, то это значитъ, что она теряетъ и свой авторитетъ, и свою силу. Вѣрно ли это?

Начнемъ съ авторитета. Сущность всякаго авторитета сводится къ тому, что одни люди смотрятъ на другихъ, какъ на высшія существа, какъ на лицъ особой породы, особой касты или какъ на носителей особаго, высшаго, почитаемаго начала. Иными словами, гдѣ авторитетъ, тамъ и іерархія. И, наоборотъ, гдѣ іерархія, тамъ и авторитетъ. При этомъ іерархія должна быть основана не на внѣшней физической силѣ, — ибо тогда будетъ сила, но не будетъ авторитета, — а на внутреннемъ, духовномъ убѣжденіи, на признаніи ея правильности и необходимости. Такова основа всякаго авторитета. Такова-же основа и государственнаго авторитета, въ частности авторитета государственной власти. Власть авторитетна тогда, когда авторитетны ея органы, и, кромѣ того, когда авторитетна самая идея государства, именемъ котораго дѣйствуютъ ея органы. Государство современной культуры есть государство конституціонное. Посмотримъ, каковъ же авторитетъ его органовъ?

Такое государство возглавляется конституціоннымъ монархомъ или президентомъ. Что касается монарха, то когда-то, еще до конституціи, его авторитетъ былъ необычайно великъ. И основывался онъ, главнымъ образомъ, на религіи. Единобожіе было своего рода религіознымъ монархизмомъ. Монархія царя небеснаго освящала и укрѣпляла монархіи земныхъ царей. Связь устанавливалась путемъ обряда вѣнчанія, помазанія на царство. Подданый вѣрилъ, что его монархъ это высшее существо. Онъ вѣрилъ, что если монархъ радуется, то ему сорадуется и вся природа; а если онъ горюетъ, то и она ему соболѣзнуетъ. Если онъ попадаетъ въ бѣду, то это не фарсъ, не водевилъ, не комедія. Это даже не драма, это трагедія и притомъ трагедія высшаго стиля, гдѣ, какъ у Эсхила, дѣйствуютъ непреодолимыя, сверхъестественныя силы, и гдѣ, какъ у Шекспира, разъяренныя бушующія стихіи присоединяютъ свой ревъ къ ропоту бѣдствующаго вѣнценосца. Подданный вѣрилъ, что его монархъ является носителемъ особой мистической чудотворной силы и что посему однимъ прикосновеніемъ своей руки онъ можетъ исцѣлять золотуху, ревматизмъ и другія болѣзни. Подданный вѣрилъ, что его монархъ можетъ создать

счастье народа и что онъ дѣйствительно заботится объ этомъ. И подданный былъ заранѣе благодаренъ. Онъ считалъ для себя честью и счастьемъ увидѣть монарха, услышать его голосъ. И лучшее, что было у него, онъ съ радостью отдавалъ монарху: если въ сѣти рыбака попадала особенно крупная рыба, онъ предназначалъ ее для царскаго стола. Простой народъ обожалъ монарха. Высшимъ классамъ онъ служилъ образцомъ для подражанія, ибо еще древній поэтъ замѣтилъ: componitur orbis regis ad exemplum. Монарху прощались его недостатки. А иногда они даже вмѣнялись ему въ заслугу. Это произошло, напримѣръ, при возникновеніи абсолютной монархіи, когда появился типъ монарха — учредителя, дѣйствовавшаго макіавелистически. Авторитетъ такихъ монарховъ былъ непоколебимъ, а во Франціи сложилась даже поговорка: d'un méchant homme se fait un bon roi, — изъ дурного человѣка выходитъ хорошій король. Когда абсолютная монархія окрѣпла, ея глава получилъ авторитетъ монарха-попечителя, который своими распоряженіями создаетъ благополучіе подданныхъ. Сентиментализмъ XVIII вѣка окружилъ такого монарха особенно нѣжною любовью подданныхъ. Критическая философія этого вѣка не желала критиковать того, что могло бы ему повредить, напримѣръ, происхожденія его власти: ни кто иной, какъ Кантъ, призналъ этотъ вопросъ праздным и опаснымъ умствованіемъ. Когда, наконецъ, появились конституціи и когда парламенты стали все болѣе и болѣе оспаривать верховную власть у монарховъ, для ихъ авторитета все-же еще нашлось мѣсто. Даже при парламентаризмѣ, фактически превращавшемъ монархію въ республику съ министромъ-премьеромъ во главѣ, для монарха оказалось почетное мѣсто. Онъ сталъ, какъ выразился Бэджготъ, если и не дѣйствительною, реальною, то импозантною частью конституціи. Онъ, правда, потерялъ почти всю власть. Но за то онъ пріобрѣлъ вліяніе. А такое компетентное лицо, какъ Гладстонъ, замѣтилъ, что вліяніе въ иныхъ случаяхъ поважнѣе власти. Какъ выразился Сидней Лоу, парламентарный монархъ сталъ почти фикціей, такою же какъ и эфиръ, но фикціею столь же необходимою, какъ и эфиръ: его въ дѣйствительности нѣтъ, но безъ него всетаки никакъ нельзя объяснить явленій, которыя несомнѣнно существуютъ. Словомъ, если конституціонный строй и ограничилъ власть монарховъ, онъ въ принципѣ по крайней мѣрѣ нисколько не понялъ ихъ авторитета даже тамъ, гдѣ установился парламентаризмъ.

И тѣмъ не менѣе событія послѣднихъ лѣтъ показали, что достаточно было маломальски крупной неудачи во внѣшней или внутренней политикѣ, и не только такая великая монархія, какъ Россія, оста-

лась и безъ монарха, и безъ монархистовъ, которые согласились бы положить жизнь за царя или по крайней мѣрѣ громко и организованно протестовать противъ его низложенія и смерти, но и монархическая, казалось бы, по преимуществу Германія съ такою же легкостью отпустила отъ себя своихъ многочисленныхъ вѣнценосцевъ. Очевидно, внутренній авторитетъ монархіи былъ очень подорванъ. И не доставало только внѣшняго толчка, чтобы свалить ее. Но очевидно также и то, что паденіе монархіи вызывалось не ея юридическою и политическою несовмѣстимостью съ принципами конституціоннаго, хотя бы даже и парламентарнаго государства, съ его внутреннею логикою, а какою то причиною иного порядка.

Это причина порядка духовнаго, именно торжество такого міровоззрѣнія, для котораго монархія не авторитетна, для котораго вообще не должно быть монархіи, ибо гдѣ монархія, тамъ и іерархія, а это міровоззрѣніе іерархіи не признаетъ. Состоитъ оно въ томъ, что всѣ люди равны если и не фактически, то принципіально. И первый ощутительный ударъ былъ нанесенъ монархіи съ этой именно стороны еще въ XVI столѣтіи, однако не такъ называемыми монархомахами, т. е. монархоборцами того времени: они проповѣдывали въ извѣстныхъ случаяхъ мятежъ противъ монарховъ и даже ихъ убійство, но не потому что они монархи, а потому что они плохіе монархи, что они не осуществляютъ идеала монархіи; и тѣмъ монархомахи не только не подрывали, а напротивъ, только усиливали принципъ монархіи, какъ таковой, и ея авторитетъ. Ударъ былъ нанесенъ юношескою рукою друга скептическаго философа Монтэня, а именно Ла Боэси въ его памфлетѣ, краснорѣчиво озаглавленномъ De la servitude volontaire ou le contre un — о добровольномъ рабствѣ или противъ единаго. Монархія здѣсь объявляется насиліемъ, монархизмъ — рабствомъ. Люди политически равны. И посему да не будетъ политической іерархіи. Семнадцатый вѣкъ продолжалъ дѣло Ла Боэси тѣмъ, что училъ о природномъ равенствѣ всѣхъ людей. Восемнадцатый — тѣмъ, что включилъ въ священныя права равныхъ людей также и право на суверенную власть, т. е. на участіе въ верховной власти, а также тѣмъ, что направилъ противъ авторитета монархіи самое острое оружіе, именно сатиру. Началось разоблаченіе монархіи, снятіе съ нея мистическихъ покрововъ, началась Андерсенова сказка о голомъ королѣ. Девятнадцатый вѣкъ продолжилъ и опошлилъ эту традицію. Боги и цари, когда-то вдохновлявшіе Гомера, Эсхила, Корнеля и Шекспира, теперь стали любимымъ сюжетомъ оперетокъ Офенбаха и юмористическихъ журналовъ. Почтительность, древняя римская pietas, нѣмецкая Ehrfurcht перестали считаться добродѣтелями. Вмѣсто

негодующаго, реформирующаго монархомахизма XVI вѣка получился легкомысленный, безпечный, уничтожающій амонархизмъ нашей современности. И палъ авторитетъ монархіи.

Тѣмъ труднѣе было удержать, вѣрнѣе, создать авторитетъ президентской власти, этого республиканскаго суррогата монархіи. Президентъ французскаго типа почти всегда считался безвольною маріонеткою. А у президента американскаго типа много власти, но мало авторитета, или есть авторитетъ, но мѣняющійся каждые четыре года. Къ тому же это не столько авторитетъ государства, сколько авторитетъ партіи, побѣдившей на президентскихъ выборахъ. Вступая въ Бѣлый Домъ, американскій президентъ всегда очерненъ и ошельмованъ въ глазахъ почти половины населенія благодаря традиціямъ и тактикѣ избирательныхъ кампаній.

Таковъ авторитетъ главы государства. Каковъ-же авторитетъ парламента? Въ XVIII вѣкъ парламентъ считался выразителемъ воли народа, палладіумомъ политической свободы, тѣмъ учрежденіемъ, гдѣ совершается священнодѣйствіе, таинство претворенія воли депутатовъ въ волю государства, т. е. въ законъ. Въ парламентѣ осуществляется суверенитетъ народа, который такъ пламенно проповѣдывалъ Руссо, или суверенитетъ закона, о которомъ учитъ современный голандскій ученый Краббе, а до него училъ нашъ русскій государствовѣдъ А. Д. Градовскій. Въ цѣломъ рядѣ государствъ, начиная съ образцовой Англіи, парламентъ сталъ вытѣснять и замѣнять главу государства. Вопреки теоріи раздѣленія властей онъ превратилъ правительственную власть поистинѣ только въ исполнительную, какъ обмолвился Монтескье, власть — въ pouvoir exécutif, въ простого исполнителя, экзекутора при парламентѣ. Такъ появился парламентаризмъ. Парламентъ сталъ средоточіемъ государства, воплощеніемъ его воли и власти. И вопросъ объ авторитетѣ государства сталъ въ значительной степени вопросомъ объ авторитетѣ парламента.

Но по ироніи судьбы именно парламентаризмъ и убилъ парламенты. Онъ почти совсѣмъ лишилъ ихъ и власти, и вліянія. Онъ-же подорвалъ и ихъ авторитетъ. Идея парламента была величава, когда отъ него ожидалось только законодательство, и притомъ въ стилѣ XVIII вѣка, т. е. изданіе, вѣрнѣе, провозглашеніе вѣчныхъ, незыблемыхъ истинъ о порядкѣ личной и публичной жизни людей. Кромѣ того, парламентъ могъ импонировать тогда, когда вѣрили, что въ немъ осуществляется представительство всего народа, какъ единаго цѣлаго. Но вѣра въ незыблемые законы исчезла. Явилось понятіе закона въ формальномъ смыслѣ, обнявшее множество болѣе или менѣе мелкихъ

актовъ управленія, проходящихъ чрезъ парламентъ. И изъ законодательныхъ палатъ посыпалась такъ называемая законодательная вермишель. Законодательство измельчало. Измельчалъ и законодатель. Теоретическое представительство народа на практикѣ оказалось представительствомъ политическихъ партій. И парламентаризмъ оказался не господствомъ парламента со всею подобающею ему силой и славою, а чѣмъ-то вродѣ законодательной и административной гегемоніи одной партіи впредь до ея ниспроверженія другою партіей. При этомъ парламентъ, какъ таковой, отошелъ даже на задній планъ. Уже Бэджготъ иронически говорилъ о парламентѣ, какъ выразителѣ воли страны, и называлъ эту его функцію „лирическою". Онъ же въ обычномъ и типичномъ засѣданіи англійскаго парламента видѣлъ уже не таинство претворенія воли большинства во всеобщую волю, а совсѣмъ другую картину: 658 джентльменовъ, собравшихся изъ разныхъ концовъ Англіи, причемъ большинство или совсѣмъ отсутствуетъ по своимъ частнымъ дѣламъ или проводитъ время въ буфетѣ, читальнѣ и другихъ помѣщеніяхъ; тѣ же, которые остаются въ залѣ засѣданій, читаютъ газеты, разговариваютъ другъ съ другомъ или просто дремлютъ, оживляясь только при попыткахъ ораторовъ ихъ насмѣшить. Обиліе законодательной вермишели по маловажнымъ дѣламъ и т. н. парламентская гильотина для прекращенія обструкціи партій меньшинства по дѣламъ крупнымъ опошлили законодательную работу парламента и привели къ тому, что фактически не только управленіе, но и законодательство перешли къ кабинету министровъ, т. е., при парламентаризмѣ, къ господствующей въ данное время партіи. Это не могло не повлечь за собою умаленіе власти парламента, а также паденіе его авторитета. И, напримѣръ, Франція, высмѣявшая своихъ королей, теперь высмѣиваетъ своихъ депутатовъ — его величество парламентарнаго депутата со всѣмъ его ничтожествомъ. Въ странахъ съ развитою политическою жизнью и хорошо проведеннымъ раздѣленіемъ труда депутатское званіе стало одною изъ многочисленныхъ профессій, и притомъ не особенно почитаемою. Нѣтъ такого духовнаго принципа, который ставъ
путата іерархически выше простого гражданина и побуждалъ бы гражданина почитать его авторитетъ.

Таковъ авторитетъ законодательной власти. Не лучше обстоитъ дѣло и съ авторитетомъ власти правительственной. Восемнадцатый вѣкъ, вѣкъ полицейскаго государства и просвѣщеннаго деспотизма, ожидалъ отъ этой власти великія и богатыя милости. Онъ надѣлялъ ее способностью совершенствовать гражданъ и почти чудотворною силой. И авторитетъ ея былъ необыкновенно великъ. Если ее и кри-

тиковали, то не за то, что она вообще существовала, а за то, что она недостаточно энергично дѣлала свое дѣло. Теорія XIX вѣка тоже старалась поднять ее на необычайную высоту. Чего стоитъ хотя бы Лоренцъ Штейнъ, перенесшій центръ тяжести ученія о государствѣ изъ государственнаго устройства въ государственное управленіе, поставившій ему широкую и благородную задачу соціальной политики и назвавшій всю эту дѣятельность соработаніемъ Провидѣнію. И тѣмъ не менѣе, въ то время какъ Лоренцъ Штейнъ твердилъ все это, другой его единомышленникъ по гегельянству, Карлъ Марксъ, увѣрялъ, что правительство—это не болѣе какъ исполнительный комитетъ преобладающей въ данное время экономической группы, а парламентаризмъ привелъ фактически къ превращенію правительства въ исполнительный комитетъ преобладающей въ данное время политической группы. Кого могла удовлетворить соціальная политика такого правительства? Естественно стала исчезать вѣра въ право правящихъ. Министры стали давать партійные отчеты своимъ единомышленникамъ, чиновники стали служить не столько государству, сколько господствующей партіи. А кромѣ того, потерявъ сознаніе своей принадлежности къ правящему элементу, они вступили на путь профессіональнаго синдикализма съ забастовками и всѣми прочими пріемами общественнаго давленія на государство. Авторитетъ правительственной власти сталъ разрушаться руками ея собственныхъ агентовъ.

Остается власть судебная. Когда-то, при возникновеніи государствъ, это была первая власть. Недаромъ библейская книга Судей предшествовала книгамъ Царствъ. Судъ предшествовалъ законодательству. И даже англійскій парламентъ, какъ настаиваетъ проф. Кузнецовъ, усилился и получилъ власть прежде всего, какъ судебное учрежденіе. Въ странахъ англосаксонской культуры судъ и донынѣ стоитъ принципіально выше государства, осѣняя его своимъ авторитетомъ. Какъ утверждалъ Юмъ, весь британскій флотъ, вся британская армія, вся сила и могущество Англіи существуютъ для того, чтобы судъ 12 присяжныхъ могъ спокойно дѣлать свое дѣло. Но на континентѣ Европы дѣло обстоитъ иначе. О судѣ, какъ о политическомъ авторитетѣ, думали слишкомъ мало. Уже Монтескье, создатель теоріи раздѣленія властей, поставившій, казалось бы, судебную власть рядомъ съ законодательною и исполнительною, тутъ же оговорился: des trois puissances, dont nous avons parlé, celle de juger est en quelque façon nulle. Иначе говоря, онъ аннулировалъ судебную власть, какъ таковую, потому что она его стѣсняла, потому что онъ былъ всецѣло поглощенъ механическимъ соотношеніемъ двухъ властей, законода-

тельной и исполнительной, а проблема трехъ тѣлъ уже затрудняетъ механику. Кантъ, уподобляя три власти Монтескье тремъ частямъ логическаго силлогизма, отвелъ судебной власти мѣсто третьей части, т. е. простого, несамостоятельнаго вывода изъ двухъ первыхъ. Все это лишало Ѳемиду ея былого божественнаго и надгосударственнаго авторитета. Но это не лишало ея государственнаго авторитета, авторитета исполнительницы закона, нерѣдко твердаго — dura lex —, но все же закона. Однако, съ паденіемъ авторитета закона, палъ также и авторитетъ такого суда. Уже Кирхманъ въ своей когда то нашумѣвшей брошюрѣ о непригодности юриспруденціи указывалъ на то, что обыватели не напрасно говорятъ о выигрышѣ или проигрышѣ процессовъ, какъ будто судоговореніе—это не авторитетное установленіе истины и права, а какая-то случайная игра. Явился Ihering и объяснилъ, что право это или политика власти — власти, потерявшей авторитетъ, — или защищаемый на судѣ субъективный интересъ всякаго человѣка. Онъ же поставилъ цѣлесообразность выше легальности и тѣмъ превратилъ юстицію въ какую-то судейскую политику. По какимъ принципамъ? Во имя какого авторитета? Отвѣтъ былъ данъ школою т. н. свободнаго права: во имя судейскаго усмотрѣнія, во имя судейскаго субъективизма. Можетъ ли быть великъ авторитетъ такого судьи, такой судебной власти, особенно когда народное сознаніе еще отравлено навязчивою идеею классовой юстиціи и классоваго самосуда?

Такъ постепенно и уже довольно давно падаетъ авторитетъ не только всѣхъ органовъ государственной власти, но и государства вообще, того, что римляне называли respublica, того, что ученые государствовѣды, начиная съ Гоббеса и кончая Лоренцомъ Штейномъ, Лабандомъ и Эсменомъ, именовали особою личностью, безконечно возвышающеюся надъ каждымъ человѣческимъ индивидомъ и надъ всякою общественною группой. Но не только авторитетъ государства падаетъ. Падаетъ и его сила.

Источникъ государственной силы двоякій — злато и булатъ, иначе говоря, деньги и армія. Что касается золота, то въ условіяхъ капиталистическаго хозяйства оно никогда не давало государству большой силы, ибо въ концѣ концовъ государственная власть никогда не была главною распорядительницей имѣющагося вообще въ обращеніи золота. Даже когда возникала абсолютная монархія, она не имѣла достаточной силы хотя бы для установленія регулярныхъ налоговъ. И для пополненія казны она прибѣгала къ хитрости, ко всякаго рода пронырливымъ уловкамъ, что называлось „финансами“, отъ fin, fein.

Карлъ V, въ обширныхъ владѣніяхъ котораго солнце никогда не заходило, долженъ былъ просить аугсбургскаго купца Фуггера объ отсрочкѣ по долговому обязательству. И Фуггеръ—тотъ самый Фуггеръ, который взялъ на откупъ папскія индульгенціи и агентомъ котораго былъ знаменитый Тецель — великодушно сжегъ долговую расписку испанскаго короля и императора священной римской имперіи германской націи въ благовонномъ пламени весьма въ то время драгоцѣнной ванили и корицы. Государству новаго времени не удалось предотвратить сосредоточенія въ частныхъ рукахъ большаго, чѣмъ у него, количества золота, этой, какъ выразился Гоббесъ, „публичной крови", циркулирующей въ политическомъ организмѣ. И оно ограничивалось накопленіемъ скромныхъ и наивныхъ, т. н. неприкосновенныхъ запасовъ золотой наличности, выпуская подъ ея обезпеченіе бумажные суррогаты денегъ и все болѣе и болѣе обременяя себя долгами и кредитными билетами, буквально—*билетами вѣры*. Такіе демоны-искусители, какъ ученый Кнаппъ и нашъ русскій диллетантъ Шараповъ предлагали государству вообще перейти на бумагу, ибо оно, молъ, конечно, достаточно сильно, чтобы дать ей полную силу золота. Это и произошло со многими государствами, когда началась великая европейская война. Послѣдствія извѣстны. Бумажныя деньги — это безпроцентные векселя государства своимъ подданнымъ. Государство надавало слишкомъ много такихъ векселей и, въ сущности, обанкротилось. Благодаря этому, проблема финансовъ получила свой прежній смыслъ уловокъ для пополненія казны безсильнаго и не авторитетнаго государства. Кто можетъ предсказать, какъ оно съ этимъ справится и справится ли оно съ этимъ вообще?

Другой источникъ государственной силы—это армія. Когда-то государство пользовалось кондотьерами, вообще наемными войсками, туземными или иностранными, обязательно хорошо оплачиваемыми. Затѣмъ вербовка солдатъ стала принимать все болѣе и болѣе принудительный характеръ, пока, наконецъ, Шарнгорстъ въ Пруссіи не придумалъ всеобщей воинской повинности. Всѣ государства ввели ее у себя, т. е. обучили владѣть оружіемъ милліоны своихъ подданныхъ. Получилась сила на видъ колоссальная, но столь же неуклюжая, какъ ихтіозавры и прочія вымершія допотопныя чудовища. Послѣдняя война показала какъ неуклюжесть и нежизнеспособность колоссальныхъ армій, такъ и ихъ ненадежность, ибо люди добровольно проливаютъ свою кровь только во имя великихъ матафизическихъ идей. А когда такихъ идей нѣтъ и когда власть, дающая людямъ оружіе и посылающая ихъ на смерть, не пользуется въ ихъ глазахъ безграничнымъ авторите-

томъ, то оружіе иногда направляется совсѣмъ не туда, куда полагается. Посылающій на смерть нерѣдко самъ ее пріемлетъ, обнажающій мечъ отъ меча же и погибаетъ. Найдется ли въ настоящее время хотя бы одно государство современной культуры, которое рискнуло бы двинуть на войну внѣшнюю и особенно внутреннюю хотя бы одну дивизію своихъ солдатъ съ увѣренностью, что они будутъ вполнѣ безропотно проливать свою и чужую кровь, пока государство не скажетъ имъ: довольно. Такъ обстоитъ дѣло съ военной силой государства.

Такимъ образомъ современное государство уже давно стало терять свой авторитетъ и свою силу. Что же его вытѣсняетъ? Вытѣсняетъ общество. Принципъ государственности, сводящійся къ римскому еще понятію imperium, т. е. къ суверенному господству власти надъ обществомъ, уже давно вытѣсняется принципомъ общественности. Программа общественности, взятая съ идейной стороны, была вкратцѣ выражена въ извѣстной формулѣ французской революціи: свобода, равенство, братство. При реальномъ осуществленіи свобода дала либерализмъ, равенство — демократизмъ и братство — синдикализмъ.

Принципъ либерализма — свобода, освобожденіе, эмансипація отъ государственной власти. Его высказали еще Кольберу французскіе купцы, просившіе освободить ихъ отъ меркантильной опеки и заявившіе: laissez nous faire, предоставьте намъ самимъ дѣйствовать. Его высказалъ и Адамъ Смитъ, раздѣлившій общественный трудъ на производительный и непроизводительный и отнесшій къ категоріи непрозводительнаго труда всю работу чиновничества, администраціи и вообще аппарата власти, все государственное управленіе. Его высказалъ Сенъ-Симонъ въ своей притчѣ о томъ, что Франція много потеряла бы, если бы внезапно лишилась пятидесяти самыхъ крупныхъ дѣятелей промышленности, науки, литературы, и почти не замѣтила бы потери пятидесяти первыхъ государственныхъ людей. Либерализмъ требовалъ свободы для гражданъ и притомъ для всѣхъ гражданъ. Онъ требовалъ равной для всѣхъ свободы, равенства въ свободѣ. Такимъ образомъ, либерализмъ велъ за собою демократизмъ.

Принципъ демократизма — равенство, уравненіе всѣхъ людей, освобожденіе ихъ отъ іерархіи, ибо гдѣ іерархія, тамъ и неравенство. Послѣдовательно, до конца проведенный демократизмъ распространяется и на частное право, и на публичное право, и на хозяйственную организацію, вообще на все общежитіе. Такъ получились три демократіи — гражданская, политическая и соціальная.

Гражданская демократія состоитъ въ уравненіи всего населенія предъ гражданскимъ кодексомъ. Такая демократія вышла изъ французской революціи и закрѣплена Наполеоновскимъ кодексомъ 1804 года. Всѣ граждане равно свободны въ устройствѣ своей личной, имущественной и семейной жизни. И благосостояніе гражданъ создается уже не заботами государственной власти, какъ это дѣлало или, вѣрнѣе, хотѣло сдѣлать полицейское государство, а личными усиліями каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Свободное соревнованіе равноправныхъ субъектовъ частнаго права создаетъ благополучіе побѣдителей и неблагополучіе побѣжденныхъ въ житейской борьбѣ. Но и побѣдители, и побѣжденные обязаны своею долею только самимъ себѣ: А государство умываетъ себѣ руки, иногда впрочемъ награждая побѣдителей политическою привилегіею, преимущественно въ области избирательнаго права. Такъ было во Франціи до революціи 1848 года: избирательное право вообще обусловливалось богатствомъ, благодаря чему Гизо давалъ лишеннымъ этого права свой знаменитый совѣтъ: enrichissez vous, обогащайтесь. Логика демократизма требовала уничтоженія этого неравенства. И начиная съ революціи 1830 года оно дѣйствительно стало уничтожаться. Сообразно съ этимъ гражданскій демократизмъ былъ восполненъ демократизмомъ политическимъ.

Политическій демократизмъ состоитъ въ уравненіи политическихъ правъ всѣхъ гражданъ, въ предоставленіи имъ равной политической свободы. При этомъ политическая свобода разумѣется не только отрицательно, какъ свобода отъ государства, свобода слова устнаго, письменнаго и печатнаго, свобода собраній и союзовъ, вообще свобода публичной, внѣгосударственной жизни, но также и положительно, какъ свобода вліять на составъ и дѣятельность государственной власти, главнымъ образомъ, при посредствѣ избирательнаго права, все болѣе и болѣе всеобщаго и равнаго. Такимъ образомъ, вступая на путь политическаго демократизма, государственная власть не только отказывается отъ руководительства политическою жизнью страны, но еще и мѣняетъ свой собственный организаціонный принципъ. И начинается переходъ отъ управляемаго государства къ самоуправляющемуся обществу. Государственная надобщественная личность начинаетъ исчезать. Государство начинаетъ растворяться въ обществѣ и раздѣлять его судьбу. Оно втягивается въ соціальную борьбу. Какъ гражданское равноправіе не упразднило борьбы, борьбы между индивидами за частноправныя блага, такъ и политическое равноправіе не упразднило борьбы, причемъ ея предметомъ здѣсь становится уже сама государственная власть. Равноправные политически граждане объединяются

въ партіи, ведущія между собою борьбу за власть. И партіи различаются не столько различнымъ пониманіемъ политической сущности и задачъ объединяющаго ихъ государства, сколько различіемъ религіозныхъ, національныхъ и особенно экономическихъ интересовъ тѣхъ или иныхъ разъединенныхъ соціальныхъ группъ. Оказывается, значитъ, что политическое равенство не устраняетъ соціальнаго неравенства, неравенства классовъ и другихъ общественныхъ группъ. Сообразно съ этимъ послѣдовательное осуществленіе принципа равенства требуетъ перехода отъ политическаго демократизма къ демократизму соціальному.

Онъ и былъ провозглашенъ приблизительно въ эпоху революціи 1848 года. Соціальная демократія уравниваетъ людей уже не въ качествѣ соучастниковъ въ отправленіи политической власти, а въ качествѣ сотрудниковъ въ общественной, преимущественно хозяйственной кооперації. Все специфически политическое здѣсь уже или совершенно исчезаетъ или растворяется въ хозяйственномъ, вообще общественномъ. Политическая организація уступаетъ мѣсто организаціи соціальной. И гражданинъ превращается въ профессіонала той или иной спеціальности. Но общественная борьба и здѣсь не исчезаетъ. Она, напротивъ, даже обостряется. Борьба и пропасть между классами еще глубже, чѣмъ между политическими партіями. Чѣмъ сильнѣе объединены общностью своихъ собственныхъ интересовъ тѣ или иныя профессіональныя группы, тѣмъ болѣе имъ чужды собственные интересы другихъ профессіональныхъ группъ. Профессіональный эгоизмъ вноситъ разладъ даже въ предѣлы одного и того-же класса. И изъ этого положенія есть только два выхода: или принудительное, насильственное проведеніе равенства еще дальше, до конца, до полнаго, не только принципіальнаго, но и фактическаго уравненія людей, т. е. до коммунизма и даже еще дальше, до полной соціальной энтропіи, т. е. до смерти всего живого, или же дальнѣйшее углубленіе профессіональной солидарности и профессіональныхъ требованій отдѣльныхъ группъ. По первому пути пошла съ 1917 года революціонная Россія, по второму нѣсколько ранѣе этого пошли другія европейскія общества.

Такъ возникло то, что можно назвать синдикализмомъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Онъ въ одно и то же время сентименталенъ и безпощаденъ. Сентименталенъ къ своимъ, безпощаденъ къ чужимъ. Каждую соціальную группу онъ превращаетъ въ микрокосмъ, члены котораго другъ другу братья или, по крайней мѣрѣ, товарищи. Получается братство или, вѣрнѣе, цѣлый рядъ братствъ. И каждая группа ничего не желаетъ признавать, кромѣ своихъ собственныхъ

по преимуществу матеріальныхъ, интересовъ: одна корова и два акра земли, такова была программа одной англійской партіи. Во имя своихъ интересовъ такая группа бастуетъ, во имя ихъ она вооружается, чѣмъ можетъ, ибо, не притязая на всеобщій авторитетъ, она тѣмъ болѣе стремится увеличить свою силу. При этомъ отъ государства и его органовъ, въ принципѣ по крайней мѣрѣ, не остается уже ничего. Политическія партіи все болѣе и болѣе эволюціонируютъ въ сторону представительства профессіональныхъ интересовъ. Чиновничество изъ слугъ государства, изъ органовъ управленія, изъ соработниковъ Провидѣнія, какъ выражался Лоренцъ Штейнъ, тоже превратилось въ профессіональную группу, вѣрнѣе даже въ рядъ профессіональныхъ, вѣдомственныхъ группъ, изъ которыхъ каждая отстаиваетъ свои собственные матеріальные интересы. Для ихъ осуществленія, и притомъ по возможности немедленнаго, всякая профессіональная группа болѣе или менѣе рѣшительно готова прибѣгнуть къ прямому дѣйствію (action directe), къ саботажу, забастовкѣ и еще болѣе крайнимъ выступленіямъ. Единственно, что можетъ связывать такія группы, это общность ихъ матеріальныхъ интересовъ. И тогда онѣ федерируются, вступаютъ въ союзъ. Такимъ образомъ въ программу синдикализма входитъ и федерализмъ, но не политическій федерализмъ всякаго, рода союзовъ государствъ или союзныхъ государствъ, а соціальный, преимущественно экономическій федерализмъ капитала, или труда, или профессій. Въ связи съ этимъ федерализмомъ находится и то, что теперь называютъ совѣтизмомъ, т. е. стремленіе къ замѣнѣ упраздненнаго или подлежащаго упраздненію государственнаго управленія союзомъ совѣтовъ профессіональныхъ организацій (совѣты русскихъ большевиковъ представляютъ, конечно, грубое искаженіе этой идеи, ибо они въ дѣйствительности являются мнимо общественными, подневольными и показными собраніями безсильныхъ креатуръ диктаторски правящей коммунистической олигархіи).

Такъ постепенно государственность вытѣсняется общественностью. Этотъ процессъ нашелъ себѣ отголосокъ въ наукѣ о государствѣ. Наука XVIII вѣка и еще начала XIX возвеличиваетъ государство. А общества она или совсѣмъ не знаетъ, или не признаетъ; въ лучшемъ случаѣ она считаетъ его чѣмъ-то примитивнымъ, догосударственнымъ. Для Гегеля государство — это дѣйствительность нравственной идеи, а общество — въ порядкѣ діалектическомъ — низшая, догосударственная стадія, въ порядкѣ же историческомъ — средневѣковая безгосударственность, павшая вмѣстѣ съ прогрессомъ цивилизаціи и вообще духа. Робертъ Моль открылъ общество рядомъ съ государ-

ствомъ, но не связалъ ихъ другъ съ другомъ, а предлагалъ изучать отдѣльно общество и отдѣльно государство и въ концѣ концовъ подчинялъ общество государству. Лоренцъ Штейнъ первый понялъ всю серьезность и весь драматизмъ происходящей борьбы. Понялъ онъ и то, что это — борьба за государственную власть и что общество стремится поглотить государство. Но онъ все еще разумѣлъ государство какъ надобщественную личность и сообразно съ этимъ возвеличивалъ права и обязанности государственной власти. Іеллинекъ старался еще эклектически совмѣстить теорію государственной личности и соціальное ученіе о государствѣ. Зато Гумпловичъ совсѣмъ отрицалъ реальность надобщественнаго государства. Единственно реальнымъ онъ признавалъ только общество. И все государственное онъ всецѣло растворялъ въ общественномъ. Н. М. Коркуновъ отвергъ государственную личность и единую государственную волю и превратилъ власть изъ субъекта господства въ какой-то объектъ приспособленія къ соціальнымъ потребностямъ. Наконецъ, когда Дюги и Оріу пожелали установить и углубить принципы современнаго публичнаго права, они объявили, что государство умерло, и замѣнили его соціальною междузависимостью (interdépendance). Такова эволюція современнаго государствовѣдѣнія. Тенденція его совершенно ясна и очевидна. О тенденціяхъ соціализма и соціологіи, конечно, и говорить нечего.

Итакъ, государство вытѣсняется обществомъ. Но что такое это общество? Буквально общество, societas, Gesellschaft означаетъ союзъ, правовое и благоустроенное, согласное соединеніе людей для общей цѣли, во имя какого-то общаго дѣла. Очевидно, населеніе современныхъ государствъ далеко еще не является обществомъ въ этомъ смыслѣ. И слова: общественный, соціальный — не особенно кстати и не особенно удачно употребляются для обозначенія того разъединенія и той борьбы, вообще того несогласія, той необщественности, которыя участвуютъ въ такъ называемомъ обществѣ нашего времени. Разъединеніе неизбѣжно вызывается принципами, лежащими въ основаніи современной общественности. Принципъ либерализма — свобода. Каждый для себя. Каждый самоопредѣляется, т. е. буквально каждый самъ устанавливаетъ предѣлъ, границу своему эгоизму. И если его предѣлъ заходитъ въ предѣлъ другого, тоже самоопредѣляющагося индивида, то что можетъ привести къ ихъ дѣйствительному разграниченію? Очевидно, борьба индивидовъ неизбѣжна. Это поняли глашатаи либерализма. Но они оптимистически вѣрили, что борьба, конкурренція, особенно въ области экономики, даетъ наилучшіе соціальные, въ смыслѣ общаго блага, результаты. Бастіа даже благодарилъ Провидѣніе за такое именно устрой-

ство общежитія. Принципъ демократизма — равенство. И Токвиль, также какъ и Бастіа по отношенію къ свободѣ, находилъ, что проникновеніе равенства въ европейскія общежитія это провиденціальный процессъ, актъ Провидѣнія. Однако, формальное, правовое, искусственное равенство гражданскаго и политическаго демократизма привело только, какъ выразилась г-жа Сталь, къ возстановленію естественнаго неравенства людей. А стремленіе соціальной демократіи перейти отъ формальнаго равенства къ реальному съ перенесеніемъ центра тяжести изъ права и политики въ экономику привело только къ борьбѣ классовъ. Наконецъ, принципъ синдикализма — братство, точнѣе, товарищество, но опять таки только въ предѣлахъ эгоистическихъ профессіональныхъ группъ, враждебныхъ или въ лучшемъ случаѣ равнодушныхъ къ домогательствамъ другихъ группъ. И соціальная солидарность группъ не столько констатируется, сколько проповѣдуется съ помощью такихъ ненадежныхъ средствъ, какъ напримѣръ то, что Сорель назвалъ миѳомъ всеобщей забастовки, который, будучи, въ сущности, не болѣе чѣмъ миѳомъ, будто бы, и можетъ, и долженъ воодушевлять людей не хуже, чѣмъ прежній миѳъ Христа.

Итакъ кризисъ современнаго государства состоитъ въ томъ, что оно вытѣсняется обществомъ. Гражданская и политическая организація населенія расшатываются. А соціальная борьба и разъединеніе пока не обѣщаютъ настоящей организованной общественности. Государственная власть теряетъ авторитетъ и силу. Старая соціальная іерархія, лежавшая въ основаніи государства, все болѣе и болѣе распадается, а новой пока еще нѣтъ. А гдѣ нѣтъ соціальной іерархіи, тамъ водворяется соціальная анархія. Таковъ діагнозъ. Каковъ же прогнозъ? Въ частности, что будетъ съ государственною властью, этимъ средоточіемъ всякаго государства?

Прежде всего, если не пускаться въ область фантазіи и не выходить за предѣлы реальныхъ данныхъ, нѣтъ основаній предполагать, что ея вообще не будетъ, и что государство дѣйствительно и окончательно умретъ. Этого пока еще не видно. Съ формулою Дюги, l'état est mort, можно согласиться, только прибавляя къ ней: vive l'état, по аналогіи съ извѣстною старою французскою формулой о смерти королей. Возможно, что вмѣсто стараго государства будетъ новое. Но государство-то, какъ таковое, не исчезнетъ. Такъ вотъ, какова будетъ въ немъ власть?

Всякая государственная власть обосновывается или сверху, милостью Божіею—и тогда это власть теократическая; или снизу, волею

народа—и тогда это власть демократическая; или собственною силою —и тогда это власть автократическая, самодержавная. Для теократической власти сейчасъ, несмотря на замѣтный религіозный подъемъ во многихъ странахъ, нѣтъ положительныхъ данныхъ. Сенъ Симонъ попробовалъ было увидѣть въ соціализмѣ новое христіанство. Но Марксъ быстро и успѣшно ликвидировалъ эту попытку, давъ соціализму рѣзко выраженный анти-христіанскій характеръ. Ни изъ либерализма, ни изъ демократизма, ни изъ синдикализма, какъ таковыхъ, еще не выйдетъ ни религіозныхъ движеній, ни теократіи. Возможность ея въ болѣе далекомъ будущемъ не исключена, но пока объ этомъ говорить преждевременно; еще не наступила полнота временъ.

Есть-ли данныя, что власть будетъ автократическою? Когда-то русскій ученый Б. Н. Чичеринъ, а послѣ него французскій ученый Пасси сдѣлали обобщеніе, что чѣмъ разъединеннѣе обшество, тѣмъ, въ концѣ концовъ, сосредоточеннѣе власть. Если это обобщеніе правильно, то современная соціальная борьба можетъ кончиться автократизмомъ. Недаромъ партійный режимъ привелъ къ партійной дисциплинѣ. Недаромъ одна изъ очередныхъ проблемъ власти — это проблема диктатуры. Что такое уже парламентаризмъ, какъ не политическая диктатура партіи большинства,— правда, съ сохраненіемъ всѣхъ формальныхъ гражданскихъ и политическихъ свободъ? Къ чему стремится соціализмъ, какъ не къ диктатурѣ класса? И что такое т. н. совѣтская Россія, какъ не диктатура коммунистическихъ вождей? Къ этимъ политическимъ даннымъ присоединяются еще и экономическія. До послѣднихъ потрясеній хозяйственная жизнь Европы развивалась въ направленіи все большей и большей концентраціи и огосударствленія. Адольфъ Вагнеръ призналъ даже возможнымъ провозгласить законъ все большаго и большаго усиленія регулирующаго вліянія государственной власти на хозяйство. И если вѣренъ другой законъ, законъ непрерывности соціальной эволюціи, которой, какъ показалъ Токвиль, не нарушаютъ и такія крупныя потрясенія, какъ французская революція, то получается еще одно основаніе подкрѣпить вѣроятность политической автократіи вѣроятностью автократіи экономической.

Такова одна реальная возможность. Существуетъ-ли другая, именно власть волею народа? О ней много говорятъ сторонники всякаго рода учредительныхъ собраній, воодушевляющіеся при этомъ идеями XVIII вѣка о единомъ и недѣлимомъ народѣ, который будто бы образуетъ населеніе каждаго государства, и о его всеобщей волѣ,

навѣки нерушимой. Но вѣдь мы живемъ не въ XVIII, а въ XX столѣтіи. И народъ теперь уже не тотъ. Это не нѣчто единое и недѣлимое. Это враждующія или, въ лучшемъ случаѣ, равнодушныя другъ къ другу группы, для каждой изъ которыхъ максимумомъ соціальности является общность профессіональныхъ интересовъ всѣхъ входящихъ въ нее членовъ. О единой, объединяющей власти могла-бы быть рѣчь постольку, поскольку былъ-бы реализованъ синдикалистическій федерализмъ. И въ этомъ отношеніи программный размахъ соціальной демократіи очень великъ: пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь. Какой-то всемірный, міродержавный соціалистическій имперіализмъ. Но одно дѣло программа, другое дѣло дѣйствительность. Въ дѣйствительности не только пролетаріи всѣхъ странъ не объединяются настолько, что-бы выдѣлить изъ себя власть пролетаріевъ всѣхъ странъ, но даже и въ предѣлахъ одной страны не объединяются ни городской и деревенскій пролетаріатъ, ни даже разные профессіональные виды городского пролетаріата. И современная общественность пока не идетъ дальше образованія эгоистическихъ и центробѣжныхъ профессіональныхъ группъ. Такъ какъ этотъ процессъ все усиливается, то проблема власти волею народа сводится ко множественности властей въ предѣлахъ самоуправляющихся, а нерѣдко и просто самоуправныхъ, профессіональныхъ группъ.

И если исторіи общественности суждено пойти именно по этому пути, то это обѣщаетъ намъ *грядущее средневѣковье*. Недаромъ Оріу, придавшій такое огромное значеніе синдикализму въ жизни государства, неоднократно пользуется средневѣковьемъ для характеристики тенденцій современности. И дѣйствительно, какъ это особенно хорошо понимала школа Гегеля, средніе вѣка — это время преобладанія общества, а не государства, и притомъ общества, слагавшагося изъ автономныхъ коммунъ, корпорацій, цеховъ и т. п. профессіональныхъ организацій и не возглавлявшагося дѣйствительно сильнымъ, державнымъ, авторитетнымъ, суверенномъ государствомъ. Кто знаетъ, не возвращаемся-ли мы къ такому порядку? Вѣдь пути исторіи очень извилисты. Вико видѣлъ въ ней круговращеніе, вѣчное повтореніе. А Гете уподоблялъ ее спирали, гдѣ ничто не повторяется, но все возвращается. Быть можетъ, и мы возвращаемся къ безгосударственности средневѣковаго типа, которою и завершится кризисъ современнаго государства.

Е. Спекторскій.

Леонидъ Андреевъ.

„Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ!“

Изумительно красивая голова. Мужественное, благородное лицо. Умные, темные какъ бездна, тревожно-испытующіе глаза. Закинутые назадъ черные волосы, волной спадающіе на уши и лобъ. Рѣзкая углубленная, перечеркивающая высокій лобъ морщина межъ бровей. Низкій, властный и тоже тревожный тембръ голоса. Короткій нервный жестъ...

Прекрасная голова гордаго мыслящаго человѣка!

Однажды художникъ Рѣпинъ сказалъ:

— Съ головы Леонида Николаевича мнѣ хочется написать усѣкновенную главу Іоанна Крестителя!..

Портретъ, приложенный къ выпущенному „Нивой“ собранію сочиненій Л. Н. Андреева,—одинъ изъ наиболѣе удачныхъ: на немъ запечатлѣлось многое изъ сложнаго содержанія Андреевскаго лица.

Кто видѣлъ этотъ портретъ, а самого Андреева встрѣтитъ впервые,—непремѣнно, вмѣстѣ съ нѣкоторой неожиданностью, почувствуетъ еще и нѣкоторую долю разочарованія: прекрасная голова совершенно не соотвѣтствуетъ той фигурѣ, на которую она посажена; голова прекрасна, но она велика для туловища; такая голова требуетъ большей высоты, гибкости и стройности, требуетъ соотвѣтственной гордости и значительности всей фигуры. А этого нѣтъ!..

Л. Н. Андреевъ не высокъ, приземистъ, не гибокъ. Вообще въ фигурѣ его нѣтъ красоты, а есть рѣзко бросающаяся въ глаза дисгармонія.

Голова Прометея, а фигура одного изъ обыкновеннѣйшихъ жителей земли, для которыхъ Прометей укралъ огонь съ неба.

Когда мнѣ случалось видѣть Леонида Андреева рядомъ съ Максимомъ Горькимъ, мнѣ всегда приходила въ голову несуразная мысль невѣсты изъ Гоголевской „Свадьбы“: „Вотъ если бы голову Горькаго поставить на туловище Андреева, а голову Андреева на туловище Горькаго, то . . .“ У Горькаго голова по туловищу маловата, да и по выраженію лица болѣе соотвѣтствовала-бы туловищу Андреева . . .

Эта дисгармонія чисто внѣшняго характера не была, однако, только случайной игрой природы. Она явилась нѣкоторымъ символомъ человѣческаго и писательскаго „Я“ Леонида Николаевича Андреева.

Голова и сердце писателя пребывали въ вѣчномъ ратоборствѣ между собою!

Голова и сердце жили на разныхъ половинахъ. Голова была дерзновенна, холодна, почти жестока, а сердце — человѣческое, „слишкомъ человѣческое“. . . Однажды въ юности, въ одну изъ обычныхъ ссоръ, голова схватила револьверъ и пустила въ сердце пулю, но промахнулась. Съ тѣхъ поръ бѣдное сердце страдало „порокомъ“, самымъ обыкновеннымъ порокомъ. . .

Гордая голова, голова Прометея, рвалась похитить огонь съ неба, а „сердце съ порокомъ“ раболѣпно подавало коробку шведскихъ спичекъ. . .

Какъ писатель Леонидъ Андреевъ — весь въ одной своей головѣ, съ ея темными какъ бездна глазами, безпокойными и тревожными, съ большимъ гордымъ лбомъ, съ глубокой характерной морщиной межъ бровями. Кто это понималъ, для того Андреевъ былъ большимъ, кто не понималъ, для тѣхъ маленькимъ. Критикъ Чуковскій написалъ книгу, которую такъ и назвалъ: „Андреевъ большой и Андреевъ маленькій“. Въ этой книгѣ онъ далъ рядъ параллельныхъ сужденій нашей критики о произведеніяхъ и талантѣ писателя. Отзывы оказывались діаметрально противуположными. Почти каждая вещь Андреева вызывала со стороны однихъ критиковъ — восторгъ и преклоненіе, какъ передъ великимъ талантомъ, почти геніемъ, со стороны другихъ критиковъ — раздраженное отрицаніе, какъ передъ маленькимъ дарованіемъ съ большими претензіями. Одни увѣровали въ Андреева и, признавъ въ немъ не только огромнаго художника, но и психолога-мыслителя, превозносили его до сравненія съ Достоевскимъ; другіе такъ и

не увѣровали, считая его просто какимъ-то умнымъ обманщикомъ, фокусникомъ слова. . .

Въ числѣ первыхъ, увѣровавшихъ и превозносившихъ, мы имѣемъ такія имена, какъ Овсяниковъ-Куликовскій, Минскій, Мережковскій, Измайловъ и др. Въ числѣ неувѣровавшихъ — Левъ Николаевичъ Толстой, а за нимъ цѣлая рать критиковъ, въ числѣ которыхъ тоже имѣются имена, какъ напримѣръ, талантливый критикъ-портретистъ Айхенвальдъ.

— Чуждый перспективы, мѣры и такта, говоритъ онъ про Андреева, — писатель производитъ много шума изъ ничего; творецъ не мудрый, а мудрствующій, органически неправдивый, Андреевъ искажаетъ истину, выдумываетъ души, поступки, сочиняетъ людей, и въ этомъ великое кощунство.

Въ этомъ отзывѣ въ общемъ сгущенно представлены всѣ обвиненія и приговоры неувѣровавшихъ въ писателя, какъ въ художника и мыслителя.

— Онъ меня пугаетъ, а мнѣ не страшно! — вотъ суровый приговоръ Льва Толстого надъ Андреевымъ въ періодъ его наивысшей шумной популярности. . .

Непризнавшіе, между прочимъ, обвиняли Андреева еще въ томъ, что онъ злободневенъ, что онъ гоняется за современными очередными темами и событіями: въ Уфѣ убили губернатора — вотъ вамъ повѣсть „Губернаторъ“; война съ Японіей — вотъ вамъ „Красный смѣхъ“; на очереди вопросъ о смертной казни — вотъ вамъ „Семь повѣшенныхъ“, и т. д.

Какъ-бы то ни было, уже самая война критики около имени Леонида Андреева, оставившая намъ цѣлую литературу, свидѣтельствуетъ о томъ, что отнятый у насъ большевистскимъ кровавымъ ураганомъ писатель, умершій всего 47 лѣтъ отъ роду, былъ писатель большой, а не маленькій, для котораго будетъ отведено почетное мѣсто въ исторіи нашей литературы... хотя бы уже потому, что Леонидъ Андреевъ — это зеркало, въ которомъ такъ ярко и такъ жестоко преломилась наша интеллигентская опустошенная душа!

Я не критикъ и не беру на себя смѣлости давать оцѣнку Леонида Андреева какъ писателя-художника. Быть можетъ, вообще этому еще не пришла пора. Но я близко зналъ его, какъ человѣка и писателя: втеченіе долгихъ лѣтъ наша литературная дорога была общей, много лѣтъ мы были связаны не только зелеными сборниками „Знанія“, гдѣ расцвѣлъ та-

лантъ Леонида Андреева, но и тѣсными дружескими отношеніями. На моихъ глазахъ развертывалась душевная трагедія этого человѣка и писателя. И только съ этой стороны мнѣ хочется подойти къ покойному писателю и его творчеству, ибо трагедія его души есть наша русская трегедія, трагедія нашей идеологической интеллигенціи...

Всѣмъ непризнавшимъ, всѣмъ скептикамъ и хулителямъ своимъ Леонидъ Николаевичъ могъ-бы съ заслуженнымъ упрекомъ сказать:

Не вини меня, другъ мой, я—сынъ нашихъ дней,
Сынъ раздумья, тревогъ и сомнѣній!..

Отрочество и юность Леонида Николаевича совпали съ эпохой Чеховскихъ „Сумерекъ“ и „Хмурыхъ людей“, Іонычей и Чебутыкиныхъ, „Дядей Ваней“ и „Трехъ сестеръ“. Если послѣ 1881 года вождь русской интеллигенціи, Н. К. Михайловскій, издалъ вопль: „Какъ жить? Во что вѣрить? Все рушилось“,— то въ долгіе годы наступившей реакціи исчезли послѣдніе проблески вѣры и надеждъ. Люди, подобно Чебутыкину, сомнѣвались даже въ томъ, живутъ-ли они дѣйствительно, или это только имъ такъ кажется. Авторъ „Сумерекъ“ писалъ: „Я не вѣрю въ нашу интеллигенцію, я вѣрю только въ отдѣльныхъ личностей изъ интеллигенціи“...

Вотъ въ эти-то пасмурные и хмурые годы русской жизни и формировалась отроческая и юная душа будущаго писателя.

Однажды, въ рѣдкія минуты искреннихъ изліяній, Леонидъ Николаевичъ, находившійся тогда уже на вершинѣ своей славы, страшно популярный, читаемый, какъ говорится, нарасхватъ, сказалъ мнѣ:

— Счастливый ты человѣкъ! Я завидую тебѣ...

— Что это? — опытъ изъ области твой писательской экспериментальной психологіи?

— Нѣтъ. Я говорю серьезно! Я завидую тебѣ, какъ писателю: тебя не только читаютъ, тебя любятъ читатели. У тебя есть съ ними духовная связь. Про меня никто не скажетъ, что я его „любимый писатель“!

— Ты? И ты, неблагодарный, говоришь это про читателя, который жадно набрасывается на каждую новую твою вещь, съ устъ котораго не сходитъ твое имя?!

— Да. Меня всѣ читаютъ, но меня не любятъ!... Я популяренъ, но нелюбимъ...

— Почему ты такъ думаешь?

— Я это знаю и... чувствую! И понимаю это. Читатель всегда ждетъ отъ писателя духовнаго подаянія. Онъ, вѣдь, и Богу охотнѣе молится, когда діаконъ провозглашаетъ ектинію просительную. Все стоитъ и стоитъ себѣ, а какъ услышитъ съ клироса „Подай Господи!“, сейчасъ-же начнетъ, торопливо креститься... Ну, а я ничего ему не даю... Я отнимаю у него послѣднее. Я ничего никогда не даю и всегда только отнимаю! И что я могу дать? Я, котораго ни въ дѣтствѣ, ни въ юности не научили молиться какому-нибудь Богу! Вотъ теперь наша интеллигенція занялась на старости лѣтъ богостроительствомъ! Поздно!

Начали говорить о „писательской звѣздѣ“:

— Такая маленькая, казалось-бы, разница въ лѣтахъ! — говорилъ Леонидъ Николаевичъ. — Ты старше меня на какихъ-нибудь семь-восемь лѣтъ, а между тѣмъ эти восемь лѣтъ совсѣмъ по разному рѣшили нашу писательскую судьбу.. Твое дѣтство и юность проходили съ унаслѣдованной вѣрою отъ народниковъ. Хотя народники и называли себя атеистами и соціалистами, но ихъ вѣра всецѣло покоилась на моральныхъ устояхъ христіанства, да еще подпиралась національной гордостью. Мое дѣтство и юность проходили въ полной нищетѣ; намъ не во что было вѣрить!

— Но, вѣдь, и моя отроческая и юная вѣра разбилась...

— Да. Но разбилась только форма, а основа осталась. И новую марксистскую вѣру ты переваривалъ по своему... А наше поколѣніе... оно насильственно было крещено въ новую вѣру...

— Почему насильственно?

— Вѣры никакой не было. Была пустота... Но вѣдь человѣку нельзя жить безъ всякой вѣры! Ну, и приняли... Владиміръ Святой могъ хотя выбирать, а намъ и выбирать было не изъ чего... Ты вотъ хотя и обращенъ въ новую вѣру, но похожъ на новообращеннаго въ христіанство чувашина или черемисина: именуешься марксистомъ, а тайно молишься своимъ старымъ богамъ, унаслѣдованнымъ отъ предковъ...

Леонидъ Николаевичъ превратилъ серьезно начатый разговоръ въ шутливый, заглушилъ боль души остроумными

парадоксами, неожиданными сравненіями и незамѣтно увелъ меня въ другую сторону. Онъ не любилъ бередить свои душевныя раны, показывать ихъ даже друзьямъ. Но для меня было ясно: онъ переживалъ глубокую тоску опустошенной души, тоску не то Фауста, не то Демона...

Приступы такой тоски въ послѣдніе годы овладѣвали душой Леонида Николаевича все чаще и чаще и завершались забвеніемъ въ винѣ . . .

Сынъ страшной эпохи „Сумерекъ", Леонидъ Николаевичъ въ началѣ своей творческой работы (въ 1900 г.) приноситъ оттуда съ собою могильный холодъ души . . .

— Загляните въ душу свою, и будетъ-ли тогда день или ночь—вы найдете тамъ кладбище. Маленькое, жадное, такъ много поглотившее . . . Вотъ подъ тяжелымъ камнемъ, окруженная частой чугунной рѣшеткою, покоится *любовь къ людямъ* и сестра ея — *вѣра* въ нихъ. Какъ онѣ были красивы и чудно-хороши! Какимъ яркимъ огнемъ горѣли ихъ глаза! И онѣ умерли, эти сестры. А вотъ дальше — покосившійся крестъ знаменуетъ мѣсто, гдѣ зарытъ въ землю талантъ. Какой онъ былъ бодрый, шумный, веселый, за все брался, все хотѣлъ сдѣлать и былъ увѣренъ, что покоритъ міръ . . . И умеръ какъ-то незамѣтно и тихо. Однажды пошелъ къ людямъ, долго пропадалъ тамъ и вернулся разбитый, печальный. Долго плакалъ, долго порывался что-то сказать, да такъ не сказавши и умеръ! . . Тихо на кладбищѣ, и печально шелестятъ листьями березки . . .

Писатель пришелъ къ намъ уже отравленный интеллигентской психологіей русскихъ сумерекъ. Вѣдь, въ этой атмосферѣ сумерекъ безвѣрія онъ жилъ въ отрочествѣ и юности. Онъ пришелъ къ намъ уже безъ бодрой радости бытія, безъ юной непосредственности воспріятій красоты Божіей и безъ молчаливой инстинктивной благодарности Творцу мірозданія!...

Но Молодость все-таки остается молодостью. Она прежде всего воинственна.

Начавъ свою писательскую дѣятельность подъ несомнѣннымъ вліяніемъ современнаго властителя думъ, А. П. Чехова, Андреевъ даетъ намъ прекрасную книгу своихъ первыхъ разсказовъ. Какимъ близкимъ и роднымъ является въ ней Андреевъ русскому читателю! „Жили-были", „Большой шлемъ", „Петька на дачѣ", „Ангелочекъ" — кто не помнитъ этихъ

первыхъ Андреевскихъ разсказовъ? Въ нихъ еще звучитъ громкое эхо нашей родной національной литературы, съ ея лаской и любовью къ человѣку, съ ея кроткой снисходительностью къ человѣческимъ грѣхамъ и слабостямъ, съ ея умѣніемъ находить жемчужное зерно даже въ навозной кучѣ. Это все отъ нашихъ столповъ родной литературы, отъ Толстого и Достоевскаго, въ одеждахъ Чеховскихъ сумерекъ. Это послѣдняя по инерціи приносимая жертва на алтарь старымъ богамъ родной литературы. И тѣмъ не менѣе это не перепѣвы стараго. Въ этой книжкѣ уже явственно почувствовался новый талантъ крупной величины. — Родился новый большой писатель! — таковъ былъ общій радостный звонъ колоколовъ нашей критики. И самъ Н. К. Михайловскій благословилъ этотъ талантъ словомъ своего напутствія... Леонидъ Андреевъ сразу дѣлается „знаменитымъ“.

Успѣхъ окрыляетъ душу. А молодость воинственна. Ей свойственна поза рыцаря въ доспѣхахъ, выѣзжающаго на конѣ на перекрестокъ дорогъ и вызывающаго на бой и состязаніе противника!

Но, вѣдь, каждый рыцарь долженъ имѣть какую-нибудь „Прекрасную Даму“, во имя и славу которой онъ сражается. Какого-же „Ордена“ онъ, счастливый успѣхомъ, новый и знаменитый уже писатель?

Народническій храмъ разрушенъ. Интеллигентскіе каменщики-идеологи наскоро воздвигаютъ новый храмъ во имя „Карла Маркса и пророковъ его Энгельса, Либкнехта и Бебеля“.

Безъ вѣры невозможно жить человѣку, а вѣра... „Нѣтъ Бога, кромѣ Маркса и пророковъ его!“

Правда, въ новомъ храмѣ богослуженіе совершается на мало понятномъ Андрееву языкѣ, но кто, даже изъ интеллигентскихъ политическихъ младенцевъ, не знаетъ, что такое соціализмъ?

— Я уже въ 1846 году—говоритъ Достоевскій—былъ посвященъ во всю правду грядущаго обновленнаго міра и во всю святость будущаго коммунистическаго общества, во всѣ эти убѣжденія о безнравственности самыхъ основаній современнаго общества, о вредѣ религіи, семьи, права собственности, во всѣ эти идеи объ уничтоженіи національности во имя всеоб-

щаго братства, о презрѣніи къ отечеству, какъ тормазу всеобщаго развитія и т. д.

Развѣ всѣ эти идеи не были „заповѣдями“ въ каждомъ, въ любомъ изъ идеологическихъ храмовъ и монастырей русской интеллигенціи? Развѣ онѣ не сдѣлались наслѣдственнымъ родовымъ достояніемъ русскаго „передового интеллигента“? . .

Разница между старой народнической и новой марксистской вѣрами заключалась лишь въ томъ, что у народниковъ эти „аксіомы“ разумѣлись, но не вылѣзали впередъ, ибо на очереди стояла активная борьба съ деспотизмомъ, а въ новой вѣрѣ эти аксіомы выдвигались на первый планъ, становились дѣйственными.

Вотъ тутъ и происходитъ, по собственному выраженію Андреева, его „насильственное крещеніе“.

Въ концѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія уже обозначается рѣзкій переломъ въ настроеніяхъ нашей общественности. Длительная реакція начинаетъ спадать, а вмѣстѣ съ этимъ сумеречность и хмурость, апатія и сонливость общественнаго бытія смѣняются пробужденіемъ мысли и чувства, появляется въ обществѣ воля къ дѣйственному проявленію своего творческаго „я“. Именно съ этимъ моментомъ совпадаетъ постройка литературно-революціонной крѣпости „Знанія“, въ которой заперлись, во главѣ съ М. Горькимъ, почти всѣ революціонно-настроенные писатели — беллетристы того времени. Надо сказать, что очень долго эта крѣпость оставалась безпартійной, ибо тутъ рядомъ съ нововѣрами собрались и писатели съ разныхъ разбитыхъ кораблей революціонной мысли, и писатели просто оппозиціонно настроенные.

Къ нимъ примкнули писатели, которые никогда революціонерами не были, но всегда стояли въ непримиримой позиціи по отношенію къ деспотической реакціи послѣднихъ лѣтъ.

Развѣ могъ молодой воинственно-настроенный, окрыленный успѣхомъ Андреевъ не присоединиться къ этой воинственной группѣ писателей?

Получивъ путемъ наслѣдія передаваемыя изъ поколѣнія въ поколѣніе заповѣди обновленія міра, о которыхъ писалъ Достоевскій, горя яркой ненавистью къ реакціи и деспотизму, съ которыми связывалось представленіе о „старомъ мірѣ“, Андреевъ примкнулъ къ Горькому, который, съ одной стороны,

уже своими ницшеанцами-босяками разгромилъ всѣ цѣнности буржуазнаго міра, а съ другой — пѣлъ пѣсни „безумству храбрыхъ“ и „Человѣку, звучащему гордо“ .. Горькій еще не былъ партійнымъ человѣкомъ, а только вольнымъ партизаномъ борьбы со „старымъ міромъ“, что и роднило его съ Андреевымъ. Послѣдній входитъ въ „Знаніе“, и съ тѣхъ поръ имена Горькаго и Андреева читатели и почитатели начинаютъ соединять во-едино. Если говорятъ объ Андреевѣ, то непремѣнно — и о Го́рькомъ. И обратно.

Во имя „Человѣка, звучащаго гордо“, во имя освобожденія его личности, начинается переоцѣнка всѣхъ цѣнностей „стараго мира“ и его разрушеніе. И разрушеніе это творится не столько по символу новой Марксистской вѣры сколько по „Заратуштрѣ“. Какъ это ни странно на первыхъ порахъ, но глубоко индивидуалистическая и буржуазная, по существу своему, поэтическая философія Ницше въ дѣлѣ разрушенія всѣхъ устоевъ современности оказывается прямой союзницей „новой вѣры“ русской интеллигенціи.

Вѣроятно, это непредвидѣнное Андреевымъ служеніе цѣлямъ новой вѣры и ея партіи и было основаніемъ и поводомъ къ его грустной ироніи о насильственномъ его крещеніи въ марксову вѣру.... Разрушеніе буржуазнаго государства съ его предразсудками, съ его „рабьей моралью“, начатое отъ Заратуштры и неизбѣжно слившееся съ „идеями“, о которыхъ говорилъ Достоевскій, увело Леонида Андреева въ „темную даль“ интернаціонализма...

Съ этихъ поръ Леонидъ Андреевъ начинаетъ напоминать намъ своего героя изъ разсказа „Въ темную даль“. Появленіе всякой новой повѣсти его дѣлается похожимъ на появленіе въ отчемъ домѣ его героя Николая:

„Какъ будто бы вошелъ въ домъ и навсегда занялъ въ немъ мѣсто кто-то загадочно-опасный, болѣе чужой, чѣмъ любой человѣкъ съ улицы и болѣе страшный, чѣмъ любой грабитель. Николай никому не мѣшалъ, самъ говорилъ мало и другихъ слушалъ не то чтобы охотно, а съ какимъ-то высокомѣрнымъ равнодушіемъ, какъ будто впередъ зналъ, что ему могутъ разсказать. Онъ разносилъ холодъ по всему своему пути и заставлялъ думать людей такъ, словно они сейчасъ только совершили что-то очень нехорошее и даже преступное, и ихъ будутъ судить и наказывать. Онъ стоялъ среди

комнатъ особнякомъ, какъ что-то чужое и враждебное. И если-бы всѣ дорогія вещи могли чувствовать и говорить, онѣ сказали-бы, что умираютъ отъ страха, когда онъ приближается, беретъ ихъ въ руки и разсматриваетъ ихъ съ страннымъ любопытствомъ. Онъ никогда ихъ не ронялъ и ставилъ вещь на мѣсто, какъ разъ такъ, какъ она стояла раньше, но какъ будто-бы одно прикосновеніе его руки отнимало у изящной статуэтки всю ея цѣнность, и послѣ его ухода она стояла пустой и ни на что ненужной. Ея душа, созданная искусствомъ, таяла въ его рукахъ, и оставался только ненужный кусокъ бронзы или глины!"

Вотъ также, когда Леонидъ Андреевъ появлялся теперь въ отчемъ домѣ нашей родной литературы, чувствовали теперь себя по отношенію къ автору читатели. Когда онъ бралъ въ свои творческія руки ту или иную дорогую цѣнность нашей культуры, она словно теряла свою душу, свою цѣнность. Оставался только ненужный кусокъ словъ и понятій...

Взялъ онъ въ руки самую наивысшую цѣнность изъ цѣнностей не только нашихъ, но и всего христіанскаго міра „любовь къ ближнему", посмотрѣлъ и повертѣлъ ее въ своихъ рукахъ, — мы прочитали его злую сатиру подъ заглавіемъ „Любовь къ ближнему". А вотъ вамъ христіанская мораль-разсказъ „Христіане"!

„Правила добра!"

„Нѣкто въ сѣромъ" . . .

„Жизнь человѣка!"

Богъ и религія, право и мораль, добро и зло, стыдъ, состраданіе, цѣломудріе — всѣ наши духовныя и моральныя цѣнности какъ-бы обрекались Андреевымъ на сломъ, ибо разрушалась подъ перомъ его самая душа и цѣнность ихъ... Горькій и Андреевъ дружно разрушаютъ всѣ цѣнности духовной и соціальной культуры современнаго государства и общества, а вѣдь всѣ эти цѣнности и есть именно тѣ ненавистныя „надстройки", которыя по новой Марксовой вѣрѣ подлежатъ сломкѣ для очистки путей къ торжественному шествію соціализма съ его диктатурой пролетаріата!

Оба писателя дѣлаются заманчивымъ пріобрѣтеніемъ для соціалистическихъ партій. Начинается уловленіе ихъ въ партійныя сѣти. Погоня за Горькимъ оченъ скоро увѣнча-

лась успѣхомъ. Насколько помнится, уже въ 1903 году онъ пріобщается къ лику соціалъ-демократовъ, а въ 1904 году— отвоевывается въ спеціальное употребленіе фракціей большевиковъ, которые подвергаютъ его строгой опекѣ и охранѣ отъ меньшевиковъ, эсеровъ, энесовъ и прочихъ противниковъ и еретиковъ Марксовой вѣры. Всѣ попытки завербовать въ партію Леонида Андреева успѣхомъ не увѣнчались...

Партійнымъ человѣкомъ Андреевъ никогда не былъ. Человѣкъ широкихъ умственныхъ и художественныхъ горизонтовъ, онъ чувствовалъ инстинктивное отталкиваніе отъ нашихъ соціалъ-демократовъ. Они казались ему безкрылыми, ибо ограничивали мысль и волю человѣка разными пограничными столбами и канавами. Изъ различныхъ видовъ революціонеровъ онъ всегда съ большей симпатіей относился къ соціалистамъ-революціонерамъ: тамъ героизмъ, тамъ побѣда духа надъ самой смертью, тамъ есть приближеніе къ тому человѣку, который „звучитъ гордо“. Революціонеръ духа, онъ не увѣровалъ въ коллективъ — основу соціализма и коммунизма, онъ увѣровалъ только въ человѣческую личность будущаго, великую, всемогущую своимъ разумомъ мыслью и волей. Его программой была маленькая формула:

„Человѣкъ — это все!“

Пока „большевизмъ“ былъ семейнымъ дѣломъ соціалъ-демократической партіи, въ крѣпости „Знаніе“ все было спокойно. Но вотъ наступаетъ революція 1905 года, и дѣло мѣняется. М. Горькій, примкнувшій къ первому Ленинскому опыту превращенія революціи въ перманентную, послѣ жестокой неудачи этого опыта покидаетъ родину и осѣдаетъ на островѣ Капри, гдѣ уже окончательно замыкается въ партійно-большевистскій кругъ. Права редактора и „хозяина“ Горькій оставляетъ за собою, и кружокъ писателей начинаетъ чувствовать надъ собою очень прозрачную опеку большевиковъ. Дѣлается попытка стряхнуть съ себя эту опеку съ острова Капри: кружокъ писателей, ссылаясь на неудобства отдаленнаго редактированія, избираетъ редакторомъ сборниковъ Леонида Андреева. Сперва Горькій соглашается, но скоро передумываетъ. Тогда всѣ писатели во главѣ съ Андреевымъ покидаютъ крѣпость, окончательно поступившую въ распоряженіе большевиковъ. . .

Совершенно случайное содружество Андреева съ Горькимъ круто порывается. . . Вѣдь оно было чисто внѣшнимъ! Это были только случайные попутчики до первой станціи. Освобожденіе человѣческой личности, пребывающей въ плѣну буржуазности и мѣщанства, на первыхъ порахъ внѣшне соединило ихъ, но очень скоро выяснилось, что съ первой-же станціи писателямъ совсѣмъ не по-пути. Разрушеніе ихъ стало такъ-же разниться по своемъ существу, какъ любовь ко Христу Марфы и Маріи. Горькій разрушалъ во имя практическихъ цѣлей, преднамѣренныхъ задачъ, во имя партійныхъ цѣлей, а Леонидъ Андреевъ во имя индивидуальнаго освобожденія человѣка и человѣческой мысли. Горькій нашелъ всю правду въ новой Марксовой вѣрѣ, успокоился въ своей истинѣ отъ всякихъ сомнѣній и проклятыхъ вопросовъ, почувствовалъ себя Колумбомъ, открывшимъ Америку, и весь міръ сталъ измѣрять марксовымъ аршиномъ. Леонидъ Андреевъ увѣровалъ только въ человѣка, а своимъ Богомъ сдѣлалъ человѣческую *мысль*. Горькій, когда-то написавшій, что „рожденный ползать летать не можетъ“, очень скоро пересталъ летать и началъ ползать около Карла Маркса. Леонидъ Андреевъ никогда около этого кумира не ползалъ. Онъ никогда не ставилъ никакихъ програмныхъ преградъ своей мысли.

Вступивъ въ жизнь съ наслѣдственной болѣзнью невѣрія, онъ повѣрилъ въ человѣкобога и поклонился своей мысли. Большая прекрасная голова писателя словно порвала всякую связь съ дѣйствительнымъ живымъ міромъ и гордо сказала:

— „Я сама—міръ, весь огромный міръ! Моя мысль—царь и богъ, всевидящій и всезнающій. Я въ три дня разрушу храмъ сей и воздвигну новый!“

И вотъ ярко запылалъ огонь свободной и гордой человѣческой мысли и сталъ сжигать всѣ корабли, на которыхъ плыло современное культурное человѣчество, со всѣми своими многими вѣками накопленными драгоцѣнностями.

Леонидъ Андреевъ не уложился въ рамкахъ „соціализма“; но могъ-ли онъ, выбросивъ за бортъ своего корабля всѣ человѣческія драгоцѣнности, приплыть къ берегамъ какого — нибудь новаго, не извѣстнаго еще для интеллигентской идеологіи царства съ молочными рѣками и кисельными берегами?

Нѣтъ. Онъ пошелъ по путямъ, предначертаннымъ уже всей предшествующей интеллигентской идеологіей. Онъ только оставилъ позади нѣкую точку топтанія на мѣстѣ и открылъ страну крайняго индивидуалистическаго анархизма!

Кажется, въ 1907 году онъ написалъ и подарилъ намъ „*Савву*“, который оказался ничѣмъ инымъ, какъ предвѣстникомъ нашего большевизма!

Савва предсказалъ намъ „голаго человѣка на голой землѣ“, до котораго докатилась интеллигентская идеологія въ лицѣ фанатиковъ-идеологовъ русскаго большевизма.

„Голая земля и на ней — голый человѣкъ! Голый, какъ мать родила! Ни штановъ на немъ, ни орденовъ на немъ, ни карамановъ у него, ничего! И когда будетъ разрушенъ десятокъ ихъ идоловъ, они почувствуютъ, что кончилось царство ихняго Бога! И сколько ихъ подохнетъ отъ голода, отъ ужаса одного! Съ ума будутъ сходить, въ огонь бросаться... Антихристъ, скажутъ, пришелъ,“ — говоритъ Савва.

Такъ отвѣчаетъ ему старый міръ въ лицѣ Липы:

„Вѣдь это безсмыслица, это бредъ, это можетъ присниться только ночью! Даже товарищи твои, анархисты, убиваютъ только злыхъ, а ты захотѣлъ отнять у человѣка послѣднюю надежду, послѣднее утѣшеніе! (вѣру въ Бога). Какъ могъ человѣкъ додуматься до этого: нѣтъ ничего... все надо уничтожить! Все, надъ чѣмъ люди работали столько лѣтъ, что они создали съ такимъ трудомъ, съ такой болью!.. Я прозрѣла, я полюбила все. Вотъ эти стѣны... прежде я не замѣчала ихъ, а теперь мнѣ жаль ихъ, такъ жаль... до слезъ! И книги, и все, каждый кирпичъ, каждую деревяшку, отдѣланную человѣкомъ. И всѣ, Савва, кто услышитъ тебя, почувствуютъ такъ-же, какъ и я, такъ-же полюбятъ все старое, милое, человѣческое. Ты, Савва, никого не любишь, ты любишь только себя, свои мечты. Кто любитъ людей, тотъ не станетъ отнимать у нихъ все, тотъ не поставитъ свое желаніе выше ихъ жизни. Уничтожить все! уничтожить Голгофу! Самое свѣтлое, что было на землѣ... Земля не отдастъ тебѣ своего Бога! Люди не отдадутъ тебѣ то, чѣмъ они живутъ и дышатъ“.

Савва хочетъ „освободить землю, освободить мысль!“. Это прежде всего сталкиваетъ его съ Богомъ, съ религіей, съ моралью. Леонидъ Андреевъ, сотворившій себѣ бога изъ

мысли, направляетъ свою борьбу въ ту-же сторону. Творя дѣло освобожденія плѣненной мысли, любимые герои писателя бросаютъ вызовы небесамъ.

„Зачѣмъ Ты далъ мнѣ любовь къ людямъ и жалость? Чтобы посмѣяться надо мною?“ — богоборствуетъ Василій Фивейскій. — Такъ зачѣмъ-же Ты всю жизнь держишь меня въ рабствѣ, въ плѣну, въ оковахъ? Ни мысли свободной, ни чувства, ни вздоха!“

Творя дѣло освобожденія мысли, писательская мысль, какъ это ей казалось, разрушала оковы ея, а когда эти оковы были разрушены, мысль содрогнулась отъ ужаса, ибо очутилась въ нѣкоторомъ пустомъ пространствѣ. Вѣдь и тутъ осталась голая мысль на голой землѣ! Воть онъ единственный богъ человѣка! Но и въ этого бога можно вѣрить, только вѣрить . . . А та-же коварная человѣческая мысль рождаетъ сомнѣнія: „Да полно, такъ-ли ужъ всемогуща человѣческая мысль, чтобы можно было сотворить изъ нея Бога?“

И вотъ опустошенная уже интеллигентская душа рубитъ въ своемъ стремительно идеологическомъ вихрѣ послѣдній канатъ, которымъ она еще связана съ міромъ, съ окружающей дѣйствительностью.

Наука и логика — два крыла человѣческой мысли. Увы! — холодная всеразлагающая мысль писателя обрываетъ оба крыла у этой божественной птицы!

Это дѣлается въ повѣсти „Мысль“:

„Я ничего не зналъ выше человѣческой мысли, я боготворилъ ее... И развѣ она не стоила этого? Развѣ, какъ исполинъ, не боролась она со всѣмъ міромъ и его заблужденіями? На вершину высокой горы вознесла она меня, и я видѣлъ, какъ глубоко внизу копошились людишки съ ихъ мелкими страстишками, съ ихъ вѣчнымъ страхомъ передъ жизнью и смертью, съ ихъ церквами, обѣднями и молебнами. Развѣ я не былъ великъ, и свободенъ, и счастливъ? Какъ средневѣковый баронъ, засѣвшій, словно въ орлиномъ гнѣздѣ, въ своемъ неприступномъ замкѣ, гордо и властно смотритъ на лежащія внизу долины, — такъ непобѣдимъ и гордъ былъ я въ своемъ замкѣ, за этими черепными костями! Царь надъ самимъ собою, я былъ царемъ и надъ міромъ... И мнѣ измѣнили! Мой замокъ сталъ моей тюрьмой. Кто, сильный, спасетъ меня? Никто. Ибо никого нѣтъ сильнѣе меня, а я-и

есть единственный врагъ моего „Я“. Подлая мысль измѣнила мнѣ, тому, кто такъ вѣрилъ въ нее и ее только любилъ. И меня, ея творца, ея господина, она убиваетъ съ тѣмъ-же тупымъ равнодушіемъ, какъ я убивалъ ею другихъ“...

Ни наука въ лицѣ экспертовъ — психіатровъ, ни судьи, ни присяжные засѣдатели, ни самъ докторъ Керженцевъ не могутъ рѣшить вопроса: притворялся-ли онъ сумасшедшимъ, чтобы убить, или убилъ, потому что былъ сумасшедшимъ? Ни наука, ни логика не могутъ раскрыть и познать истину.

Новый Богъ писателя — Мысль развѣнчиваетъ самое себя. Сотворенный путемъ длительныхъ научныхъ и идеологическихъ исканій Кумиръ разбивается въ дребезги, и человѣкъ, одинокій и безсильный, становится трагической игрушкой какихъ-то непонятныхъ и глупыхъ случайностей . . , Человѣкъ обрекается на вѣчное заточеніе и писаніе своихъ „мемуаровъ“ въ тюрьмѣ, именуемой человѣческой жизнью . . .

Старый Храмъ разрушенъ. Всѣ его святыни и драгоцѣнности развѣнчаны и поруганы. Но сотворить новый Храмъ человѣкъ безсиленъ.

Какъ-же жить? Чѣмъ жить и во что вѣрить? Тьма. . . Черная бездна. Пустота и отчаяніе.

Великое и безликое „Нигиль!“

Выйдя въ путь жизни съ одной идеологической котомкой наслѣдственно полученныхъ разрушительныхъ и отрицательныхъ „идей“, о которыхъ писалъ Достоевскій, Леонидъ Андреевъ тщетно пытался отмежеваться отъ ихъ логическаго завершенія, представшаго нынѣ предъ нашими взорами въ большевистскомъ „голомъ человѣкѣ на голой землѣ“, въ большевистскихъ „Саввахъ“, во власти которыхъ очутилась наша несчастная родина и русскій многострадальный народъ...

Въ замкѣ своей мысли, въ своей большой и умной головѣ, Леонидъ Андреевъ очень быстро прошелъ всѣ ступени интеллигентской идеологіи. Дойдя до неизбѣжнаго логическаго конца ея, онъ почувствовалъ и понялъ, что никакого выхода нѣтъ, что онъ шагнулъ въ нигилистическій тупикъ, на дверяхъ котораго написано „Оставь всякія надежды!“

Вѣра, построенная на человѣкобожествѣ, рухнула. Опустошенная интеллигентская душа судорожно бьетъ своими

подрѣзанными крыльями, желая вырваться изъ проклятой нигилистической клѣтки.

Въ то время, какъ наша идеологическая интеллигенція, пересмотрѣвъ старую формулу человѣка „Я-царь, я-рабъ, я-червь, я-Богъ!“, выкинула изъ нея „раба-червя“ и оставила только „царя и Бога“ и въ этой самодовольной гордости успокоилась, Леонидъ Андреевъ загорается святымъ безпокойствомъ духа человѣческаго съ его стремленіемъ къ познанію потусторонняго міра. Эти вопросы врываются нежданными „Масками“ въ его неприступный доселѣ замокъ „Мысли“ съ куполомъ изъ черепныхъ костей, не хотятъ уходить оттуда и наполняютъ этотъ замокъ тревогой и ужасомъ... Да полно! Дѣйствительно-ли человѣкъ только „царь и Богъ“? Не вѣрнѣе-ли старая формула съ „рабомъ и червемъ“?

И вотъ съ одной стороны являются „Черныя маски“, „Тьма“, „Бездна“, а съ другой „Къ звѣздамъ“, съ звѣздочетомъ Сергѣемъ Николаевичемъ, который тянется къ всемогущему Духу мірозданія:

„Взгляни туда, — говоритъ онъ, — въ этотъ безпредѣльный просторъ, въ этотъ неизсякаемый океанъ творческихъ силъ. Взгляни туда! Тамъ тихо! но если бы ты могла слышать сквозь пространство и видѣть сквозь вѣчность, ты, можетъ быть, умерла бы отъ ужаса, а можетъ быть, сгорѣла бы отъ восторга. Съ холоднымъ бѣшенствомъ, покорные желѣзной силѣ тяготѣнія, несутся въ пространствѣ по своимъ путямъ безконечные міры, и надъ всѣми ими господствуетъ одинъ великій, одинъ безсмертный Духъ! Развѣ ты не чувствуешь его тутъ, вездѣ? Развѣ въ себѣ ты не ощущаешь Его чистаго пламени? Кто далъ тебѣ эту нѣжную душу? Чья мысль, улетѣвшая изъ бреннаго тѣла, живетъ въ тебѣ? Можешь-ли ты сказать, что это — твоя мысль? Твоя душа лишь алтарь, на которомъ свершаетъ служеніе Сынъ Вѣчности!

Съ низко опущенной головою и съ безуміемъ и ужасомъ въ очахъ, стоитъ писатель на развалинахъ разрушеннаго храма и затоптанныхъ поруганныхъ святынь и драгоцѣнностей его! О! если-бы обоготворенная нѣкогда, а теперь развѣнчанная мысль человѣческая была въ силахъ возобновить этотъ разрушенный Храмъ!.. И дрожитъ рука, помогавшая страшному дѣлу разрушенія, и хочется закричать на весь міръ: „Остановитесь! Это безуміе и ужасъ!“ И чудесной силой худо-

жественной интуиціи Леонидъ Андреевъ прозрѣваетъ судьбы грядущей революціи: это будетъ „Красный смѣхъ“ и „Царь — голодъ“. Бунтъ голодныхъ, озаренный огнемъ пожаровъ, полный кровавыхъ ужасовъ братоубійства и уничтоженія вѣками скопленныхъ культурныхъ драгоцѣнностей. . .

Слишкомъ близоруки, по моему мнѣнію, были тѣ критики, которые обвиняли Леонида Андреева въ „злободневности“. Его злободневность — цѣлая исторія нашего революціонно-идеологическаго мышленія. Въ ней-кругъ предначертаній для Андреева, какъ писателя. Съ самаго начала творческой работы и до конца жизни своей онъ пробылъ въ огненномъ кругу революціи, когда весь воздухъ жизни былъ уже пропитанъ ея предчувствіями, и когда зарницы ея уже сверкали по всѣмъ русскимъ горизонтамъ. А разцвѣтъ творчества совпадаетъ съ самой революціей, начавшейся въ 1905 году и продолжающейся и нынѣ, послѣ смерти писателя. Вся писательская жизнь Андреева прошла подъ знакомъ революціи. Каждый писатель есть „сынъ своего времени“, и такова была судьба его: отразить духовную сущность нашей революціонной мысли и ужасъ и безуміе нашей революціи.

Въ судьбѣ Леонида Андреева, какъ въ волшебномъ зеркалѣ, отразилась судьба нашей идеологической интеллигенціи, очутившейся въ дѣйствительной жизни въ такомъ-же нигилистическомъ тупикѣ, въ какомъ очутился писатель въ своемъ художественномъ творчествѣ. Страшная душевная трагедія Леонида Андреева есть наша общая русская трагедія.

Леонидъ Николаевичъ Андреевъ умеръ не на посту художника, а на посту гражданина. Онъ умеръ съ раздирающимъ воплемъ и съ призывомъ о спасеніи душъ нашихъ къ отвлеченному человѣку, къ человѣческой душѣ.

„Какъ телеграфистъ на гибнущемъ кораблѣ сквозь ночь и тьму шлетъ послѣдніе призывы, такъ и я, движимый вѣрою въ человѣческую благость, бросаю въ темное пространство мою мольбу о гибнущихъ людяхъ. . . Не о помощи народу Русскому я прошу. Это слишкомъ велико-Русскій народъ, чтобы спасать его! Надъ его жизнью и смертью властенъ *только Богъ!* . . Въ эти скорбные дни, когда презрѣніе, издѣвательства и насмѣшки глупцовъ стали удѣломъ больной и поверженной Россіи, я *съ гордостью* ношу имя *Русскаго* и твердо вѣрю въ ея грядущую славную жизнь! Такіе колоссы,

какъ русскій народъ, не умираютъ! Въ урочный часъ Россія встанетъ съ своего одра и по праву займетъ свое мѣсто среди великихъ народовъ мира! . .“

Трагическая судьба Родины открыла писателю глаза и изъ типичнаго русскаго интеллигента превратила въ пламеннаго патріота. Передъ своей смертью поникшая гордая голова человѣка возсоединяется съ сердцемъ человѣческимъ и находитъ въ себѣ мужество окончательно порвать съ прежнимъ интеллигентскимъ міровоззрѣніемъ, пославъ проклятіе торжествующему, нѣкогда любимому имъ „Саввѣ“ русскаго разрушенія... русскаго нигилизма.

Въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ В. Л. Бурцеву Андреевъ писалъ о своемъ рѣшеніи ѣхать въ Америку и тамъ раскрыть кошмарную правду русской жизни, писалъ о своей готовности отдать себя и свой талантъ на дѣло борьбы съ воцарившимся на родинѣ „Саввою“ и на дѣло спасенія гибнущихъ людей и культурныхъ драгоцѣнностей человѣчества. . . „Вотъ только сердце! Сердце устало, изболѣло, мѣшаетъ работать и задерживаетъ отъѣздъ. . .“

Вскорѣ послѣ этого мы узнали, что изболѣвшее сердце Леонида Николаевича перестало биться: 13 сентября 1919 года онъ скончался отъ разрыва сердца.

Отъ бѣглецовъ изъ Петербурга (черезъ Финляндію) я узналъ, что давно уже Андреевскій замокъ, — дача въ Райволѣ, стоялъ пустой, заколоченный и, высясь къ небесамъ, разсказывалъ печальную повѣсть о былomъ „счастьѣ человѣка“. Замокъ не свѣтилъ болѣе радостными огнями. Онъ опустѣлъ. Его владѣлецъ, рыцарь Духа Лоренцо, жилъ въ маленькой дачкѣ въ Тюрисевѣ среди сбившейся въ кучу интеллигенціи, спасшейся отъ гоненій „Саввы“ и помогавшей другъ другу не умереть съ голода! Такъ кончилась „Жизнь человѣка“! . .

И вотъ злая иронія слѣпого случая: временно тѣло Леонида Николаевича помѣщено въ склепѣ въ деревнѣ Нейвола, въ саду дома, который былъ лѣтней резиденціей М. Горькаго!

О душевномъ состояніи Леонида Николаевича можно узнать изъ его-же словъ въ призывѣ „S. O. S.“: „Мы всѣ почти какъ сумасшедшіе. Оттого даже наиболѣе стойкихъ изъ насъ лишь тонкая грань отдѣляетъ отъ послѣдняго отчаянія и самоубійства.“. .

Леонидъ Николаевичъ ушелъ отъ насъ просвѣтленнымъ великими страданіями русскаго человѣка. Это смерть, съ которой невольно вспоминается: „когда мы, мертвые, пробуждаемся!“

Съ твердой вѣрою въ національную безсмертность русскаго народа, съ именемъ Бога на устахъ ушелъ онъ отъ насъ въ иной міръ, къ звѣздамъ. Ушелъ преображеннымъ интеллигентомъ и крѣпко любящимъ свою Родину сыномъ ея... Уходя, онъ какъ бы громко крикнулъ намъ всѣмъ:

— Вѣрьте: преобразится русскій человѣкъ, преобразится русская интеллигенція и воскреснетъ великая Россія! . .

Евгеній Чириковъ.

Въ Совѣтской Россіи.

(По личнымъ впечатлѣніямъ).

Русскую революцію, если сравнивать ее съ подобными историческими событіями, придется сравнить не съ революціями 1848 или 71 годовъ, а съ 1789 годомъ. Тамъ и тутъ мы стоимъ передъ огромными и сложными подземными процессами, прежде всего экономическаго свойства, къ которымъ сверху пришпиливаются идейные заголовки. Заголовки освящаютъ революцію, дѣлаютъ изъ нея не просто разинско-махновскій бунтъ; однако, большей частью все-таки процессы остаются сами по себѣ, а заголовки сами по себѣ. Идеи Руссо играли такую же почти роль въ движеніи конца XVIII-го вѣка, какъ коммунистическія идеи въ нашей революціи. Я беру революцію въ ея полномъ объемѣ, такъ какъ то, что было до Октября 1917 года, было только прологомъ и, можетъ быть, не было еще настоящей революціей. Совершенно ясно, что не будь Руссо тамъ, а Маркса у насъ—обѣ революціи протекли бы приблизительно также, какъ онѣ протекли и протекаютъ. Тѣмъ не менѣе идеи тревожатъ и въ нихъ хотятъ разобраться—особенно юныя души. Сами коммунисты, подчеркивая всячески односторонне — политическій характеръ революціи 89-го года, не прочь отъ нѣкоторой съ ней связи, хотя бы чтобы получить эпитетъ величія. На дѣлѣ же идеи обѣихъ революцій, по существу, прямо противоположны. Революція 89-го года исходила изъ того, *что человѣкъ по природѣ добръ*. Поэтому къ liberté и égalité прибавлялось fraternité. Человѣкъ добръ въ своемъ естественномъ состояніи, и нужно только устранить тѣ формы цивилизаціи, которыя мѣшали проявленію его доброты. Наша революція, подчеркивающая классовый характеръ, исходитъ изъ того, что *человѣкъ по природѣ золъ*, homo homini lupus est. Гоббсъ — предшественникъ Маркса; вѣдь это онъ опредѣлилъ жизнь, какъ войну всѣхъ

противъ всѣхъ. Чтобы не было антропофагіи и исключительно съ утилитарной цѣлью, люди объединяются въ то, что Достоевскій и Мицкевичъ называли „муравейникомъ“, говоря, что въ муравейникѣ заключается весь идеалъ соціализма. Но въ самомъ муравейникѣ содержатся враждующіе классы. Въ сущности, при такомъ взглядѣ на вещи, доведенномъ до логическаго конца, рая никакого быть не можетъ, потому что въ процессѣ жизни, если исключить возможность полной нивеллировки, всегда будетъ разслоеніе, а слѣдовательно и вражда между „частями населенія“. Разрушеніе — послѣдствіе вражды — органическая принадлежность системы.

Процессъ перемѣщенія цѣнностей особенно ярко виденъ со стороны. Сколько было такихъ случаевъ, когда какая нибудь дама, помогавшая никчемному мальчишкѣ „выйти въ люди“, теперь, когда этотъ мальчишка воротитъ какимъ-нибудь „продкомомъ“ (комитетомъ по продовольствію), имѣетъ выѣздъ и корову (такое бываетъ), получаетъ отъ него въ память прошлаго фунтъ масла въ мѣсяцъ и плачетъ потомъ отъ благодарной признательности. Или какая нибудь прислуга вышлетъ изъ деревни полпуда муки своимъ бывшимъ господамъ. Всѣми этими людьми гдѣ-то въ глубинѣ души сознается, что все это, можетъ быть, временное: это случай и удача для однихъ и несчастье для другихъ, но если присмотрѣться повнимательнѣе — увидишь, что третье сословіе (быть можетъ, иногда и четвертое) дѣйствительно уже народилось, что произошло перераспредѣленіе благъ, и что „справедливость“ и „соціализмъ“ въ этихъ процессахъ играютъ роль заманчивыхъ вывѣсокъ.

Въ связи съ этимъ кореннымъ образомъ мѣняется психологія, а съ нею и этика. Сила, по наблюденію еще Аристотеля, таитъ въ себѣ какое то хотя бы и не полное право. Является преклоненіе передъ сильной индивидуальностью, которая удерживается въ борьбѣ съ самыми дикими условіями существованія. Профессоръ можетъ перевести казенныя дрова на свою квартиру и онъ не вызоветъ осужденія. Напротивъ, онъ герой, онъ „хитрецъ“ и „ловчила“. Онъ этимъ проявилъ нѣкоторую изворотливость ума. Чѣмъ больше государственная власть стремится къ пресѣченію преступленій, тѣмъ больше вызываетъ сочувствія индивидуальная борьба съ нею. За властью нѣтъ престижа. Это не потому, что она власть, — по

настоящей творческой и національной власти давно уже тоскуютъ,— а потому что, сводя все къ механическому и только разрушая, эта якобы власть рѣшительно ничего не сдѣлала. Это безсознательно чувствуютъ всѣ и потому сознаютъ ее, какъ зло, а потому допустимы всѣ средства борьбы съ нею. Библіотекари крадутъ книги, музейныя богатства, потому что они — не безъ основанія — сознаютъ, что у нихъ это будетъ „цѣлѣе", или же, стоя передъ возможностью голодной смерти своей или кого нибудь изъ близкихъ, — они рѣшаютъ, что жизнь человѣческая дороже всякой вещи, которая къ тому же можетъ въ существующихъ условіяхъ очень легко погибнуть, и вотъ вещь „загоняется", чтобы поддержать собственное или близкихъ существованіе.

У насъ до сихъ поръ была интеллигентски-дворянская психологія, относившаяся къ богатству съ презрѣніемъ. Намъ до сихъ поръ кажется страннымъ, когда въ какой нибудь „буржуазной" Румыніи вамъ представляютъ новое лицо, говоря: „это докторъ", „это инженеръ", а это „богатый человѣкъ". Богатство было большей частью наслѣдствомъ; мы рѣдко присутствовали при его зарожденіи. Теперь прежніе богачи разорились. У новыхъ — ихъ богатство результатъ ихъ умственной изобрѣтательности и служитъ признакомъ ихъ интеллектуальной силы. Поэтому богатство заслуживаетъ уваженія. Къ вещамъ относятся съ большой бережливостью, ибо онѣ представляютъ собой рѣдкость. Такъ подготовляется буржуазная психологія. Стремленіе однихъ къ тому, чтобы оставить голаго человѣка на голой землѣ,—вызываетъ въ другихъ антитезисъ.

Много значитъ и то, какіе люди стали наверху. Старая интеллигенція вымираетъ и символомъ этого является пустой Петербургъ. Остатки ея эмигрируютъ. Причина этому прежде всего — невозможныя физическія условія. Если голодъ хоть сколько нибудь стараются умѣрить пайками, то съ холодомъ уже нѣтъ никакого сладу. Зимой 1919—20 года въ Петербургѣ дотапливались послѣдніе деревянные дома и барки. Одинъ мой знакомый участвовалъ въ разломѣ деревяннаго дома. Обыкновенно домъ дается на кварталъ и назначается часъ, когда можно приступить къ его ликвидаціи. Этого часа ждутъ на морозѣ, и затѣмъ начинается нѣчто вакхическое. — Люди, озвѣрѣлые, бросаются на домъ, безъ нужды бьютъ стекла, стараются захватить возможно больше деревяннаго

добра, вырываютъ его другъ у друга. Въ нѣсколько часовъ на мѣстѣ дома пустота. Какъ будетъ поступлено въ этомъ году, трудно представить. Топить торцовыми мостовыми нельзя, такъ какъ онѣ отсырѣли и прогнили до того, что топить ими нѣтъ никакой возможности. Остается мебель, остатки садовъ. Лѣса окрестныхъ Петербургу пяти лѣсныхъ губерній по мирному договору съ Эстоніей будутъ эксплоатироваться иностранцами. Въ Петербургѣ и прошлую зиму во многихъ домахъ температура бывала ниже нуля, а температура въ 3-4° считалась отрадной. И все это падаетъ на истощенныхъ людей, не имѣющихъ въ своемъ организмѣ достаточно жировъ! При наивысшемъ окладѣ жалованія въ 8—10 тысячъ, хлѣбъ стоилъ, —по вольной продажѣ, — около 350 р., пшено 550, масло 2—3 тысячи за фунтъ. Карточный же хлѣбъ выдавали по 3/4 фунта на человѣка на два дня. Прибавьте сюда похлебку изъ одного блюда на мелкой тарелкѣ и вотъ все, что получалъ нормальный „совѣтскій человѣкъ“. Конечно, существовать такъ было невозможно. И неудивительно, что если падала лошадь, то на другое утро отъ нея ничего не оставалось, потому что приходили люди съ ножами, которые обдирали ее до скелета. Люди старались совмѣщатъ 5—10 и 20 службъ. Насколько они были производительны, принимая во вниманіе общую слабость организма отъ голода, легко можно себѣ представить. При этомъ совмѣщеніе службъ, а особливо пайковъ, карается со всей строгостью революціонныхъ законовъ! Кромѣ непосредственнаго разрушенія человѣческихъ существъ, холодъ принесъ и другое. Лопнули трубы, стали вода и канализація. Люди перестали умываться. Клозеты перестали дѣйствовать, и люди искали себѣ прибѣжища на темныхъ лѣстницахъ, въ мѣстахъ для лифта, въ углахъ дворовъ. Въ одномъ домѣ отводилась подъ нечистоты комната, и когда она наполнялась, ее забивали, переходя къ другой. Иные дѣлали пакетики, перевязывали ихъ ленточками и осторожно выбрасывали на улицу. Жизнь сдѣлалась совершенно первобытной. Свѣта давали на 3—4 часа, въ разныхъ районахъ по разному, часто съ перерывами. Приходилось ощупью входить въ свой темный и холодный домъ, лѣзть подъ одѣяла и шубы, стараясь нагрѣть свое логово собственнымъ дыханіемъ. Невѣроятно развились эпидеміи, особенно тифъ. Кто видѣлъ, какъ предсѣдательствующій отдѣленія Академіи Наукъ, міро-

вой лингвистъ А А. Шáхматовъ,—нынѣ тоже, кажется, погибшій, — истощенный и тѣнеобразный, загрубѣлыми отъ черной работы пальцами тянулъ за веревочку по петербургскимъ сугробамъ на санкахъ гробъ со своей умершей сестрой, — тотъ не забудетъ этого символическаго зрѣлища. Смертность колоссальная, при крайне слабой рождаемости. Рождающіяся дѣти рѣдко выживаютъ. Говорятъ, что рождались даже безъ ногтей. По продовольственной переписи въ Петербургѣ было 850 тысячъ карточекъ (около года тому назадъ). Если считать, что многіе имѣли по двѣ карточки, пользуясь именами „мертвыхъ душъ“ и уѣхавшихъ, то жителей въ Петербургѣ было не болѣе 700 тысячъ.

Таковы условія физическія. Какія же нравственныя? Рядомъ съ новой буржуазіей появилось новое дворянство—это коммунисты. Они пользуются всякими привилегіями и получаютъ отъ Троцкаго ордена красной звѣзды или золотые часы съ надписью, если заслужили. Это регистрированное дворянство. Рядомъ съ нимъ не регистрированное — изъ высшей бюрократіи, придворныхъ піитъ, ученыхъ, „стоящихъ на совѣтской платформѣ“ и т. д. Писанной табели о рангахъ нѣтъ, но есть фактическая. Все устроено хитро и раціонально. Какъ Наркомъ опирается въ качествѣ военной силы на латышей, потомъ курсантовъ (красныхъ юнкеровъ) и „вохру“ (внутреннюю охрану) — такъ субординація намѣчается уже и въ гражданскомъ мірѣ. Интеллигенція вымерла или разбѣжалась. Откуда же берутся служилые люди? Ихъ поставляетъ, главнымъ образомъ, полуинтеллигентъ. А такъ какъ изъ крестьянства въ полуинтеллигенты выбиваются пока немногіе, то главнымъ поставщикомъ полуинтеллигента является инородецъ. Онъ и надежнѣе въ смыслѣ вѣрности, потому что онъ — давній врагъ давившаго его самодержавія; онъ и по внѣшности культурнѣе и болѣе подвиженъ умственно. „Еврейское засиліе“ —о которомъ столько говорятъ — не есть, конечно, результатъ планомѣрнаго заговора какого то „жидомасонскаго общества“ (объ этомъ теперь шушукаются по всей Россіи). Въ настоящее время, когда въ русскомъ человѣкѣ пробудилась его кочевая природа и цѣлыя полчища народу перебираются съ сѣвера на югъ—къ солнцу и хлѣбу, — въ это же время масса евреевъ изъ „черты“, убѣгая отъ погромовъ, отъ постоянной смѣны властей, ѣдутъ на сѣверъ и тамъ пополняютъ ряды

совѣтской интеллигенціи. Но кромѣ евреевъ, большую роль играютъ латыши — главные спеціалисты по чрезвычайкамъ (Петерсъ въ Петербургѣ, Реденсъ въ Одессѣ и т. д.), поляки (Дзержинскій и пр.). Этого факта конемъ не объѣдешь, сколько бы пріобщенные къ нашей культурѣ представители этихъ національностей не воевали съ Кремлемъ.

Новые правители, ставши у власти, принесли съ собой всѣ характерныя замашки рабовъ, сдѣлавшихся господами, — неограниченное честолюбіе и жажду власти (олицетвореніе — Троцкій), жестокость (Петерсъ), но также и нѣкоторый, по большей части, внѣшній демократизмъ (Ленинъ). Они формально возсоздаютъ государственность, но такъ какъ они творчески безплодны (а это происходитъ отъ того, что они не связаны ни съ какой традиціей органически въ прошломъ), то они и обезьянятъ со своихъ предшественниковъ, создавая худшій видъ самодержавно — полицейскаго государства, съ отрѣзанной эстетической верхушкой. Возстанавливается крѣпостное право и эпоха „слова и дѣла". Либерализмъ, строившійся всегда на личности и ея свободѣ, признается устарѣвшимъ, взамѣнъ него выступаетъ коммунизмъ, признающій правомочными только общественныя группы. Прибавимъ запустѣніе городовъ, возвратъ крестьянства къ натуральному хозяйству и нежеланіе сѣять „для людей", т. е. для города (все равно реквизиціи все отымутъ, да и бумажки потеряли цѣнность) — и получается нѣкоторая аналогія съ средними вѣками. Средневѣковые цехи соотвѣтствуютъ „профсоюзамъ", а „совѣты" пародируютъ сословное представительство въ худшую его пору. Аналогія совѣтскаго государства съ средними вѣками — увы, безъ эстетики рыцарства, — интересуетъ уже отдѣльныхъ большевиковъ (покойный шлиссельбуржецъ Лихтенштадтъ). Личность ничто безъ корпораціи. Обезцѣненіе жизни, подготовленное уже войной, особенно ярко видно прежде всего на томъ, какъ само государство относится къ жизнямъ. Цифры разстрѣлянныхъ не поддаются учету, но нѣкоторую приблизительную ощутимость ихъ даетъ то, что въ одной Одессѣ по официальнымъ печатавшимся въ „Извѣстіяхъ" даннымъ разстрѣливали отъ 50 до 60 человѣкъ въ день (на дѣлѣ до 200). Въ мѣсяцъ это полторы тысячи, а за полгода совѣтскаго властвованія въ Одессѣ — 9000, — населеніе уѣзднаго городка. Это въ одной Одессѣ,

и повторяю, по самымъ минимальнымъ расчетамъ. А сколько ихъ было еще въ Николаевѣ, Херсонѣ, Тирасполѣ, по деревнямъ (если брать только Херсонскую, нынѣ Одесскую и Николаевскую губерніи). Разстрѣливается офицерство и „контръ-революція" —тутъ они еще могутъ иной разъ оправдывать себя словами „á la guerre comme a la guerre", хотя кто только не подводился подъ понятіе контръ-революціонера. Люди, активно себя проявившіе, заговорщики — это еще можно кое какъ понять. Но убиваютъ стариковъ кіевскихъ профессоровъ (извѣстный славистъ Флоринскій) — въ заговорахъ они не участвовали хотя бы по преклонности своего возраста, — убивается журналистъ только за то, что онъ печатно выступалъ противъ большевиковъ во время добровольцевъ (Горскій-Эласбергъ въ Одессѣ), врачъ, не явившійся на одну изъ безчисленныхъ регистрацій, „буржуй", обмѣнявшій романовскую сторублевку (въ Совдепіи ходятъ только совѣтскія деньги, которыя народъ называетъ „срульками", принимая надписи по китайски и японски—интернаціоналъ!—за еврейскія). Нужно считать, что изъ 9 тысячъ, оффиціально казненныхъ въ Одессѣ за послѣднее полугодіе, — 5 приходится на интеллигенцію (на самомъ дѣлѣ навѣрно, по крайней мѣрѣ, вдвое больше).

Рядомъ съ терроромъ реальнымъ существуетъ терроръ психическій. Надо было быть въ Москвѣ осенью 19-го года, когда были разстрѣляны Щепкинъ, Астровы, Черносвитовъ, Алферовы и другіе (или же весною нынче), чтобы понять, что такое терроръ, — когда во всѣхъ сколько-нибудь небольшевистскихъ домахъ ждала въ подъѣздахъ засада. Мнѣ случилось быть при одномъ обыскѣ у отца, сынъ котораго былъ доцентомъ, а другой убитъ на войнѣ. Производившій обыскъ спрашивалъ, какихъ убѣжденій сынъ хозяина квартиры. „Онъ ничѣмъ не занимается кромѣ своей науки"—былъ отвѣтъ. „Какъ это можно? Но все таки, когда нибудь же онъ высказывался? Ну, вы шли по улицѣ, напримѣръ, остановились читать газету, неужели онъ не высказывалъ своихъ какихъ нибудь мнѣній?" Потомъ нашли погоны убитаго на войнѣ сына, какъ разъяснилъ отецъ. „Думаете, пригодятся?" послѣдовала реплика. Старикъ—старый либералъ съ соціалистическимъ оттѣнкомъ — пережилъ шесть царскихъ обысковъ, но такого какъ седьмой не было. И при такомъ отношеніи распространяется легенда о попеченіи властя объ интеллигенціи.

Дѣйствительно, съ прошлаго года введенъ ученый паекъ. Однако, не нужно забывать того, что помощникъ Луначарскаго, проф. Покровскій, хотѣлъ вначалѣ дать паекъ только профессорамъ, раздѣляющимъ теорію историческаго матеріализма. Идеалисты же приглашались питаться идеями. Нужно было, чтобы матеріалисты проявили идеализмъ и отказались отъ пайка при такомъ способѣ его распредѣленія, и только тогда его дали безъ различія убѣжденій, впрочемъ и то, напримѣръ, въ Москвѣ только старикамъ. То, что продѣлывалъ Покровскій въ Москвѣ, то дѣлаютъ мѣстные сатрапы на мѣстахъ. Въ Тирасполѣ жалованье выдавалось только тѣмъ изъ учителей, кто участвовалъ въ коммунистической работѣ. И въ этомъ нерѣдко сказывается — что, пожалуй, хуже всего — не злостный умыселъ, а какая то коммунистическая наивность. Будь хлѣба или денегъ много,—выдали бы, вѣроятно, и другимъ. А такъ — онъ причитается только дворянамъ, только своимъ. Тѣ, кто раздѣляетъ коммунистическія убѣжденія — тѣ люди, остальные — слуги, несущіе черную работу, имъ дается ѣсть по господинѣ. „Аристократизмъ“ наизнанку. Одинъ писатель пожаловался Зиновьеву или другому правителю на какую то дикую выходку, и правитель приказалъ выдать обиженному банку повидла. Что онъ хотѣлъ,—замазать этимъ повидломъ ротъ, или это былъ актъ доброты расщедрившагося и сытаго деспота? Кто разберется въ сердцахъ людскихъ?

Меня приглашали работать въ театральномъ отдѣлѣ комиссаріата по просвѣщенію. Я довелъ до свѣдѣнія, кого надо, что я могу выполнять только обще-культурную аполитическую работу. У каждаго изъ искусствъ была своя великая княгиня-покровительница. Театромъ вѣдала О. Д. Каменева, подъ ней — Вяч. Ивановъ и др.

— Ну, быть можетъ, вы еще измѣнитесь, — сказала она съ милой улыбкой; — теперь многіе идутъ къ намъ. Вотъ даже Вячеславъ Ивановичъ (Ивановъ) склоняется къ историческому матеріализму. —

Оставляю на совѣсти произносившей эти слова. Соборно-христіанствовавшій Вячеславъ, на котораго я привыкъ смотрѣть, какъ на „царскій поѣздъ“, по слову поэта, и Марксъ вязались во мнѣ плохо. Тутъ была или безнадежная самоувѣренность одной, или . . . царедворство другого. Но они,

дѣйствительно, способны съ неизмѣримой высоты своей даже пожалѣть тѣхъ заблудшихъ, которые не пожелаютъ притти на лоно коммунистической церкви!

Заботы объ ученыхъ, торжественныя похороны, какія имъ устраиваютъ, ничего не значатъ. Индивидуальность ученаго имъ не интересна, потому что вообще ихъ интересуютъ только коллективы. Заботы-же ихъ объ ученыхъ — это заботы о племенномъ скотѣ, — какъ это выразилось въ пайкахъ. Не Великій Инквизиторъ, а какой то мелкій бѣсъ—пайками загоняетъ голодныя и потому послушныя людскія стада въ соціалистическій рай. Средніе вѣка безъ рыцарства; Инквизиторъ безъ величія; самодержавіе безъ Божьей милостью монарха!— Все религіозное, этическое и эстетическое отсутствуетъ.

Къ тому же кремлевскіе правители страшные рекламисты. Иногда кажется, что они всѣ вышли изъ репортеровъ дешевыхъ газетъ. Совѣтскій оффиціозъ объявляетъ, что въ Совѣтской Россіи профессоръ Рождественскій раскрылъ молекулу, а потому: да здравствуютъ тов. Ленинъ и Совѣтская Россія, гдѣ профессора открываютъ молекулу! Вспоминаются мемуары Крапоткина, разсказъ объ отцѣ автора, старомъ князѣ, который гордился орденомъ, полученнымъ имъ за то, что его крѣпостной вытащилъ дѣтей изъ пожара. Послѣ долгихъ трудовъ Академія Наукъ издаетъ давно предназначенную для печати книгу проф. Кошутина „Граматики рускоі іезика“ (по сербски), и опять есть возможность похвастать своими крѣпостными: академія издаетъ книги даже по сербски! На раскошной бумагѣ отпечатанъ эффектный проспектъ съ вступительной горьковской статьей, переведенной на 10 языковъ, въ которой говорится, что такое предпріятіе возможно только въ соціалистическомъ отечествѣ. Затѣмъ выпускаютъ почему то Виланда, небезызвѣстную „Madame Bovary“ и романъ Ибаньеса. Выходитъ много шуму изъ за пустяковъ. Такихъ примѣровъ можно привести десятки. Устраиваютъ домъ ученыхъ — и въ связи съ этимъ появляется извинительная статья въ „Красной Газетѣ“ : ученые — странные люди, любятъ уединеніе, но иногда они полезны (Рождественскій открылъ молекулу!) — мы будемъ въ этомъ домѣ „пріучать ученыхъ къ коллегіальности“ (такъ и сказано á la lettre!). Въ своемъ оффиціальномъ органѣ власть относится къ столь „уважаемой“ ею ученой корпораціи, какъ къ че-

ловѣческому матеріалу, нуждающемуся въ воспитательно-педагогическомъ воздѣйствіи.

И въ то же время—„всѣмъ отворены двери“. Я ѣхалъ въ Москву съ профессорами, которые должны были тамъ открыть высшее учебное заведеніе по рыбоводству и охотничеству съ четырьмя факультетами. Луначарскій проектъ одобрилъ. Будутъ отдѣльныя кафедры по карасеводству, окуневодству. Я извинился въ качествѣ филолога и спросилъ у коллегъ, давно ли они ѣдали сами своихъ карасей?—Оказывается, что давно. Но это всетаки мѣсто для „кормленія“; глядишь—новый паекъ, и организаторы дѣла радовались, какъ дѣти. Нѣтъ! за это винить нельзя. Можетъ быть, и не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ, но въ Молитвѣ Господней мы просимъ о хлѣбѣ насущномъ, и это настоящій хлѣбъ, а не какая нибудь духовная отвлеченность. И одна совѣтская дѣвочка, молясь объ этомъ именно хлѣбѣ, прибавляла: „ахъ, если бы съ маслецомъ“. Вѣрю, что доходна такая молитва.

А жизнь между тѣмъ втягиваетъ подъ колесо машины. Грани этическія стираются. Войдя въ сферу дѣйствія машины, вы сами только на одномъ концѣ ея, а на другомъ тысячи разстрѣлянныхъ мальчиковъ. Вы работаете въ Совѣтской школѣ и университетѣ; почему же нельзя работать въ театральной газетѣ или въ литературномъ журналѣ? Да сверхъ того укаждаго писателя можетъ явиться такая минута, когда ему непреодолимо захочется увидѣть напечатаннымъ то, о чемъ онъ много и долго думалъ. Однако, эта газета совѣтская, и кто нибудь другой рядомъ напишетъ апофеозъ власти! — Вотъ однодневная газета „Колоколъ“, посвященная памяти Герцена, съ „большевистскими“ выдержками изъ него, а тутъ же пишетъ акад. Ольденбургъ. Я не виню Ольденбурга, потому что я жилъ въ Совѣтской Россіи и знаю, что это такое. Развѣ не читали мы всѣ въ университетахъ, гдѣ рядомъ читалось „совѣтское право“? Грани никакой нѣтъ. Все зыбко и вязко. Коготокъ увязъ—птичкѣ пропасть. И невольно вспомнишь Герцена, котораго большевики канонизировали. Развѣ онъ не боролся съ моральнымъ развратомъ именно крѣпостного права и именно за свободу слова? Я почти увѣренъ, что ежедневное чтеніе правительственнаго вѣстника не проходитъ даромъ. Стекловъ думаетъ такъ, а Радекъ иначе. Вы втягиваетесь невольно въ семейныя распри. И слѣпая бо-

язнь обнищавшей, изголодавшейся, нравственно падшей интеллигенціи, — боязнь, что „бѣлые, можетъ быть, еще хуже" — это результатъ трехлѣтней отравы.

Сначала интеллигентъ фрондировалъ. У него были творческія мысли, но мыслямъ не давали хода. Голодъ бралъ свое. Въ Петербургѣ не всѣ ѣли собачину и крысъ, какъ объ этомъ писали. Крысъ, можетъ быть, и вовсе не ѣли, такъ какъ тѣ раньше людей подохли съ голоду. Но ѣсть втеченіе 2 — 3 лѣтъ каждый день пшено и капусту — это пожалуй еще хуже. Невыносимо тяжка длительность. Всѣ мысли за это время сдѣлались пшенными и капустными. Творческія мысли давно загасли, работа выполняется только — только. И тогда пріемлется присутствіе благодѣтельнаго хозяина (все тотъ же Малый Инквизиторъ), который направляетъ работу. Такъ легче. Кто то думаетъ за тебя. И умирающая кляча уже везетъ возъ по чужой указкѣ. Пайки становятся смысломъ существованія. Гоньба за ними превращается въ спортъ, въ нормальное состояніе обезумѣвшаго и затравленнаго голодомъ и терроромъ человѣка. Есть, правда, и другіе люди. Они дошли до какой то грани. Кажется, изъ ихъ огромныхъ глазъ смотрятъ однѣ души. Они говорятъ тихими голосами. Они смотрятъ на міръ, точно имъ предстоитъ завтра покинуть его. Встрѣчаясь другъ съ другомъ, посреди развалинъ жизни, они ласкаются съ такой нѣжностью и тоской, какой не знали люди прежняго времени. Ихъ не удивишь никакимъ безобразіемъ и цинизмомъ. Они отдадутъ послѣдній паекъ, хотя сами шатаясь ходятъ по улицамъ. Кажется, давно уже умерли они и совсѣмъ они изъ другого міра, и страшно съ ними тому, кто еще живой.

Ну, а дѣти? Ихъ участь невыносима. Соблазнъ подстерегаетъ ихъ всюду. Въ коммунистическомъ клубѣ имъ даютъ конфету, если они запишутся въ „комсомол" (Коммунистическій союзъ молодежи). Ихъ совращаютъ съ дѣтства. Въ революціонные праздники они должны ходить по улицамъ съ пѣніемъ интернаціонала. Потомъ, продавая коммунистическую конфету, ребенокъ удачно спекульнетъ, и его карьера обезпечена. Правда, рекламисты—коммунистическіе писатели — говорятъ объ образцовыхъ школахъ. Но вѣдь и тутъ все ложь и фальшь! Развѣ подъ 31-ой, напримѣръ, образцовой петроградской совѣтской школой не кроется училище, основанное задолго до большевиковъ княземъ Тенишевымъ? Больше-

вики крадутъ чужіе лавры и украшаются ими незаслуженно. Если что нибудь и дѣлается, то дѣлается тою гонимой старой интеллигенціей, которая бѣжала въ педагогику, въ комитеты по охранѣ материнства и. т. д., чтобы отыскать тамъ уголокъ, гдѣ можно отдохнуть отъ всеопекающей власти, регламентирующей каждое движеніе подчиненнаго, чтобы забыть съ дѣтьми хотя немного свое положеніе зайца, ежемгновенно травимаго охотникомъ. И доживаютъ свой вѣкъ именно тѣ учрежденія, которыя раньше запаслись живыми соками. Новаго ничего не родилось.

Удивительно богатой страной была Россія, потому что до сихъ поръ не изживетъ себя и не распродана еще безъ остатка на Сухаревкѣ. Совѣтскія образцовыя санаторіи, изъ которыхъ бѣгутъ доктора, куда глаза глядятъ, живутъ до сихъ поръ запасами Земскаго Союза, приходящими нынѣ уже къ концу. О гимназіяхъ я говорилъ. Ученіемъ заниматься почти немыслимо. И на Украйнѣ власть отмѣнила вторую ступень средней школы, такъ что послѣ четырехъ классовъ (старое начальное училище) — ступай хоть въ университетъ. На экзаменѣ поступающихъ въ Новороссійскій университетъ — нынче осенью — я встрѣчалъ молодыхъ людей, кончившихъ восемь классовъ и не знавшихъ романовъ Тургенева, путавшихъ „Наканунѣ“ съ извѣстнымъ романомъ Ежа изъ болгарской жизни, полагавшихъ, что Индостанъ — материкъ и что Пушкинъ написалъ „Героя нашего времени“. Для чего имъ было кончать восемь классовъ?

Что же дала революція? Она разрушила все то, что было прежде, и вмѣстѣ съ гнилымъ потоптало живое. Единственнымъ достиженіемъ можно считать, пожалуй, психологическій демократизмъ, который не есть, впрочемъ, привиллегія коммунистической власти. Въ театральной школѣ послѣдовательница Дункана, за какой нибудь фунтъ хлѣба (паекъ), учитъ танцамъ работницъ. И онѣ, послѣ шести часовъ утомительнаго труда, съ дѣтской старательностью передвигаютъ босыми, слоновыми ступнями въ замерзающей комнатѣ втеченіе еще нѣсколькихъ часовъ. Когда мы побѣдимъ въ себѣ пошлый смѣшокъ при этомъ зрѣлищѣ или при зрѣлищѣ, что кухарка носитъ дорогое платье, — тогда мы побѣдимъ вобще. Одинъ крестьянинъ накупилъ старинной ампирной мебели, уставилъ ее вокругъ всей избы, затѣмъ вбилъ колышки и

повѣсилъ мебель еще въ одинъ рядъ. Неудобно, не повернуться. Но пусть эта мебель хранится лучше у русскаго крестьянина, чѣмъ у американскаго милліардера: онъ теперь хранитель богатствъ Россіи. Рояли стоятъ по избамъ, и крестьяне уже теперь зовутъ къ себѣ интеллигента учить музыкѣ ребятъ. Крестьянскія гимназіи и „университеты“ болѣе многолюдны и продуктивны, чѣмъ тѣ, что находятся въ замерзающихъ столицахъ, и организуются они по желанію съ мѣстъ. Всѣ, кто уѣзжали въ деревню (а были профессора, которые поѣхали сельскими учителями) — находили, что тамъ меньше хамства, чѣмъ въ городахъ. Въ Москвѣ выборы въ совѣты производятся такъ, что всѣ не стоящіе на платформѣ III Интернаціонала просто и откровенно выгоняются, такъ что свои выбираютъ своихъ, и единогласно проходятъ коммунисты. Но гдѣ нибудь въ далекомъ глухомъ углу, гдѣ, можетъ быть, укрывается отъ власти бывшій офицеръ или другой изъ русскихъ интеллигентовъ, куда не всякую недѣлю заѣзжаетъ комиссаръ, или въ какомъ нибудь „волкомѣ“ (волости) — смѣтливый мужичекъ учится практическому государствовѣдѣнію. Тотъ же крестьянинъ совѣтуется съ проѣзжимъ инженеромъ или интеллигентомъ о томъ, нельзя ли провести въ его деревнѣ электричество, воспользовавшись водяной силой, потому-что жизнь наталкиваетъ на это: никакихъ освѣтительныхъ матеріаловъ нѣтъ.

Основой будущей власти, которая придетъ на смѣну большевикамъ, будетъ личное начало, — противодѣйствіе той систематической политикѣ обращенія людей въ безгласныя стада, которую проводитъ Малый Инквизиторъ. Сейчасъ свобода слова не есть программная отвлеченность даже для широкихъ массъ, она сознается насущной потребностью, какъ хлѣбъ. Первой задачей заграничной русской интеллигенціи, расположившей свои castra in hibernis,—ибо серьезной вооруженной борьбы послѣ ликвидаціи дѣла Врангеля не предвидится — это организація настоящей, идеологически сильной прессы, которая была бы *Колоколомъ* для тѣхъ, кто сейчасъ изнемогаетъ и не видитъ ничего дальше подсовываемыхъ ему ежедневно правительственныхъ „Извѣстій“. Вѣдь о такомъ важномъ законѣ, какъ о земельномъ Врангеля, я узналъ полностью только перейдя румынскую границу, и не въ Бессарабіи даже (откуда было сообщеніе съ южной Россіей), а въ Галацѣ. Свобод-

ное слово должно разсчитывать на то, что — такъ или иначе — оно просочится когда нибудь въ Россію. Надо совершенно оставить прежніе пріемы демагогической брани и примитивнаго лиризма, которыя теперь ни на кого не дѣйствуютъ, особенно тамъ, гдѣ уже три года живутъ одной демагогіей. Россія тяжело больна. Необходимо спокойно поставить діагнозъ, — потому что этого въ достаточной мѣрѣ сдѣлано еще не было, и понять, какъ надо ее лечить. Всякая истерика только вредна. Будущая власть должна прежде всего опираться на крестьянство (это созналъ съ особенной остротой уже ген. Врангель), затѣмъ на интеллигенцію. Въ какомъ видѣ интеллигенція существуетъ въ совѣтской Россіи — я постарался представить, вѣроятно, блѣдно. Заграницей много русской молодежи (частью изъ бывшаго офицерства). Надо приложить всѣ старанія, чтобы она училась, тратить хотя бы послѣднія средства, чтобы обезпечить ее для этого матеріально. Иначе намъ грозитъ иноземный полонъ, такъ какъ, за неимѣніемъ своей интеллигенціи, мы будемъ прибѣгать къ иностранной. Въ такомъ случаѣ великую страну Толстого и Достоевскаго, Врубеля и Скрябина мы обречемъ на положеніе колоніи, рынка для сбыта не только въ матеріальномъ, но и въ интеллектуальномъ отношеніи. Большевики готовы приглашать „спецовъ“ изъ иностранцевъ, потому что эти ландскнехты труда будутъ дѣлать свое ремесленное докторское или инженерское дѣло, не путаясь въ наши внутреннія дѣла. Этимъ то происками совѣтской власти мы должны противопоставить молодую, національную и культурную силу.

Создать за предѣлами Совѣтской Россіи кадры здоровой, активной, національной молодежи и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезную русскую печать,—таковы двѣ задачи, которыя мы должны разрѣшить, если мы не хотимъ, чтобы Россія превратилась въ Готтентотію.

Юрій Никольскій.

ОБЗОРЫ*).

I. Гражданская война въ Крыму**).

(Мартъ — Іюль).

Въ 1920 году, въ дни общихъ неудачъ и отступленія Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, III-й армейскій корпусъ генерала Слащева, при очень тяжелой обстановкѣ, отступилъ изъ Екатеринославскаго района въ предѣлы Тавріи. Оторвавшись отъ наступающаго противника, генералъ Слащевъ, получивъ нѣкоторый выигрышъ во времени, немедленно приступилъ къ организаціи обороны подступовъ къ Крыму. Впослѣдствіи неоднократныя попытки XIII-ой совѣтской арміи, въ февралѣ и мартѣ, прорвать плохо укрѣпленныя позиціи на Перекопскомъ и Сальковскомъ направленіяхъ, неизмѣнно кончались неудачей. Прибѣгая широко къ активной оборонѣ, части III-го корпуса каждый разъ отражали упорныя атаки противника искуснымъ контръ-маневромъ. Совѣтское командованіе, по непонятнымъ причинамъ, упустило благопріятный моментъ, чтобы вторгнуться въ Крымъ на плечахъ своего противника. Въ результатѣ, благодаря исключительной энергіи и личному мужеству генерала Слащева, малыя числомъ и слабо сколоченныя части успѣшно выполнили возложенную на нихъ задачу, ведя неравную борьбу съ превосходными силами красныхъ.

Эвакуированныя изъ Новороссійска въ половинѣ марта добровольческія и казачьи части, потрясенныя морально и физически, по прибытіи въ Крымъ не могли замѣнить изнемогавшія въ бою части III корпуса. Онѣ нуждались хотя бы въ минимальномъ отдыхѣ для приведенія себя въ порядокъ. Лишь къ 1-му апрѣля (ст. стиля) на фронтъ были направлены первыя добровольческія части. Къ этому времени кризисъ обороны Крыма миновалъ, фронтъ получилъ должную устойчивость и гибкость, имѣя резервы въ тылу для парированія всякаго рода случайностей. — (см. схему № 1).

* * *

Къ концу марта красные перебросили на крымскій фронтъ крупныя силы пѣхоты, конницы и артиллеріи для усиленія XIII-ой арміи. Всего было сосредоточено 4 пѣхотныхъ и $2\frac{1}{2}$ конныхъ

*) Вслѣдствіе внезапной болѣзни составителя, настоящая книга выходитъ безъ обзора международной жизни.

**) Схемы будутъ приложены къ слѣдующей книгѣ „Русскихъ Сборниковъ".

дивизіи. Совѣтское командованіе рѣшило предпринять рѣшительную операцію съ цѣлью овладѣть Крымомъ. Къ этому времени войска генерала Слащева, усиленныя Дроздовской дивизіей, состояли изъ 3-хъ пѣхотныхъ дивизій и бригады конницы. Остальныя вновь прибывшія части постепенно подтягивались къ фронту. Имѣя свѣдѣнія о планахъ и намѣреніяхъ противника, генералъ Врангель рѣшилъ предупредить его и переходомъ въ наступленіе вырвать иниціативу изъ его рукъ. Войскамъ ставилась задача — разбить противника и прочно обезпечить за собой выходы изъ Крыма. Для выполненія задуманной операціи, генералу Слащеву было приказано нанести противнику короткій фронтальный ударъ, соединивъ его съ дѣйствіями на обоихъ флангахъ красныхъ, при помощи дессантныхъ отрядовъ. 31 марта разыгрались упорные встрѣчные бои въ районѣ Перекопа, которые продолжались и на слѣдующій день. Въ результатѣ ударная группа красныхъ, состоявшая изъ I-ой латышской и 3-й стрѣлковой дивизій и 3-хъ тысячъ конницы, была отброшена къ сѣверу съ большими потерями конницей генерала Морозова, поддержанной пѣхотой, броневиками, танками и аэропланами. Въ то-же время правый дессантъ, имѣвшій цѣлью отвлечь на себя резервы противника, благополучно высадился у Кириловки (въ 40 вер. сѣверо-восточнѣе Геническа); въ послѣдующіе дни, продолжая движеніе на юго-западъ, онъ способствовалъ взятію Геническа и Салькова. 2-го апрѣля, съ цѣлью удара по тыламъ Перекопской группы красныхъ, въ Хорлахъ, при очень тяжелой обстановкѣ, была высажена Дроздовская дивизія, которая своими дѣйствіями въ большой мѣрѣ способствовала фронтальному наступленію. Въ общемъ итогѣ, 5-го апрѣля операція закончилась полнымъ успѣхомъ. Красные потерпѣли неудачу на всемъ фронтѣ и окончательно были вытѣснены изъ области перешейка къ сѣверу. Такимъ образомъ войска генерала Врангеля прочно обезпечили за собой выходы изъ Крыма.

Настоящіе бои имѣли большое моральное значеніе; они наглядно показали, что, несмотря на цѣлый рядъ пережитыхъ неудачъ, духъ въ арміи не угасъ и она не утратила боеспособности.

Слабыя попытки красныхъ вновь повторить въ концѣ апрѣля и началѣ мая неудавшійся маневръ успѣха не имѣли.

* * *

Устойчивое положеніе на фронтѣ дало генералу Врангелю возможность приступить къ большой организаціонной работѣ въ тылу. Главное вниманіе было удѣлено устройству арміи и вопросамъ ея снабженія. Для приведенія въ порядокъ войскъ, переброшенныхъ съ Кубани, требовались спѣшныя и энергичныя мѣры. Необходимо было теперь же устранить тѣ недочеты, которые въ значительной степени затрудняли управленіе и пагубно отражались на общемъ ходѣ событій.

Укомплектованіе арміи людьми и лошадьми, борьба съ грабежами и насиліями, а равно поднятіе нравственнаго уровня въ вой-

скахъ являлись главными вопросами, которые требовали немедленнаго разрѣшенія. Для пополненія сильно порѣдѣвшихъ рядовъ добровольческой арміи были приняты нижеслѣдующія мѣры: многочисленные штабы и учрежденія, всякаго рода ячейки не существовавшихъ фактически частей безпощадно расформировывались и вливались въ строевыя части; призывались въ войска всѣ неявившіеся по какимъ-либо причинамъ на основаніи прежнихъ мобилизацій; была объявлена мобилизація досрочныхъ призывовъ 1921 и 1922 г. г. (родившихся въ 1900 и 1901 г. г.). На ряду съ вышеуказанными источниками, армія укомплектовывалась плѣнными красноармейцами, которые предварительно проходили черезъ запасныя части. — Позже были приняты мѣры къ возвращенію въ Крымъ воинскихъ чиновъ, въ свое время эвакуированныхъ заграницу. Мобилизація въ общемъ прошла довольно гладко—за исключеніемъ прифронтовой полосы и большихъ городовъ, гдѣ иногда приходилось принимать принудительныя мѣры, устанавливая поруку родственниковъ и общественныхъ организацій.

Наряду съ заботами объ укомплектованіи арміи людьми было обращено вниманіе и на снабженіе ее лошадьми. Путемъ добровольной продажи, при помощи ремонтныхъ комиссій, а равно и принудительной поставкой лошадей (каждому хозяйству разрѣшалось имѣть для собственныхъ нуждъ не болѣе двухъ лошадей) удалось отчасти удовлетворить нужды обезлошаденныхъ при эвакуаціи частей конницы и артиллеріи. Позже (послѣ разгрома красной конницы Жлобы) почти вся кавалерія генерала Врангеля сѣла на лошадей. — Параллельно съ укомплектованіемъ арміи реорганизовывались войсковыя соединенія. Полки, дивизіи и корпуса получили нормальное и стройное устройство. Всякіе отдѣльные отряды уничтожались путемъ влитія ихъ въ части, получившія право на существованіе. Къ началу лѣтней кампаніи армія генерала Врангеля состояла: изъ двухъ армейскихъ, изъ кавалерійскаго и донского корпусовъ и группы особаго назначенія, въ которую вошли, главнымъ образомъ, кубанскія части. Каждый изъ корпусовъ, состоя изъ двухъ или трехъ дивизій, имѣлъ законченную организацію. Дивизіи трехъ или четырехъ-полкового состава съ приданными имъ кавалерійскими, артиллерійскими и техническими частями составляли вполнѣ самостоятельныя и гибкія стратегическія единицы. Организація войсковыхъ и армейскихъ запасныхъ частей была построена на раціональныхъ началахъ. Съ увеличеніемъ числа частей, къ началу сентября, было создано двѣ арміи: I-я армія (ген. Кутеповъ) изъ I-го армейскаго (ген. Писаревъ) и Донского (ген. Абрамовъ) корпусовъ; II-я армія (ген. Драценко) изъ II-го армейскаго (ген. Витковскій) и III-го армейскаго (ген. Скалонъ) корпусовъ; стратегическую конницу составляли — регулярный кавалерійскій корпусъ (ген. Барбовичъ) и конная группа (ген. Бабіевъ), состоявшая изъ казачьихъ частей, главнымъ образомъ, кубанскихъ.

Приводя войсковыя соединенія въ стройный порядокъ, необходимо было въ то же время наладить и вопросы снабженія арміи. Недавній опытъ съ наглядностью показалъ, что только удовлетвореніе

всѣхъ нуждъ арміи можетъ заставить ее отказаться отъ грабежей и связанныхъ съ ними насилій. Примѣненіе извѣстнаго принципа — „война кормитъ войну“ — въ современныхъ условіяхъ приводитъ къ печальнымъ результатамъ вообще, а въ особенности во время гражданской войны. Снабженіе войскъ генерала Врангеля базировалось на слѣдующихъ началахъ: на широкомъ организованномъ использованіи мѣстныхъ средствъ въ прифронтовой полосѣ и на подвозѣ всего недостающаго съ тыла. Сѣверная Таврія давала въ изобиліи арміи хлѣбъ и скотъ, все-же остальное доставлялось на фронтъ органами снабженія. Въ общемъ, въ продовольственномъ отношеніи войска были обставлены вполнѣ удовлетворительно. Хуже обстоялъ вопросъ съ обмундированіемъ. Почти все время ощущался большой недостатокъ въ бѣльѣ, а въ послѣднее время и въ теплыхъ вещахъ; это обстоятельство, несомнѣнно, вредно отразилось на боеспособности арміи въ рѣшительный періодъ борьбы.

Что же касается артиллерійскаго снабженія, то въ этомъ отношеніи фронтъ въ общемъ недостатка не ощущалъ, снаряды и патроны всегда были въ достаточномъ количествѣ. Ощущалась лишь нѣкоторая потребность въ винтовкахъ. Несмотря на то, что высшее командованіе приложило всѣ усилія къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ снабженія, тѣмъ не менѣе оно было безсильно удовлетворить всѣ нужды фронта. Для этого не было собственныхъ средствъ, а помощь союзниковъ реально не давала себя знать.

Наряду съ организаціей арміи генераломъ Врангелемъ былъ принятъ рядъ мѣръ къ огражденію интересовъ населенія отъ произвола и насилія какъ со стороны цѣлыхъ частей, такъ и со стороны отдѣльныхъ лицъ. Приговоры военно-полевыхъ судовъ надъ грабителями и ворами безпощадно приводились въ исполненіе. Для болѣе успѣшной борьбы съ незаконными дѣйствіями чиновъ арміи, въ прифронтовой полосѣ были образованы военно-судебныя комиссіи, которыя состояли при штабахъ корпусовъ, дивизій и отдѣльныхъ бригадъ.

Передвигаясь по пути слѣдованія войскъ, означенныя комиссіи на мѣстахъ удовлетворяли справедливыя жалобы населенія и немедленно привлекали виновныхъ къ строгой отвѣтственности. Въ качествѣ посредниковъ между войсками и населеніемъ въ крупныхъ населенныхъ пунктахъ учреждались комендантства. Въ селахъ и деревняхъ была заведена мѣстная стража изъ сельчанъ. Указанными мѣрами удалось въ короткій срокъ достигнуть положительныхъ результатовъ; нареканія на грабежи и насилія на фронтѣ почти прекратились.

Для повышенія нравственнаго уровня среди офицерства были образованы, тамъ гдѣ ихъ не было, суды чести съ широкими правами и полномочіями. Наряду съ принятіемъ мѣръ, направленныхъ къ оздоровленію арміи, были проявлены заботы по улучшенію быта военнослужащихъ и ихъ семействъ, по обезпеченію воинскихъ чиновъ, потерявшихъ трудоспособность и здоровье и уволенныхъ въ отставку. Однако, въ этомъ отношеніи не удалось достигнуть желательныхъ результатовъ. При дороговизнѣ въ краѣ, періодическія прибавки къ со-

держанію и пенсіи не могли удовлетворить самыхъ насущныхъ потребностей чиновъ арміи, особенно семейныхъ. Правительство генерала Врангеля было безсильно разрѣшить этотъ острый вопросъ въ благопріятномъ смыслѣ, за неимѣніемъ средствъ.

Въ общемъ, напряженная и упорная работа по реорганизаціи и перевоспитанію арміи, по приведенію въ порядокъ матеріальной части, по устройству тыла и цѣлому ряду другихъ важныхъ вопросовъ увѣнчалась успѣхомъ. Сосредоточенныя къ Крыму части въ короткій срокъ были обращены въ дисциплинированную, регулярную армію. Майское наступленіе и цѣлый рядъ послѣдующихъ удачныхъ операцій въ полной мѣрѣ оправдали возлагаемыя на войска надежды.—

* * *

Къ концу мая въ штабѣ генерала Врангеля имѣлись достовѣрныя развѣдывательныя свѣдѣнія, опредѣленно указывавшія на намѣреніе совѣтскихъ войскъ перейти въ рѣшительное наступленіе значительными силами, съ задачей овладѣть Крымомъ. Къ этому времени усиленная и пополненная XIII совѣтская армія состояла изъ 8 пѣхотныхъ и 2 кавалерійскихъ дивизій. Во главѣ арміи стоялъ бывшій подполковникъ Паука.[1]) Учитывая печальный опытъ прошлаго, совѣтское командованіе, приступая къ настоящей операціи, рѣшило обезпечить успѣхъ использованіемъ мощной артиллеріи и другихъ техническихъ средствъ, между которыми были и балоны съ удушливыми газами. Подготовка къ предстоящему наступленію красными велась тщательно и планомѣрно.

Съ цѣлью вырвать иниціативу изъ рукъ противника, генералъ Врангель рѣшилъ и на этотъ разъ предупредить совѣтское командованіе и переходомъ въ энергичное наступленіе нарушить его планы и расчеты. Штабомъ Главнокомандующаго операція была детально разработана и подготовлена. Планъ наступленія состоялъ — во фронтальной атакѣ противника съ глубокимъ обходомъ его лѣваго фланга. Къ началу операціи армія генерала Врангеля состояла изъ 7-ми пѣхотныхъ и 2-хъ кавалерійскихъ дивизій.

25 мая, совершенно неожиданно для противника, десантная группа генерала Слащева, въ составѣ 2-хъ пѣхотныхъ и I кавалерійской дивизій, была высажена у с. Кириловки (см. схему № 2). На слѣдующій день отрядъ генерала Слащева наступалъ въ общемъ направленіи на Мелитополь.

На разсвѣтѣ 26 мая войска генерала Врангеля атаковали укрѣпленную позицію красныхъ на фронтѣ перешейка. Послѣ крайне упорнаго боя позиціи противника были прорваны, при широкомъ содѣйствіи танковъ, броневиковъ и эскадрильи аэроплановъ. Послѣ чего группа генерала Писарева, дѣйствовавшая со стороны Сальково, овладѣла Геническомъ, Ново-Алексѣевкой и Ново-Михайловкой; въ

[1]) Офицеръ Генеральнаго Штаба, окончившій въ 1914 году два курса Военной Академіи.

то-же время войска генерала Кутепова, наступая со стороны Перекопа, овладѣли Перво-Константиновкой, Спендіарово и Адаманомъ. Предпринятыя противникомъ контръ-атаки окончились неудачей. Въ результатѣ, въ первые два дня операціи войска генерала Врангеля неожиданными фронтальнымъ и фланговымъ ударами прорвали позиціи противника и расшатали его фронтъ.

Встрѣчая слабое сопротивленіе красныхъ, генералъ Слащевъ къ 31-му мая овладѣлъ городомъ и станціей Мелитополь. Между тѣмъ красные оказывали сильное сопротивленіе въ центрѣ своего расположенія, въ районѣ Рождественское—Н. Михайловское. Войска генерала Писарева вслѣдствіе этого пріостановили свое наступленіе. Для содѣйствія своему сосѣду, генералъ Слащевъ направилъ изъ Мелитополя часть силъ въ западномъ направленіи, въ тылъ противника. Части генерала Кутепова, разбивъ Перво-Константиновскую группу красныхъ, развязали себѣ руки и получили возможность развивать свое движеніе на сѣверъ; къ 30-му мая они вышли на линію Асканія Нова, Чаплинка, Колончакъ.

31-го мая совѣтское командованіе, желая нерализовать дальнѣйшее развитіе успѣха войскъ генерала Врангеля, предприняло контръ-маневръ ударной группой, въ составѣ 3 пѣхотныхъ и 1 кавалерійской дивизій, со стороны Каховки, въ общемъ направленіи на Перекопъ. Отойдя въ центрѣ и оставивъ свои фланги на мѣстахъ, генералъ Кутеповъ затянулъ противника въ мѣшокъ и послѣ этого, перейдя въ рѣшительное наступленіе, нанесъ Каховской группѣ красныхъ окончательное пораженіе Итакъ, на обоихъ флангахъ совѣтскія войска потерпѣли пораженіе, послѣ чего успѣхъ окончательно склонился на сторону войскъ генерала Врангеля.

Въ связи съ неблагопріятно сложившейся обстановкой на флангахъ, положеніе центральной группы красныхъ оказалось очень тяжелымъ, особенно послѣ выхода въ ея тылъ частей генерала Слащева. Съ цѣлью облегчить положеніе своего центра, совѣтское командованіе бросило всѣ свои свободные резервы на Мелитопольское направленіе. Съ 1 го по 4-ое іюня красные вели безрезультатныя атаки. 4-го іюня генералъ Слащевъ самъ перешелъ въ наступленіе, опрокинулъ противника и оттѣснилъ его на сѣверъ и сѣверо-востокъ.

Сломивъ сопротивленіе красныхъ въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ, войска генераловъ Кутепова и Писарева, начиная со 2-го по 8-ое іюня, неотступно преслѣдовали ихъ въ сѣверномъ направленіи. Въ результатѣ 12-ти дневной операціи разбитыя части XIII совѣтской арміи были отброшены за Днѣпръ и за линію ж. д. Александровскъ — Орѣховъ—Пологи—Бердянскъ. Войсками генерала Врангеля за время операціи было захвачено: болѣе 10,000 плѣнныхъ, 48 орудій, 250 пулеметовъ, 3 бронепоѣзда, 9 броневыхъ автомобилей и другая богатая добыча.

Помня, что въ „подлой оборонѣ“ нѣтъ спасенія, генералъ Врангель рѣшительнымъ и смѣлымъ по замыслу маневромъ вырвалъ починъ дѣйствій у противника и тѣмъ самымъ продиктовалъ ему свою волю. Комбинированныя сухопутная и дессантная операціи увѣнча-

лись полнымъ успѣхомъ. Въ бою большіе и малые начальники проявили разумную инипіативу. Взаимная поддержка сосѣдей проходила красной нитью во всей операціи. Личный примѣръ начальниковъ всѣхъ степеней и мужество войскъ неизмѣнно способствовали успѣху молодой, обновленной арміи.

Итакъ, отдохнувшая, пополненная и реорганизованная армія генерала Врангеля нанесла жестокій ударъ совѣтскимъ войскамъ. Съ занятіемъ Сѣверной Тавріи территорія Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи увеличилась почти вдвое. Продовольственный вопросъ Крыма утратилъ свою остроту.

Со стороны красныхъ слѣдуетъ отмѣтить: плохо налаженный аппаратъ войсковой и агентурной развѣдки, благодаря чему и имѣлъ мѣсто элементъ неожиданности, имѣвшій пагубное вліяніе на весь ходъ боя; разрозненность въ дѣйствіяхъ и вводъ резервовъ по частямъ; отсутствіе рѣзко обозначеннаго контръ-маневра, — наблюдалось лишь стремленіе парировать занесенные удары.

* * *

Неожиданные результаты послѣдняго наступленія арміи генерала Врангеля сильно взволновали правителей Совѣтской Россіи и военные круги, которые начали удѣлять большое вниманіе событіямъ, развивавшимся на южномъ фронтѣ. Большевистская пресса, указывая на „южно-русскую опасность“, призывала коммунистовъ удѣлить серьезное вниманіе „начинаніямъ бѣлаго командованія“.

Касаясь текущихъ военныхъ событій, одинъ изъ видныхъ совѣтскихъ дѣятелей, между прочимъ, писалъ: „не успѣвъ ликвидировать бѣлыхъ минувшей зимой, мы дорого платимъ за нашу небрежность. Не теряя ни мгновенія, мы должны принять самыя срочныя мѣры“. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ разгрома XIII арміи красные начали интенсивную переброску войскъ на Крымскій фронтъ. Свѣжія части перебрасывались, главнымъ образомъ, изъ ближайшихъ VIII-ой, IX-ой и XIV-ой армій, расположенныхъ соотвѣтственно на Дону, Кубани и въ Кіевскомъ районѣ. Большая часть перевозимыхъ частей предназначалась ранѣе на польскій фронтъ, и лишь обстановка въ Сѣверной Тавріи заставила направить эшелоны по новому назначенію. Желая надежнѣе обезпечить успѣхъ предстоящей операціи, совѣтское командованіе, учитывая, что доминирующее значеніе въ маневренной войнѣ принадлежитъ конницѣ, помимо пѣхотныхъ частей перебросило 3 кавалерійскихъ дивизіи, которыя тоже направлялись на западный фронтъ. Части XIII арміи, понесшія потери въ предыдущихъ бояхъ, на спѣхъ пополнялись укомплектованіями, прибывшими на фронтъ изъ запасныхъ частей.

Отстраненнаго отъ должности за неудачу командующаго XIII совѣтской арміей Паука смѣнилъ бывшій штабсъ-капитанъ Эйдеманъ. Новое командованіе красныхъ въ предстоящей операціи рѣшило дѣйствовать по слѣдующему плану: прорвать фронтъ генерала Врангеля на сѣверо-восточномъ секторѣ при помощи конной массы, за-

тѣмъ сосредоточенными усиліями овладѣть Мелитополемъ и, выйдя въ тылъ противнику, — отрѣзать его отъ Крымскаго перешейка.

Въ серединѣ іюня на фронтѣ начались упорные бои, которые въ сущности носили демонстративный характеръ, такъ какъ обѣ стороны въ этотъ періодъ готовились къ предстоящей операціи, производя необходимыя перегруппировки. Боевыя столкновенія сторонъ протекали съ перемѣннымъ успѣхомъ. Къ 18-му іюня красные сосредоточили въ районѣ Верхняго Токмака мощную конную массу въ составѣ 18-ти полковъ, придавъ ей пѣхоту, сильную артиллерію и богатыя техническія средства. Вся эта группа войскъ была объединена подъ начальствомъ популярнаго вождя красной конницы Жлобы [1]).

Въ то-же время совѣтскія войска произвели сильный натискъ на Орѣховскомъ и Александровскомъ направленіяхъ, а равно пытались переправиться во многихъ пунктахъ черезъ Днѣпръ; этими демонстративными дѣйствіями совѣтское командованіе, повидимому, стремилось отвлечь вниманіе войскъ генерала Врангеля отъ направленія, на которомъ предполагалось нанести рѣшительный ударъ. Однако, высшимъ командованіемъ Крыма планъ красныхъ былъ своевременно разгаданъ. Генералъ Врангель рѣшилъ уничтожить главный боевой элементъ противника — его конницу — и для этой цѣли, за счетъ другихъ участковъ фронта, сгруппировалъ сильные резервы въ районѣ предстоящихъ дѣйствій. Между тѣмъ, выполняя поставленную задачу, 19 іюня Жлоба потѣснилъ донцовъ на путяхъ къ Мелитополю и втянулся главными силами своей конницы въ мѣшокъ, образованный расположеніемъ войскъ генерала Врангеля по Токмакской ж. д. и въ районѣ восточнѣе Мелитополя (см. схему № 3). На ночлегъ съ 19-го на 20-ое іюня красная конница расположилась въ 20 верстахъ юго-восточнѣе Б. Токмака, въ районѣ Клефельдъ, Фриденеру и Александркронъ. Въ ту-же ночь пѣхота и конница генерала Врангеля заняли указанное имъ исходное положеніе, имѣя цѣлью окружить и уничтожить конницу Жлобы. На разсвѣтѣ 20-го іюня войска генерала Врангеля концентрическимъ движеніемъ неожиданно обрушились на противника. Внезапнымъ маневромъ красные были ошеломлены и, увидя себя окруженными, произвели рядъ безуспѣшныхъ попытокъ прорваться черезъ кольцо непріятельскихъ войскъ. Бросившись на сѣверъ къ Б. Токмаку, красная конница наткнулась на губительный огонь бронепоѣздовъ и сопротивленіе пѣхоты; на востокѣ ее ожидала та-же участь: здѣсь она была встрѣчена стремительнымъ ударомъ бѣлой конницы, направленной своевременно къ Ландскроне и Гнаденсфельду. Впослѣдствіи, красная конница разбилась на три отдѣльныхъ группы, искавшихъ спасенія въ различныхъ направленіяхъ; однако, на перерѣзъ имъ повсюду выходили конница и пѣхота генерала Врангеля, причемъ послѣдняя была посажена на повозки. Летчики бомбометаніемъ и стрѣльбой изъ пулеметовъ вносили панику въ колонны противника. Въ результатѣ конная группа Жлобы была разгромлена; она потеряла около 1500 кон. плѣнныхъ, 41 ору-

[1]) до 1917 года — слесарь Тихорѣцкаго желѣзно-дорожнаго депо.

діе, 100 пулеметовъ, много лошадей и сѣделъ и почти всѣ обозы. Просочившись небольшими, разрозненными отрядами черезъ замкнутое кольцо, часть красной конницы присоединилась къ своей пѣхотѣ, внеся тревогу въ ея ряды. Итакъ, планъ совѣтскаго командованія — нанести рѣшительный ударъ войскамъ генерала Врангеля при помощи конной массы, — потерпѣлъ полную неудачу. Генералъ Врангель принялъ смѣлое рѣшеніе, вѣря своимъ войскамъ и своему боевому счастью. Перейдя въ наступленіе на день раньше противника, онъ захватилъ въ свои руки починъ дѣйствій и тѣмъ самымъ нарушилъ всѣ расчеты совѣтскаго командованія. Въ результатѣ XIII совѣтская армія лишилась главнаго боевого элемента — конницы, необходимой въ маневренной войнѣ. Побѣда подняла престижъ арміи генерала Врангеля не только въ глазахъ населенія Тавріи, но вообще на югѣ Россіи.

Въ приведенной операціи, съ тактической точки зрѣнія, со стороны войскъ генерала Врангеля слѣдуетъ отмѣтить: согласованность дѣйствій отдѣльныхъ группъ и отрядовъ и вообще дружную боевую работу, построенную на взаимодѣйствіи всѣхъ родовъ войскъ. Для выполненія основной задачи, за отсутствіемъ въ достаточномъ количествѣ конницы, была привлечена пѣхота, частично посаженная на повозки, и эскадрильи самолетовъ.

Въ результатѣ непріятельская конница была окружена пѣхотой; настоящій военный эпизодъ является однимъ изъ рѣдкихъ случаевъ военной исторіи.

Со стороны совѣтскихъ войскъ, командованіемъ конной группы были проявлены преступная небрежность и безпечность. Задуманная совѣтскимъ командованіемъ операція не удалась благодаря плохо поставленной развѣдкѣ. Конныя части своевременно не обнаружили пѣхоты противника и благодаря этому не предотвратили катастрофы. Въ бою отсутствовали согласованность дѣйствій отдѣльныхъ группъ и чувство взаимной выручки различныхъ родовъ войскъ. Красная пѣхота, потрясенная пораженіемъ своей конницы, быстро отошла, не сдѣлавъ попытокъ къ ея спасенію.

* * *

Въ іюнѣ генераломъ Врангелемъ были предприняты дессантныя операціи на сѣверномъ побережьи Азовскаго моря. 11-го іюня былъ взятъ г. Бердянскъ соединенными усиліями дессанта морской пѣхоты и флота, подъ общей командой капитана I-го ранга Машукова. 26-го Іюня дессантный донской отрядъ полковника Назарова благополучно высадился между Таганрогомъ и Маріуполемъ. Встрѣчая лишь слабое сопротивленіе небольшихъ красныхъ частей, полковникъ Назаровъ проникъ въ Донскую область и 9-го іюля занялъ раіонъ Александровскъ-Грушевска (въ 35 вер. сѣвернѣе Новочеркасска).

Послѣднія неудачи на фронтѣ и указанныя дессантныя операціи внесли новую тревогу въ совѣтскіе военные круги. Въ одномъ изъ приказовъ Троцкій такъ оцѣнивалъ стратегическое положеніе: „Расчетъ врага правильный. Съ захватомъ Азовскаго моря Врангель врѣ-

зывается въ наше расположеніе острымъ клиномъ, и мы должны будемъ отойти безъ давленія со стороны бѣлыхъ. Защищайте-же побережье. Съ потерей его мы потеряемъ большинство нашихъ завоеваній".

Предположенія и опасенія совѣтскаго командованія, однако, не имѣли реальныхъ основаній. Въ описываемый періодъ времени, какъ ни были заманчивы стратегическія перспективы и несмотря на слабость противника, генералъ Врангель не стремился къ немедленному расширенію территоріи. Опытъ недавняго прошлаго указывалъ на необходимость, параллельно съ продвиженіемъ арміи, прочно налаживать жизнь во вновь занятыхъ областяхъ.

* * *

Съ цѣлью ликвидировать успѣхи войскъ генерала Врангеля въ Сѣверной Тавріи совѣтское командованіе, въ концѣ іюля, предпринимаетъ новое наступленіе. Подготовка къ операціи велась интенсивнымъ темпомъ. Спѣшно укомплектовывалась и усиливалась XIII армія, понесшая въ предыдущихъ бояхъ большія потери. Для удобства управленія была создана новая II-я конная армія. Для предстоящей операціи красные сосредоточили двѣ ударныхъ группы: одну, въ составѣ II-ой конной арміи (4 дивизіи) и $4^1/_2$ пѣхотныхъ дивизій, на Орѣховскомъ и Александровскомъ направленіяхъ, и другую изъ 5 стрѣлковыхъ дивизій — на Нижнемъ Днѣпрѣ. Планъ наступленія красныхъ рисуется въ слѣдующемъ видѣ: на восточномъ секторѣ фронта — пассивная оборона; со стороны Орѣхова — ударъ въ югозападномъ направленіи и со стороны Каховки — на Перекопъ, съ цѣлью отрѣзать войска генерала Врангеля отъ основной базы — Крыма. 25-го іюля красные перешли въ энергичное наступленіе обѣими ударными группами. Въ восьмидневномъ бою сѣверной группѣ совѣтскихъ войскъ былъ нанесенъ рядъ короткихъ ударовъ, заставившихъ ее къ 1-му августа пріостановить наступленіе. Въ то же время другая ударная группа красныхъ, подъ прикрытіемъ мощной артиллеріи, форсировала Днѣпръ у Каховки и Алешекъ. Сдерживая втеченіе пяти дней превосходившаго его силами противника, войска генерала Слащева, переходя въ частныя контръ-атаки, шагъ за шагомъ отходили къ востоку отъ Днѣпра. Между тѣмъ, произведя необходимую перегруппировку, генералъ Врангель перешелъ въ рѣшительное контръ-наступленіе, и въ результатѣ жестокихъ трехдневныхъ боевъ къ вечеру 1-го августа весь лѣвый берегъ Днѣпра, на участкѣ отъ Никополя до устья, былъ очищенъ отъ красныхъ, за исключеніемъ Каховскаго тетъ-де-пона, который остался за противникомъ. Итакъ, попытка совѣтскаго командованія остановить развитіе успѣховъ арміи генерала Врангеля закончилась опять полной неудачей.

Совѣтскія войска потеряли болѣе 6000 плѣнныхъ, 34 орудія и 150 пулеметовъ.

Дѣйствуя по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ, генералъ Врангель послѣдовательно нанесъ ударъ обѣимъ активнымъ группамъ

противника. Но результаты достигнутаго успѣха слѣдуетъ признать не полными. Противникъ былъ отброшенъ, но не уничтоженъ, а между тѣмъ, какъ извѣстно, „недорубленный лѣсъ быстро вырастаетъ". Кромѣ того, краснымъ удалось прочно зацѣпиться на лѣвомъ берегу Днѣпра въ Каховскомъ плацдармѣ. Послѣднее обстоятельство по существу является какъ-бы незначительнымъ, но, какъ увидимъ въ будущемъ, оно оказалось чревато послѣдствіями. Имѣя въ своихъ рукахъ переправу на лѣвымъ берегъ Днѣпра, красные всегда могли обрушиться на противника по кратчайшему операціонному направленію, угрожая отрѣзать отъ перешейковъ Крыма войска генерала Врангеля. Въ общемъ „Красная Каховка" являлась какъ—бы нарывомъ на тѣлѣ бѣлой арміи. Всѣ попытки генерала Врангеля избавиться отъ постоянной угрозы со стороны Каховки успѣха не имѣли. Учитывая стратегическое значеніе этого пункта, красное командованіе, при помощи мощной артилеріи, расположенной на правомъ берегу Днѣпра, сдѣлало эту позицію неприступной.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. В. Карпинскій.

Русскіе бѣженцы въ Болгаріи.

Первыя группы русскихъ бѣженцевъ появились въ Болгаріи еще весной 1919 года, когда красной арміей была взята Одесса. Послѣ освобожденія юга Россіи арміей генерала Деникина бѣженцы потянулись обратно. Но успѣхи большевиковъ и развалъ добровольческаго фронта въ началѣ 1920 г. вызвали приливъ бѣженцевъ въ размѣрахъ уже значительно болѣе крупныхъ. Болгарская Варна являлась ближайшимъ пунктомъ, привлекавшимъ къ себѣ бѣженцевъ изъ той же Одессы, а также изъ портовъ Крыма. Одни стремились въ Болгарію, чтобы тамъ, въ родственной по языку и культурѣ странѣ, какъ-нибудь перебиваясь, пережить тяжелые дни. Для другихъ Болгарія была только этапомъ на пути слѣдованія въ Сербію, Чехо-Словакію, Францію, Германію. Многіе попадали сюда изъ Константинополя, гонимые дороговизной жизни.

Первымъ учрежденіемъ въ Болгаріи, пришедшимъ на помощь русскимъ бѣженцамъ еще въ 1919 году, было Славянское Общество. Правленіе Общества въ согласіи съ Софійскимъ университетомъ, Академіей Наукъ и разными другими культурными организаціями издало призывъ къ болгарскому народу о сборѣ пожертвованій въ пользу нуждающихся русскихъ бѣженцевъ, которые прибыли въ Константинополь и начали прибывать и въ Болгарію. Общество послало въ Константинополь своего представителя, который на мѣстѣ долженъ былъ выяснить нужды бѣженцевъ и ихъ число. Комитету помощи бѣженцамъ въ Константинополѣ было передано 150,000 левъ и роздано представителемъ Общества непосредственно нуждающимся бѣженцамъ 23,000 левъ. Въ Софіи была образована Комиссія помощи русскимъ бѣженцамъ, въ задачи которой входило предоставленіе помѣщеній и продовольствія, а также снабженіе наиболѣе нуждающихся бѣльемъ, одеждой и обувью. Общество раздавало и денежныя пособія. По ходатайству Правленія Общества, Совѣтъ Министровъ разрѣшилъ размѣнъ по льготному курсу въ Болгарскомъ Народномъ Банкѣ русскихъ бумажныхъ рублей (керенокъ). Размѣнъ производился въ размѣрѣ 1000 рублей на одно лицо. Съ апрѣля мѣсяца 1920 г. размѣнъ русскихъ рублей былъ прекращенъ. Въ 1919 г., когда ни въ Софіи, ни вообще въ Болгаріи еще не было никакого русскаго представительства, ни политическаго, ни военнаго, Славянское Общество приняло на себя заботы по облегченію русскимъ различныхъ формальностей въ паспортномъ отношеніи. Оно же снабжало бѣженцевъ безплатными билетами для проѣзда по болгарскимъ желѣзнымъ дорогамъ до границы.

Вторымъ учрежденіемъ, поставившимъ уже непосредственной своей цѣлью оказаніе помощи русскимъ бѣженцамъ въ Болгаріи, явился Русско-Болгарскій Культурно-Благотворительный Комитетъ, организованный по ини-

иіативѣ русскаго дипломатическаго представителя въ Софіи, А. М. Петряева въ январѣ 1920 года. Почетнымъ предсѣдателемъ Правленія комитета былъ избранъ Архимандритъ Стефанъ, товарищемъ его профессоръ А. Д. Агура. Первоначальныя средства комитета сложились изъ членскихъ взносовъ и, главнымъ образомъ, благодаря поддержкѣ Славянскаго Общества, выразившейся въ суммѣ 20,000 левъ. Комитетомъ устроена столовая для русскихъ бѣженцевъ „Наслада", гдѣ за недорогую плату, а неимущимъ безплатно, выдаются вполнѣ удовлетворительные обѣды. Въ концѣ лѣта Комитетомъ была открыта въ Софіи русская гимназія, значительную поддержку которой оказалъ представитель Американской организаціи помощи русскимъ дѣтямъ своимъ пожертвованіемъ въ 15,000 левъ. Черезъ Комитетъ и его органы оказывалъ свою помощь бѣженцамъ правительственный уполномоченный по устройству бѣженцевъ въ Болгаріи, генералъ Ломновскій. Послѣднимъ было отпущено Комитету до 60,000 левъ на оказзніе помощи инвалидамъ и содержащимся въ санаторіяхъ. Наконецъ, Комитетъ, ведя регистрацію бѣженцевъ въ Софіи, предоставляетъ тѣмъ или инымъ русскимъ учрежденіямъ свѣдѣнія и заключенія о степени нуждаемости бѣженцевъ для выдачи имъ безплатнаго питанія или одежды. Культурная дѣятельность Комитета до сихъ поръ не проявилась. Недостатокъ средствъ и отсутствіе помѣщенія лишали Комитетъ возможности осуществить намѣченныя имъ начинанія.

Въ концѣ первой половины 1920 г. организація помощи бѣженцамъ въ Болгаріи стала налаживаться и систематизироваться, благодаря учрежденію представительствъ трехъ русскихъ общественныхъ организацій: Краснаго Креста, Союза Городовъ и Земскаго Союза.

Дѣятельность Россійскаго Общества Краснаго Креста въ Болгаріи началась въ концѣ Мая 1920 года. Задачи, поставленныя учрежденіямъ Краснаго Креста, сводятся къ питанію бѣженцевъ, оказанію имъ медицинской помощи и снабженію бѣльемъ, обувью и одеждой. Хотя число бѣженцевъ въ Болгаріи сравнительно не такъ значительно (на 1 іюля было зарегистрировано 4081, а на 1 сентября — 3229, въ дѣйствительности же бѣженцевъ должно быть не менѣе четырехъ тысячъ, такъ какъ очень многіе не зарегистрированы вовсе), но положеніе ихъ, по сравненію съ другими странами, куда были эвакуированы русскіе, весьма тяжелое. Въ Болгаріи нѣтъ теперь ни льготнаго размѣна, какъ въ Сербіи, ни безплатнаго питанія за счетъ союзниковъ, какъ на Принцевыхъ островахъ, Лемносѣ и т. д. Между тѣмъ, большинство бѣженцевъ прибыло въ Болгарію изъ Одессы, откуда они были эвакуированы въ самомъ спѣшномъ порядкѣ, благодаря чему многіе потеряли всѣ свои вещи и остались безъ всякихъ средствъ и часто безъ возможности найти какой либо заработокъ. Съ другой стороны, въ Болгаріи оказались водворенными наиболѣе тяжелобольные, которые по состоянію своего здоровья не могли въ свое время проѣхать въ другія мѣста поселенія русскихъ. Наконецъ, кромѣ бѣженцевъ, осѣвшихъ въ Болгаріи, Красному Кресту приходилось оказывать помощь и слѣдовавшимъ черезъ Болгарію въ Крымъ воинскимъ чинамъ и бѣженцамъ изъ Сербіи, Чехо-Словакіи, Польши и Румыніи. Лица, побывавшія въ польскомъ плѣну и въ Румыніи, въ большинствѣ были совершенно раздѣты, страшно истощены и остро нуждались во всѣхъ видахъ помощи.

Необходимость оказывать помощь проѣзжающимъ черезъ Болгарію особенно сильно сказывалась на расходахъ Краснаго Креста по питанію. Питаніе бѣженцевъ осуществлялось путемъ, во-первыхъ, безплатнаго питанія за счетъ Краснаго Креста наиболѣе нуждающихся и, во-вторыхъ, путемъ содѣйствія организаціи дешеваго питанія за счетъ самихъ бѣженцевъ, сравнительно болѣе состоятельныхъ. Безплатное питаніе предоставлялось бѣженцамъ на питательныхъ пунктахъ. Стоимость питанія на питательномъ пунктѣ колебалась отъ 7 до 12 лева въ сутки на человѣка. Всего за три мѣсяца Краснымъ Крестомъ было выдано 81.129 безплатныхъ обѣдовъ; кромѣ того, 19,369 человѣкъ получили на питательномъ пунктѣ на вокзалѣ въ Софіи завтраки и ужины изъ чая, хлѣба, сыра и яицъ.

Значительное число русскихъ больныхъ, преимущественно военныхъ, размѣщено въ болгарскихъ государственныхъ больницахъ. Питаніе въ этихъ больницахъ признается и болгарскими, и русскими врачами недостаточнымъ. Это обстоятельство вынуждало подкармливать русскихъ больныхъ, что и практикуется Краснымъ Крестомъ во всѣхъ государственныхъ больницахъ. Избѣгая выдачи дополнительнаго кормового пайка деньгами, Красный Крестъ осуществляетъ такое подкармливаніе больныхъ при помощи различныхъ общественныхъ организацій. При содѣйствіи этихъ учрежденій закупаются необходимые предметы и передаются больнымъ натурой. Какъ показалъ опытъ, для многихъ лицъ пища, получаемая на питательныхъ пунктахъ, недостаточна или по состоянію ихъ здоровья не подходяща. Таковы дѣти, нуждающіяся въ молокѣ, старики, выздоравливающіе и больные, требующіе усиленнаго или діэтическаго питанія. Для этихъ категорій съ самаго начала организаціи питательной помощи установленъ былъ отпускъ, исключительно по указанію врача, дополнительнаго діэтическаго питанія, состоящаго изъ молока, бѣлаго хлѣба и яицъ. За три мѣсяца такое дополнительное питаніе было предоставлено 22.834 лицамъ.

Помимо питанія нуждающихся бѣженцевъ и подкармливанія содержащихся въ болгарскихъ больницахъ больныхъ и раненыхъ передъ Краснымъ Крестомъ встала задача учрежденія упрощенныхъ санаторій и колоній для нуждающихся въ продолжительномъ отдыхѣ, въ хорошихъ климатическихъ условіяхъ, достаточномъ питаніи и наблюденіи врача. Помѣщать ихъ въ больницахъ представлялось невозможнымъ; напротивъ, въ большинствѣ случаевъ — это выписанные изъ больницъ. Оставлять ихъ на произволъ судьбы въ общихъ тяжелыхъ условіяхъ бѣженской жизни, было бы равносильно обреченію на медленную, но вѣрную гибель. Къ этому разряду лицъ относится значительное количество туберкулезныхъ въ первыхъ стадіяхъ заболѣванія. Краснымъ Крестомъ были открыты упрощенныя санаторіи въ с. Княжево, Орханіе, Шипкѣ и Ст.-Загорѣ. Затѣмъ, въ колонію Краснаго Креста обращено также и общежитіе, устроенное въ Преображенскомъ монастырѣ. Независимо отъ этого, нѣкоторые больные помѣщены были въ частную санаторію, открытую попечительницей Никольской Общины въ Евксиноградѣ, около Варны. Санаторнымъ лѣченіемъ воспользовались за три мѣсяца 344 лица.

Расходы Краснаго Креста на питаніе русскихъ бѣженцевъ и содержаніе санаторій выражаются за три мѣсяца въ суммѣ 1.316.695 лева. Въ среднемъ на питаніе одного человѣка истрачено со всѣми накладными рас-

ходами (администрація питательныхъ пунктовъ и организація санаторій) — 12, 5 лева.

Дешевыя столовыя функціонируютъ въ Софіи и Варнѣ. Значеніе ихъ для бѣженцевъ весьма велико. Съ одной стороны, онѣ облегчаютъ положеніе малоимущихъ, которые иначе были бы вынуждены или жить впроголодь, или нести непосильные расходы. Съ другой, поддерживая бѣженцевъ средняго достатка, дешевая столовая отодвигаетъ тотъ моментъ, когда такія лица, проживъ послѣднее, неизбѣжно переходятъ на безплатное питаніе. За три мѣсяца этими столовыми въ Софіи и Варнѣ отпущено 33.609 обѣдовъ по цѣнѣ — 11 лева въ Софіи и 9 лева въ Варнѣ. Средняя посѣщаемость столовыхъ — 150—200 человѣкъ въ день.

Медицинская помощь бѣженцамъ, кромѣ санаторнаго лѣченія, оказывается болгарскими государственными больницами и амбулаторіями Русскаго Краснаго Креста. Послѣднихъ открыто четыре: въ Софіи, Варнѣ, Тырновѣ и Евксиноградѣ. Съ 1 іюня по 1 сентября Варненская амбулаторія приняла всего 6847 человѣкъ, причемъ за послѣднее время число посѣщеній въ день превышаетъ 100. Въ амбулаторіяхъ Краснаго Креста больнымъ даются совѣты, дѣлаются перевязки, несложныя операціи и безплатно выдаются необходимые медикаменты. Дѣятельность амбулаторій непрерывно расширяется. Это объясняется постепеннымъ выписываніемъ больныхъ изъ государственныхъ больницъ. По мѣрѣ развитія дѣятельности амбулаторій и широкаго освѣдомленія о нихъ бѣженцевъ, медицинская помощь оказывается и такимъ больнымъ, которые раньше оставались безъ всякой помощи. Расходы Краснаго Креста на амбулаторіи за три мѣсяна составляютъ 58.286 левъ.

Нуждающіеся въ спеціальныхъ видахъ лѣченія получаютъ таковое за счетъ Русскаго Краснаго Креста въ болгарскихъ лѣчебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ организовано лѣченіе электризаціей, зуболѣченіе и др. На спеціальные виды лѣченія, включая сюда изготовленіе протезовъ конечностей (выдачу ортопедической обуви и др), расходуется въ среднемъ 20—25 тысячъ левъ въ мѣсяцъ

Большинство прибывающихъ въ Болгарію эвакуированныхъ больныхъ и раненыхъ, а также и бѣженцевъ ощущаютъ острый недостатокъ въ одеждѣ. Чтобы хоть частью удовлетворить эту нужду, русскимъ военнымъ представителемъ была начата операція по изготовленію и раздачѣ бѣлья изъ матеріала, полученнаго имъ изъ Константинополя. Операція эта затѣмъ была передана уполномоченному по устройству бѣженцевъ въ Болгаріи, который и закончилъ ее въ августѣ мѣсяцѣ. Всего было изготовлено и роздано 2644 комплекта бѣлья, а 976 аршинъ выдано купонами для мелкихъ платьевъ и бѣлья. Заготовка обуви для бѣженцевъ производилась до сихъ поръ покупкой значительныхъ партій непосредственно отъ фирмы, импортирующей обувь изъ Америки. Кромѣ выдачи новой обуви, Краснымъ Крестомъ практикуется оплата починки имѣющейся у бѣженцевъ обуви, что значительно сокращаетъ расходы на пріобрѣтеніе новой. Починка въ большинствѣ случаевъ производится мастерскими, организованными на артельныхъ началахъ при участіи самихъ бѣженцевъ Земскимъ и Городскимъ Союзами, счета которыхъ по исполненіи работы оплачиваются Краснымъ Крестомъ. Деньги на руки не выдаются. Точно также и сукно для верхняго платья пріобрѣтено непосредственно на фабрикѣ. Кройка производится спеціальными закройщиками, къ

шитью же привлечены исключительно русскія бѣженки, нуждающіяся въ заработкѣ. При изготовленіи одежды такимъ порядкомъ комплектъ обходится около 300 левъ. На женскія и дѣтскія платья матерія выдается по три и полтора метра купономъ съ тѣмъ, чтобы платья были пошиты самими получающими ихъ бѣженками

Для управленія учрежденіями Краснаго Креста Болгарія раздѣлена на районы: Варненскій-городъ Варна и ея окрестности, Тырновскій-округа Тырновскій, Шуменскій, Рущукскій и Плевненскій; остальныя мѣста разселенія русскихъ бѣженцевъ находятся въ непосредственномъ вѣдѣніи центральнаго управленія. Эти районы совпадаютъ съ районами уполномоченныхъ по устройству бѣженцевъ, и должность районнаго уполномоченнаго Краснаго Креста совмѣщается въ одномъ лицѣ съ должностью районнаго правительственнаго уполномоченнаго, безъ особаго расхода для Краснаго Креста. Расходъ на администрацію составляетъ по отношенію къ общему расходу Краснаго Креста въ Болгаріи всего 5, 5%.

На Всероссійскій Союзъ Городовъ въ дѣлѣ помощи бѣженцамъ возложена работа просвѣтительнаго характера. Въ этомъ отношеніи до начала дѣятельности Союза въ Болгаріи, до Іюля 1920 г., почти ничего не было сдѣлано. Для дѣтей младшаго и дошкольнаго возрастовъ не было ни одного учебно-воспитательнаго учрежденія; для дѣтей школьнаго возраста существовала одна Варненская русская гимназія г. Кононовича, открытая по его иниціативѣ, и, наконецъ, для взрослыхъ въ Варнѣ же организовывались курсы иностранныхъ языковъ. Союзъ Городовъ наибольшее вниманіе удѣлилъ дѣлу обученія и воспитанія дѣтей младшаго и дошкольнаго возрастовъ. Въ первую очередь, еще въ іюлѣ были открыты дѣтскіе сады въ Софіи и Варнѣ и въ началѣ августа въ Плевнѣ. При Софійскомъ и Плевненскомъ дѣтскихъ садахъ учреждены подготовительныя школы для дѣтей отъ 7 до 12 лѣтъ. Дѣти дошкольнаго возраста заняты подвижными играми, ручнымъ трудомъ, рисованіемъ. Въ подготовительныхъ школахъ дѣти знакомятся съ природой, географіей, съ ними ведутся бесѣды по вопросамъ отечественной исторіи; также преподаются: русское чтеніе, французскій языкъ, ручной трудъ, рисованіе. Во всѣхъ садахъ дѣти получаютъ хорошій питательный завтракъ. Надлежащая постановка дѣтскихъ садовъ въ Болгаріи встрѣчаетъ, однако, и не мало затрудненій. Совершенно нѣтъ наглядныхъ пособій: таблицъ, дѣтскихъ альбомовъ съ иллюстраціями. Даже въ Софіи невозможно достать глину для лѣпки, нѣтъ разноцвѣтной и желтой соломы для плетенія, съ трудомъ удается доставать, и то грубую, разноцвѣтную бумагу и т. д.. Главное же затрудненіе, общее для всѣхъ русскихъ начинаній въ Болгаріи, — отсутствіе подходящихъ для дѣтскихъ садовъ помѣщеній, въ связи съ повсемѣстнымъ жилищнымъ кризисомъ, съ одной стороны, и индифферентнымъ отношеніемъ учрежденій, вѣдающихъ квартирнымъ дѣломъ, съ другой. Тѣмъ не менѣе организованные Союзомъ дѣтскіе сады завоевали себѣ довѣріе со стороны русскихъ бѣженцевъ и даже болгаръ. Успѣхъ среди русскихъ понятенъ самъ собой, такъ какъ при нынѣшнихъ тяжелыхъ условіяхъ жизни дѣтскіе сады приносятъ родителямъ большое облегченіе и, кромѣ того, значительно улучшаютъ питаніе дѣтей. Успѣхъ среди болгаръ объясняется удовлетворительной постановкой дѣла и полнымъ отсутствіемъ въ Болгаріи подобныхъ учебно-воспитательныхъ учрежденій. Кое-гдѣ прежде были дѣтскіе сады, от-

крытые нѣмцами, завоевавшіе отличную репутацію, но послѣ войны они закрылись.

Варненская гимназія г. Кононовича первоначально испытывала большой недостатокъ въ средствахъ. Только послѣ принятія Союзомъ Городовъ на себя расходовъ по содержанію гимназіи, въ размѣрѣ 20.000 л. ежемѣсячно, положеніе ея упрочилось. Еще недавно количество учащихся въ гимназіи превышало 100 человѣкъ, но затѣмъ оно упало до 77 въ связи съ отъѣздомъ значительнаго числа русскихъ изъ Варны въ Крымъ.

Кромѣ Варненской, Союзомъ финансируется также и открытая Русско-Болгарскимъ Комитетомъ Софійская русская гимназія. Значительно умаляетъ роль русскихъ гимназій въ Варнѣ и въ Софіи-отсутствіе при нихъ интернатовъ. Русскіе бѣженцы, разселенные по болѣе мелкимъ пунктамъ Болгаріи, не въ состояніи изъ за дороговизны перебраться въ Варну или Софію или посылать туда жить дѣтей. Въ каждомъ такомъ пунктѣ остается 5—10 дѣтей, не имѣющихъ возможности продолжать или закончить среднее образованіе въ то время, какъ двѣ имѣющіяся гимназіи могли бы съ успѣхомъ обучить и во много разъ большее количество дѣтей. Вопросъ объ устройствѣ интернатовъ неоднократно обсуждался, но отъ этой мысли приходилось отказываться изъ за недостатка средствъ. Чтобы предоставить все же возможность учиться русскимъ дѣтямъ и подросткамъ, проживающимъ въ провинціи. Союзъ Городовъ организовалъ, пока для пробы, въ Плевнѣ повторительные двухмѣсячные курсы съ тѣмъ, чтобы по истеченіи двухъ мѣсяцевъ эти курсы были преобразованы въ общеобразовательные курсы съ гимназической программой и съ преподаваніемъ по репетиціонной системѣ. Предполагается открытіе такихъ же курсовъ въ Рущукѣ и Шумлѣ.

Учитывая особую важность для бѣженцевъ знанія иностранныхъ языковъ, Союзъ организовалъ спеціальные курсы языковъ въ Софіи, Варнѣ и Плевнѣ. Для обученія бѣженцевъ ремесламъ открыты въ Софіи курсы для обученія шитью обуви съ мастерской при нихъ, курсы машинописьма (при нихъ бюро переписки, переводовъ и починки машинъ) и курсы стенографіи; въ Варнѣ — курсы кройки и шитья съ мастерской при нихъ и курсы виноградарства; въ Плевнѣ—школа и мастерская плетенія корзинъ. Всѣ эти начинанія постепенно развиваются, и есть основаніе разсчитывать, что скоро станутъ настолько на ноги, что перестанутъ нуждаться въ ежемѣсячной денежной поддержкѣ со стороны Союза.

Въ своихъ культурно-просвѣтительныхъ учрежденіяхъ Союзъ Городовъ даетъ заработокъ 78 русскимъ бѣженцамъ. Обучающихся на организованныхъ Союзомъ курсахъ, въ школахъ, дѣтскихъ садахъ и проч. состояло на I октября 380 человѣкъ, изъ которыхъ 221 дѣтей и 159 взрослыхъ. Израсходовано на организацію и содержаніе учрежденій Союза Городовъ по I октября 254,186 левъ.

Всероссійскій Земскій Союзъ, начавъ свою дѣятельность по оказанію трудовой помощи бѣженцамъ со второй половины мая, первоначально остановился на двухъ видахъ этой помощи, а именно: на пріисканіи бѣженцамъ всякаго рода занятій при посредствѣ Бюро Труда и на финансированіи трудовыхъ артелей. Выдачей ссудъ артелямъ имѣлось въ виду развить иниціативу самихъ бѣженцевъ и дать имъ возможность быть хозяевами предпріятій, въ которыхъ они работаютъ. Однако, финансированіе артельныхъ организа-

ціи не всегда приводило къ желательнымъ результатамъ. При неподготовленности большинства бѣженцевъ къ самостоятельному веденію дѣла и отсутствіи у нихъ соотвѣтствующаго опыта и знаній, артели зачастую не оправдывали возлагавшихся на нихъ надеждъ, не умѣя поставить коммерчески правильно предпріятіе. Это обстоятельство заставило Земскій Союзъ заняться организаціей собственныхъ предпріятій, въ которыхъ бѣженцы могли бы въ достаточномъ количествѣ найти приложеніе своего труда.

По первое ноября Земскій Союзъ выдалъ 49 ссудъ на сумму 415,061 левъ предпріятіямъ съ общимъ числомъ участниковъ въ 107 человѣкъ. Общее же число работающихъ въ предпріятіяхъ, финансируемыхъ Союзомъ, достигало 265 человѣкъ. Финансовая поддержка Союза дала возможность организоваться слѣдующимъ артелямъ: въ Софіи — двѣ артели по изготовленію игрушекъ и учебныхъ пособій, автомобильная мастерская „Унiонъ", артель русскихъ интеллигентныхъ портныхъ, артель музыкантовъ, сапожная мастерская; въ с. Княжево — сапожно-заготовочная мастерская и мастерская по изготовленію сапожныхъ и другихъ инструментовъ; Въ Плевнѣ — мастерская парфюмернаго производства, шляпная мастерская, двѣ сапожныхъ мастерскихъ и 4 мастерскихъ по шитью и починки бѣлья; въ Кюстендилѣ — двѣ артели по изготовленію повидла, варки мармелада и сушки сливъ; около Тырново—мастерская корзиноплетенія; въ Варнѣ—двѣ мастерскихъ по шитью и починки бѣлья, артель по обработкѣ виноградниковъ, подвижной буфетъ, сапожная мастерская, фотографія, артель корабельныхъ плотниковъ, художественная мастерская, артель по ремонту роялей и піанино, артель для изготовленія красокъ, артель эксплоатаціи моторнаго судна. Кромѣ того, Союзомъ выданы ссуды Никольской Общинѣ сестеръ милосердія на открытіе санаторія и организовавшемуся въ г. Варнѣ Союзу взаимопомощи офицеровъ, чиновниковъ, священниковъ, врачей, сестеръ милосердія и солдатъ—на открытіе потребительской лавки. Выдавались Союзомъ небольшія ссуды и отдѣльнымъ лицамъ на пріобрѣтеніе швейныхъ машинъ, плотничьихъ и столярныхъ инструментовъ, на организацію издательскаго дѣла и др.

Непосредственно самимъ союзомъ въ Софіи открыто бюро переписки и переводовъ, въ которомъ имѣютъ постоянный заработокъ пять человѣкъ; въ Кюстендильскомъ округѣ организована сушка сливъ и приготовленіе повидла, что даетъ заработокъ 15 бѣженцамъ. Въ Варнѣ оборудованъ маслодѣльный заводъ для производства растительныхъ маслъ изъ рапичныхъ сѣмянъ. На этомъ заводѣ предоставляется работа 15 человѣкамъ. Кромѣ того, приступлено къ обработкѣ и эксплоатаціи заарендованнаго Союзомъ вблизи Варны виноградника, гдѣ пока работаютъ три человѣка.

Въ послѣднее время возникло предположеніе и разрабатывается планъ организаціи массовыхъ работъ для бѣженцевъ, которыя, обезпечивъ вполнѣ или отчасти существованіе ихъ, освободили-бы другія организаціи отъ необходимости оказанія этимъ бѣженцамъ разнаго рода помощи. Предположено организовать массовыя работы на ручныхъ ткацкихъ станкахъ, типа Московскаго промышленнаго района, для выработки холста. Также имѣется въ виду приступить къ заготовленію въ большомъ количествѣ такого бѣлья, которое могло бы найти вѣрный сбытъ въ Болгаріи. Земскій Союзъ оказываетъ также посредническую помощь бѣженцамъ открытыми имъ въ Софіи и въ Варнѣ Бюро Труда. Дѣятельность этихъ послѣднихъ характеризуется слѣдующими

цифрами. Всего за шесть мѣсяцевъ зарегистрировано было 2751 ищущихъ работы самыхъ различныхъ спеціальностей, начиная отъ врачей, инженеровъ, агрономовъ и кончая кельнерами, портными и чернорабочими. Устроено на постоянныя мѣста 511 человѣкъ и на временную работу 727. Изъ нихъ на интеллигентный трудъ — 147 и на физическую работу 1091.

Само собою разумѣется, что эти цифры не опредѣляютъ въ полной мѣрѣ, съ одной стороны, количества ищущихъ заработка, съ другой — фактически устроившихся русскихъ бѣженцевъ. Сюда не входятъ квалифицированные работники самыхъ разнообразныхъ профессій, получившіе работу въ болгарскихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Непосредственнымъ предложеніемъ своихъ услугъ устроилось довольно значительное количество русскихъ агрономовъ, нѣсколько инженеровъ и юристовъ. Нѣсколько русскихъ врачей были приглашены въ болгарскія государственныя больницы. Наконецъ, цѣлый рядъ лицъ получилъ работу въ русскихъ учрежденіяхъ Городского и Земскаго Союзовъ, Краснаго Креста и въ различныхъ частныхъ предпріятіяхъ, образованныхъ частной иниціативой русскихъ бѣженцевъ. Эта иниціатива первое время русскаго бѣженства въ Болгаріи была довольно разнообразна. Однако, недостатокъ средствъ, отсутствіе коммерческихъ навыковъ и надлежащаго опыта у большинства бѣженцевъ — интеллигентовъ, обычно чуждыхъ всякаго рода коммерческимъ начинаніямъ, и, наконецъ, крайне неблагопріятная обстановка экономической жизни Болгаріи послѣ войны разрушили всѣ опыты и начинанія. За исключеніемъ двухъ болѣе или менѣе крупныхъ русскихъ предпріятій, одного промышленнаго характера и другого—издательскаго, остальныя или влачатъ совершенно жалкое существованіе, или, не успѣвъ стать на ноги, прекратили свое существованіе. Изъ начинаній идейныхъ должны быть отмѣчены—съ большими усиліями и крайними затрудненіями организованная въ Варнѣ группой русскихъ журналистовъ, во главѣ съ И. П. Ниловымъ, ежедневная „Русская Газета“ и въ Софіи — редактируемая В. А. Иловайскимъ газета „Россія“. Первая изъ нихъ, вслѣдствіе недостатка средствъ, закрылась; вторая выходитъ въ сокращенномъ размѣрѣ.

Изъ попытокъ сближенія русскихъ можно отмѣтить—учрежденное въ Софіи „Общество единенія русскихъ въ Болгаріи“ и „Русскій литературно-художественный кружокъ въ Варнѣ“.

Въ составѣ русской эмиграціи въ Болгаріи оказалось не мало научныхъ силъ, которыя нашли себѣ примѣненіе въ мѣстныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: въ университетѣ, въ только что открытомъ въ Софіи Ближневосточномъ Институтѣ и въ Богословскомъ училищѣ Такъ, изъ числа русскихъ ученыхъ приглашены для преподаванія на юридическомъ факультетѣ Софійскаго университета профессора: И. А. Базановъ, П. М. Богаевскій, В. Н. Рененкампфъ, К. Н. Соколовъ; на историко-филологическомъ-профессора: Э. Д. Гриммъ, М. Г. Попруженко, Н. П Кондаковъ, доценты кн. Н. С. Трубецкой и В. М. Мочульскій; на медицинскомъ — В. П. Воробьевъ, В. В. Завьяловъ, А. М. Маньковскій, А. Н. Медвѣдевъ, Г. Е. Рейнъ; на физико-математическомъ — профессоръ Н. А. Пушинъ и друг.; въ высшемъ Богословскомъ училищѣ: профессоръ Петроградской Духовной Академіи А. П. Рождественскій, протоіерей Г. П. Шавельскій, инспекторъ Кіевской Духовной Академіи Архимандритъ Тихонъ и профессоръ той же Академіи М. Э. Посновъ.

Изъ русскихъ артистическихъ силъ были приглашены въ болгарскіе театры: драматическій артистъ И. Е. Дуванъ — Торцовъ—главнымъ режиссеромъ національнаго драматическаго театра; извѣстный пѣвецъ-баритонъ И. В. Иванцовъ — главнымъ режиссеромъ національной оперы и капельмейстеръ М. М. Златинъ—главнымъ дирижеромъ той же оперы. Съ большимъ успѣхомъ играли въ Софіи и въ провинціи артистки Е. Ф. Днѣпрова и Е. А. Полевицкая; въ октябрѣ и ноябрѣ въ Софіи въ Народномъ театрѣ гастролировала часть труппы Московскаго художественнаго театра, встрѣтившая чрезвычайно внимательное къ себѣ отношеніе болгарскаго общества. Къ сожалѣнію, наряду съ дѣйствительно солидными служителями искусства, изъ числа русскихъ бѣженцевъ въ Болгаріи выступаютъ и лица безъ всякаго серьезнаго стажа, но съ большими претензіями и часто съ самыми фантастическими званіями.

Крымская катастрофа значительно ухудшила положеніе русскихъ бѣженцевъ въ Болгаріи. Съ одной стороны, она вызвала приливъ новыхъ волнъ бѣженцевъ, крайне нуждавшихся во всякаго рода помощи. Съ другой—связанное съ ней прекращеніе финансированія русскихъ общественныхъ организацій правительствомъ генерала Врангеля вынудило ихъ сократить свою дѣятельность.

Такъ, Земскимъ союзомъ прекращены выдачи ссудъ артельнымъ предпріятіямъ, значительно съужены собственныя предпріятія союза. Крайнія затрудненія испытываютъ просвѣтительныя учрежденія Союза городовъ, доведшаго свои ассигнованія на содержаніе этихъ учрежденій до минимума. Сократилась существенно облегчавшая положеніе бѣженцевъ дѣятельность Краснаго Креста. Отсутствіе средствъ и опредѣленныхъ источниковъ ихъ полученія создаютъ крайнюю неувѣренность и неустойчивость въ работѣ русскихъ общественныхъ организацій. Эта неопредѣленность неизбѣжно сказывается на продуктивности работы, разстраиваетъ всѣ планы и предположенія, самую помощь доводитъ до столь ничтожныхъ размѣровъ, что никакого вліянія на общее положеніе бѣженцевъ она уже не оказываетъ. Улучшенія въ этомъ отношеніи, видимо, ожидать не приходится. Будущее не предвѣщаетъ ничего, кромѣ постепеннаго замиранія дѣятельности русскихъ организацій. Правда, въ случаяхъ уже кричащей, невыносимой потребности въ помощи, какую, напримѣръ, испытываютъ въ настоящее время бѣженцы изъ Крыма, создаются новыя благотворительныя организаціи, появляются новыя попытки облегчить положеніе бѣженцевъ. Такъ, въ Болгаріи по иниціативѣ видныхъ болгарскихъ общественныхъ дѣятельницъ и дѣятелей предполагается сборъ добровольныхъ пожертвованій въ пользу русскихъ бѣженцевъ. Въ Софіи, въ цѣляхъ поддержки оказавшихся безъ средствъ дѣтскаго сада и подготовительной школы, учрежденныхъ Союзомъ городовъ, организованъ попечительный комитетъ въ составѣ Г. А. Малиновой, Радевой, Тодоровой, Г. г. Данева, Згурьева, Сарафова и друг. Комитетомъ имѣется въ виду открытіе подписки на содержаніе дѣтскаго сада и школы для русскихъ дѣтей.

К. Парчевскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

Кн. Н. С. Трубецкой. Европа и человѣчество. Софія, Россійско-Болгарское книгоиздательство. 1920, стр. VI 82.

Книга кн. Трубецкого представляетъ выдающійся интересъ, какъ по важности поставленной въ ней проблемы, такъ и по методологическому подходу къ ней автора.

Авторъ ставитъ вопросъ объ объективной цѣнности романогерманской цивилизаціи, выдаваемой Западной Европой въ силу свойственнаго ей эгоцентризма за цивилизацію общечеловѣческую, и о взаимоотношеніи этой культуры со всѣми прочими культурами міра. Говорить, что романогерманская цивилизація представляетъ послѣднее звено въ эволюціи человѣческой культуры, нельзя, ибо самая схема эволюціоннаго развитія установлена западноевропейской наукой не на основаніи объективныхъ признаковъ, которыхъ нѣтъ, а примѣнительно къ оцѣнкѣ ихъ большаго или меньшаго сходства съ западноевропейской культурой (причемъ наиболѣе чуждыя Западной Европѣ именно поэтому объявляются низшими, менѣе чуждыя — болѣе высокими и т. д.), т. е. эта схема имѣетъ безсознательно эгоцентрическій, иначе говоря, научно несостоятельный характеръ. Разобравъ въ связи съ этимъ рядъ доказательствъ (однако, на нашъ взглядъ отнюдь не всѣ) въ пользу того, что р.-г. цивилизація является наивысшей изъ всѣхъ нынѣ существующихъ культуръ, авторъ приходитъ къ заключенію, что никакихъ достаточныхъ основаній для признанія такого притязанія Западной Европы не имѣется. „Вмѣсто лѣстницы, мы получаемъ горизонтальную плоскость. Вмѣсто принципа градаціи народовъ и культуръ постепеннаго совершенства — новый принципъ равноцѣнности качественной несоизмѣримости всѣхъ культуръ и народовъ земного шара... Нѣтъ высшихъ и низшихъ. Есть только похожіе и непохожіе". (стр. 42). Но если тѣ или иные народы тѣмъ не менѣе пожелали бы пріобщиться именно къ западно-европейской, а не къ какой иной цивилизаціи, то авторъ показываетъ имъ, что всякое вообще полное пріобщеніе одного народа къ культурѣ другого возможно лишь при условіи антропологическаго смѣшенія пріобщающагося народа съ тѣмъ, къ культурѣ коего онъ желаетъ пріобщиться. (стр. 44—55). Народъ же, который не сможетъ или не пожелаетъ смѣшаться съ другимъ до полной утраты своего лица, — а этого не можетъ ни желать, ни допустить „ни одинъ нормальный народъ въ мірѣ, въ собенности народъ, организованный въ государство" (стр. 12), — и который въ то же время частично пріобщится къ чуждой ему культурѣ, психологически обреченъ на сравнительную, по сопоставленію съ тѣмъ народомъ или группой народовъ, къ цивилизаціи которыхъ онъ частично пріобщился, „отсталость" (стр. 56—70). „Но, если европейская цивилизація ничѣмъ не выше всякой другой, если полное пріобщеніе къ чужой культурѣ невозможно, и если стремленіе къ полной европеизаціи сулитъ всѣмъ не-романогерманскимъ народамъ самую жалкую и трагическую участь — то, очевидно, что съ европеизаціей этимъ народамъ надо бороться изъ всѣхъ силъ". (стр. 70). Уста-

новивъ фактъ, что процессъ европеизаціи не является процессомъ стихійно неизбѣжнымъ, авторъ, наконецъ, указываетъ нѣсколько неотчетливый практическій выходъ изъ грозящей не-романогерманскимъ народамъ тяжелой опасности. „Смотря на романогерманскую культуру лишь какъ на одну изъ возможныхъ культуръ, они возьмутъ изъ нея только тѣ элементы, которые имъ понятны и удобны, и въ дальнѣйшемъ будутъ свободно измѣнять эти элементы, примѣнительно къ своимъ національнымъ вкусамъ и потребностямъ, совершенно не считаясь съ тѣмъ, какъ оцѣнятъ эти измѣненія романогерманцы со своей эгоцентрической точки зрѣнія". (стр. 77). Это предполагаетъ, по мнѣнію автора, „полный переворотъ, революцію интеллигенціи не-романогерманскихъ народовъ. Главною сущностью этого переворота является сознаніе относительности того, что прежде казалось безусловнымъ — „благъ европейской „цивилизаціи". Это должно быть проведено съ безжалостнымъ радикализмомъ". (стр. 81).

Здѣсь можно дать только с х е м у разсужденій автора и нѣтъ возможности дать представленіе ни объ его порой по-истинѣ блестящей аргументаціи (напр. на стр. 25—33 о взаимоотношеніи психики „культурныхъ народовъ" и „дикарей", на стр. 58—70 — анализъ послѣдствій безогляднаго усвоенія чужой культуры и т. д.), ни о той глубокой тревогѣ, которой, несмотря на с х е м а т и ч е с к о е построеніе книги, вѣетъ отъ многихъ ея страницъ. Аргументація автора насъ въ с у щ е с т в е н н ы х ъ п у н к т а х ъ н е у б ѣ д и л а, а конечный практическій выводъ его страдаетъ слишкомъ большой схематичной блѣдностью и въ этомъ видѣ едва ли кого либо удовлетворитъ. Не преувеличиваетъ ли, кстати сказать, авторъ эгоцентричность европейской цивилизаціи, вырабатывающей въ собственной средѣ нѣкоторыя, хотя пока весьма слабыя, противоядія противъ этого зла, и не преувеличиваетъ ли онъ вмѣстѣ съ тѣмъ степень слѣпоты заимствованій, производимыхъ другими народами у романогерманцевъ?

Впрочемъ, какъ эти, такъ и другіе вопросы, поставленные авторомъ, нуждаются въ болѣе обстоятельномъ разсмотрѣніи. Мы къ нимъ вернемся подробно въ одной изъ ближайшихъ книгъ.

В. Б. Станкевичъ. Воспоминанія 1914—1919 г. Берлинъ. 1920 г. Издательство И. П. Ладыжникова. Стр. 356.

Настоящая книга представляетъ едва-ли не первый крупныхъ размѣровъ вкладъ въ будущую литературу воспоминаній о событіяхъ послѣднихъ лѣтъ русской жизни, которой, надо надѣяться, суждено получить значительное развитіе.

Воспоминанія г. Станкевича представляютъ интересъ, главнымъ образомъ, какъ правдивый разсказъ о личныхъ переживаніяхъ и психической эволюціи очень типичнаго представителя лѣвыхъ демократическихъ теченій (г. Станкевичъ былъ въ свое время секретаремъ трудовой группы третьей Государственной Думы), — тѣхъ лѣвыхъ теченій, которыя охотно именовали и именуютъ себя „революціонной демократіей". Впрочемъ, „принявъ" еще въ 1914 г. войну,— чему авторъ самъ нынѣ какъ будто немножко удивлятся; судя по послѣднимъ страницамъ, онъ теперь въ такой грѣхъ уже не впалъ бы! — г. Станкевичъ оставался до большевистскаго

переворота сторонникомъ болѣе праваго теченія „революціонной демократіи". Военное дѣло, — самъ онъ, видимо, въ бояхъ не участновалъ, а занимался саперно-инженернымъ дѣломъ на сѣверномъ фронтѣ, — его даже настолько увлекло, что онъ дѣлалъ все возможное, дабы пріобрѣтенный имъ опытъ (по профессіи г. Станкевичъ юристъ, а по званію — приватъ-доцентъ Петроградскаго Университета; онъ былъ свободенъ отъ призыва и поступилъ въ армію добровольцемъ) могъ быть использованъ въ болѣе широкомъ размѣрѣ на пользу борьбы съ нѣмцами.

Послѣ революціи авторъ вошелъ въ составъ Петроградскаго Совѣта, какъ представитель офицеровъ своего батальона, и даетъ въ связи съ этимъ довольно любопытную картину состава и работъ этого Совѣта. „Чувствовалось, что масса ушла не только отъ средняго общественнаго мнѣнія, отъ круговъ, которые въ свою пользу оспаривали власть у стараго правительства, но что она, вообще, никѣмъ не руководится, что она живетъ своими законами и ощущеніями, которые не укладываются ни въ одну идеологію, ни въ одну организацію, которые, вообще, противъ всякой идеологіи и организаціи, т а к ъ к а к ъ э т о п о п р и р о д ѣ с в о е й а н а р х и ч е с к а я с т и х і я". (стр. 76). И давая объясненіе, почему масса вышла изъ подъ руководства интеллигенціи всѣхъ видовъ (см. въ частности по отношенію къ офицерству стр. 72, сл.), онъ не безъ основанія говоритъ: „Вѣдь не только офицеры прибѣжали черезъ пять минутъ послѣ того, какъ солдаты вышли на улицу, н о л и ш ь ч е р е з ъ п я т ь м и н у т ъ п р и б ѣ ж а л и и д ѣ я т е л и п р о г р е с с и в н а т о б л о к а, и м е н ь ш е в и к и, и б о л ь ш е в и к и... Кто вызалъ солдатъ на улицу? Ни одна партія, при всемъ желаніи присвоить себѣ эту честь, не могла дать отвѣта... Съ какимъ лозунгомъ вышли солдаты? Они вышли, повинуясь какому то тайному голосу, и с ъ в и д и м ы м ъ р а в н о д у ш і е м ъ и х о л о д н о с т ь ю п о з в о л я л и п о г о м ъ н а в ѣ ш и в а т ь н а с е б я в с е в о з м о ж н ы е л о з у н г и".

Наряду съ такими мѣткими и по существу вѣрными замѣчаніями, книга г. Станкевича изобилуетъ такими сужденіями, которыя способны вызвать по меньшей мѣрѣ изумленіе (напр. многочисленные хвалебные отзывы о необыкновенной государственной мудрости и прозорливости А. Ф. Керенскаго, — ср. стр. 75, 222—8 и др., — разсужденія о приказѣ № I на стр. 99—100, о смертной казни на фронтѣ, стр. 191, сл., стр. 210—212 и т. д.).

Не только въ первой части книги, но и тамъ, гдѣ г. Станкевичъ разсказываетъ о своей дѣятельности въ качествѣ комиссара разныхъ фронтовъ, а впослѣдствіи и въ качествѣ комиссара при ставкѣ Главнокомандующаго (при ген. Духонинѣ), интереснѣе всего опять таки общебытовые и психологическіе матеріалы, заключающіеся въ воспоминаніяхъ автора, а не его собственныя сужденія, слишкомъ часто крайне сумбурныя и невольно извращающія смыслъ и перспективу событій. Для того чтобы отдать себѣ отчетъ въ своеобразной путаницѣ мыслей, характерной для автора, пожалуй, достаточно напомнить, что уже послѣ убійства Духонина онъ „отправился къ Крыленкѣ и предложилъ ему услуги въ качествѣ рядового офицера" (стр. 304) въ предположеніи, что... большевики станутъ отстанвать фронтъ противъ нѣмцевъ.

РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО.

СОФІЯ, СОФІЙСКІЙ БАНКЪ. Ул. БЕНКОВСКА, 5.

Телегр. адресъ: **Софія Рубокнига.**

ОТДѢЛЪ ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ:

П. Н. Милюковъ. „ИСТОРІЯ ВТОРОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ“. Въ четырехъ частяхъ (печат.).

К. Н. Соколовъ. „ПРАВЛЕНІЕ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА.“ (Печат.).

„РУССКІЕ СБОРНИКИ“ подъ ред. проф. Э. Д. Гримма и К. Н. Соколова. Книги первая и вторая (поступ. въ продажу).

ОТДѢЛЪ РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКІЙ:

Митрополитъ Антоній (Храповицкій). **„СЛОВАРЬ КЪ ТВОРЕНІЯМЪ ДОСТОЕВСКАГО“.** (Печат.).

С. Булгаковъ. „НА ПИРУ БОГОВЪ“. (Поступ. въ продажу).

Кн. Н. С. Трубецкой. „ЕВРОПА И ЧЕЛОВѢЧЕСТВО.“ (Пост. въ продажу).

ОТДѢЛЪ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ:

Эренбургъ. „ЛИКЪ ВОЙНЫ“ (Во Франціи). (Пост. въ продажу).

Ал. Блокъ. „ДВѢНАДЦАТЬ“, съ предисловіемъ П. Сувчинскаго (пост. въ продажу).

Ал. Блокъ. „РОЗА и КРЕСТЪ“. (Печат.).

Ю. Никольскій. „ТУРГЕНЕВЪ и ДОСТОЕВСКІЙ“ (Исторія одной вражды). (Пост. въ продажу).

Г. Д. Уэльсъ. „РОССІЯ ВО МГЛѢ“. (Печат.).

ОТДѢЛЪ ЭКОНОМИЧЕСКІЙ:

Гербертъ Кэссонъ. „16 АКСІОМЪ ДѢЛОВОГО ЧЕЛОВѢКА“. (Пост. въ продажу).

РОССИЙСКО-
БОЛГАРСКОЕ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СОФІЯ